

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

№ 1 (25)

Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2018

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES

№ 1 (25)

Published since 2009
Quarterly

Moscow
2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д.Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А.В. главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор
Бирич И.А. заместитель главного редактора	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, доцент
Сухорукова О.А. ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат исторических наук, доцент
Бессонов Б.Н.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор
Гогиберидзе Г.М.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
Мамедова Н.М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Оганисян А.О.	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
Чёрненькая С.В.	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Чжан Байчунь	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Общество: ценности и смыслы

<i>Кочеткова Л.Н.</i> Личность, общество и государство в творчестве Лоренца фон Штейна — основоположника теории социального государства.....	10
<i>Капков С.А.</i> Трансформации социокультурных практик в городских общественных пространствах (на примере Москвы)	19

Личность и общество

<i>Ключко О.И.</i> Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи	29
<i>Соколова И.Г.</i> Развитие нишевых телеканалов в России в контексте проблемы социального одиночества	36

Философия образования

<i>Бирич И.А.</i> О профессионализме педагогического образования в свете разных педагогических стратегий. Часть 2.....	44
<i>Жукоцкая А.В., Овчинников Д.Е.</i> О некоторых проблемах гуманитаризации образования в современной высшей школе (социально-философский дискурс)	53

Философия культуры

<i>Поваляев В.Г.</i> Интерпретация игровых практик в современной культуре	62
<i>Фоминых М.В.</i> Шахматы как социально-культурный феномен	68

Социальная роль языка

- Ксенофонт В.В.* Русский язык и его коммуникативная роль в современном мире 77
- Кармова М.Р.* Коммуникативная компетенция как основа социокультурной адаптации мигрантов 85

Философия религии

- Фурсов В.В.* Порфирий о Пифагоре. Цепь неожиданных аналогий 91
- Кораблин Д.А.* Интерпретация буддийской концепции анатмана в «неантропоцентристской философии» А.М. Пятигорского 98
- Волобуев А.В.* Религиозная и политическая грани фундаментализма 106

Научная жизнь

- Бирич И.А., Твердынин Н.М.* Первый Белорусский философский конгресс — впечатления участников 114
- Фролова М.И.* Мир человека: неопределенность как вызов. XVII Фроловские чтения 120

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки», 2018, № 1 (25)** 123

- Требования к оформлению статей** 127

CONTENTS

The Word of the Chief Editor

Objectives of the Issue	8
-------------------------------	---

Society: Values and Meanings

<i>Kochetkova L.N.</i> Personality, Society and State in the Work of Lorentz von Stein — the Founder of the Theory of the Social State	10
<i>Kapkov S.A.</i> Transformations of Socio-Cultural Practices in Urban Public Space (on the Example of Moscow).....	19

Personality and Society

<i>Klyuchko O.I.</i> Gender Transformations in the Socialization and Mentality of Russian Youth.....	29
<i>Sokolova I.G.</i> Development of Niche TV Channels in Russia in the Context of the Problem of Social Loneliness	36

Philosophy of Education

<i>Birich I.A.</i> On the Professionalism of Teacher Education in the Light of Different Pedagogical Strategies. Part 2	44
<i>Zhukotskaya A.V., Ovchinnikov D.E.</i> On Some Problems of the Humanitarization of Education in the Modern Higher School (Socio-Philosophical Discourse).....	53

Philosophy of Culture

<i>Povalyaev V.G.</i> The Interpretation of the Game Practices of the Modern Culture.....	62
<i>Fominykh M.V.</i> Chess as a Socio-Cultural Phenomenon	68

The Social Role of Language

<i>Ksenofontov V.V.</i> Russian Language and Its Communicative Role in the Modern World	77
<i>Karmova M.R.</i> Communicative Competence as the Basis of Social and Cultural Adaptation of Migrants.....	85

Philosophy of Religion

<i>Fursov V.V.</i> Porphyry of Pythagoras. The Chain of Unexpected Analogies.....	91
<i>Korablin D.A.</i> Interpretation of the Buddhist Concept of Anatman in A.M. Pyatigorsky's «Non-Anthropocentric Philosophy»	98
<i>Volobuev A.V.</i> Religious and Political Aspects of Fundamentalism.....	106

Scientific Life

<i>Birich I.A., Tverdnyin N.M.</i> First Belarusian Philosophical Congress — Impressions of Participants	114
<i>Frolova M.I.</i> Human World: Uncertainty as a Challenge. XVII Frolov Readings.....	120

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Philosophical Sciences», 2018, № 1 (25).....	123
--	-----

Style Sheet.....	127
------------------	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Задачи номера

Уважаемые читатели, по сути, содержание данного номера журнала соответствует первой рубрике «Общество: ценности и смыслы» — это ценности культуры, религии, образования, языка.

Статья доктора философских наук Л.Н. Кочетковой знакомит с творчеством Лоренца фон Штейна, немецкого философа, гегельянца, правоведа, историка и экономиста, советника японского правительства, автора идеи и теории социального государства.

Актуальным проблемам организации пространства мегаполиса, его роли в повседневной жизни горожан посвящена публикация С.А. Капкова. Статьи кандидата философских наук В.Г. Поваляева и гроссмейстера М.В. Фоминых — это философский разговор об игре как имманентном атрибуте человеческой деятельности.

Рубрику «Личность и общество» открывает статья доктора философских наук, психолога О.И. Ключко. По данным ООН, Россия на 75-м месте в рейтинге гендерного равенства. Автор приводит факты вариативности и неоднозначности гендерных компонентов ментальности современных юношей и девушек. Гендерные различия зрительских предпочтений

исследует И.Г. Соколова, анализируя необходимые условия для развития нишевых телеканалов России.

В постоянной рубрике нашего журнала «Философия образования» авторами вновь поднимаются проблемы гуманитарного образования и профессионализма педагогического образования. Никакие смыслы и ценности непостижимы вне коммуникации, поэтому так важен русский язык и его коммуникативная роль в современных условиях, образовательных в том числе. О сложностях формирования коммуникативной компетенции у мигрантов, прибывающих в нашу страну, можно прочитать в статьях кандидата философских наук В.В. Ксенофонтова и аспиранта ИГНиУ МГПУ М.Р. Кармовой.

Все, что связано с исследованием религиозных идей и представлений, всегда вызывает интерес. В этом смысле открытием является статья аспиранта нашей кафедры Д.А. Кораблина, в которой предлагается авторская интерпретация идей известного советского буддолога А.М. Пятигорского и вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы из личного архива его семьи. Проблема расширения содержания понятия «фундаментализм» поднимается в статье кандидата философских наук

А.В. Волобуева, а кандидат философских наук В.В. Фурсов проводит действительно неожиданные и любопытные аналогии в статье о Пифагоре, хотя мы понимаем, что аналогия — не всегда лучший и доказательный логический прием в исследовании.

В этом номере вас ждет информация о Первом философском конгрессе в Беларуси и о XVII чтениях памяти известного отечественного философа И.Т. Фролова. Надеюсь, каждый выберет себе чтение по душе.

А.В. Жукоцкая

ОБЩЕСТВО: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

УДК 1(091)

Л.Н. Кочеткова

Личность, общество и государство в творчестве Лоренца фон Штейна — основоположника теории социального государства

Статья посвящена реконструкции социально-философских взглядов немецкого мыслителя XIX в. Лоренца фон Штейна по вопросу взаимосвязи концептов «личность», «общество» и «государство», интерпретация которых легла в основу создания первой теории социального государства. В статье рассматриваются исторические и теоретические предпосылки теории социального государства, первое определение социального государства, роль государства по разрешению социального вопроса эпохи индустриального капитализма.

Ключевые слова: Л. фон Штейн; личность; общество; государство; социальное государство.

В настоящее время отечественное экспертное сообщество все чаще связывает перспективу перехода России к ускоренным темпам модернизации и инновационного развития с пересмотром программы социального государства. Некоторые эксперты говорят о том, что экономическому развитию нашей страны мешает перегруженность бюджета социальными обязательствами, и приводят в пример Китай, где нет институтов социального государства, но при этом страна демонстрирует высокие темпы развития экономики. Не случайно ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов прямо заявляет: «Модернизация социального государства в России — первая по актуальности задача. Все остальные модернизации прямо зависят от ее успеха или неуспеха» [3: URL]. А известный российский философ Т.Ю. Сидорина пессимистично констатирует: «Человечество предприняло еще одну попытку достижения общественного идеала. Welfare State заняло свое место в ряду идей и концепций (от древних мифов, утопий эпохи Возрождения, проектов социалистов-утопистов и т. д.) и реальных попыток их воплощения. Как и предыдущие

попытки, этот проект не во всем удался. Но человечество приобрело опыт существования в условиях государства благосостояния. Возможно, этот опыт и составляет важнейшее достижение политики и практики Welfare State» [4: с. 28]. Другими словами, автор ставит государство всеобщего благосостояния, которое необходимо рассматривать как этап развития социального государства, в один ряд с древними мифами, утопиями и редуцирует достижения государства благосостояния к приобретенному опыту вне оценки его исторической миссии.

В данной статье поставлена задача реконструировать первую теорию социального государства, которая возникла в трудах Л. Фон Штейна, написанных в середине XIX в. Это, с одной стороны, дань уважения выдающемуся мыслителю, чьи идеи изменили ход истории XX в., а с другой стороны, попытка вернуть теоретические положения ученого в современный социально-философский дискурс в целях дальнейшего развития теории социального государства.

При всем уважении к истории основной наш интерес лежит не в прошлом, а в будущем: на примере первоисточника попытаемся показать аксиологическое значение и защитную роль социального государства в сохранении стабильности общества, чтобы предостеречь современных ученых и политиков от скоропалительных выводов о модернизации или утопичности социального государства.

Начнем с того, что *концепция социального государства явилась выражением принципиально новой трактовки сущности государства и его функций. Понятие социального государства отразило исторический переход от модели «государство — ночной сторож» к модели активного государства, берущего на себя ответственность за осуществление социальных функций.*

В идеологическом плане немецкая концепция социального государства была порождением *консервативной мысли*, а не либеральной или коммунистической, как иногда пытаются представить, находя сходство в понятиях «социальное» и «социалистическое» государство.

В отличие от либерализма, исходящего из должного, каким он его себе представляет, консерватизм крепко держится за сущее, именно поэтому он бывает более чувствительным к реально происходящим переменам, знаменующим поступательное развитие общества. Позиция немецких консерваторов была не столько охранительной (направленной на блокирование каких бы то ни было изменений и преобразований), сколько эволюционно-реформаторской. При этом главной целью реформаторских тенденций, заложенных в немецком консерватизме, было сохранение существующего государства и недопущение революционных изменений.

Поэтому чем более очевидной была опасность революции, чем активнее проявляла себя либеральная и социалистическая мысль, тем более решительно росла готовность представителей немецкого консерватизма к социальному реформаторству. *В целенаправленных реформах, осуществляемых государством, немецкие консерваторы видели единственную альтернативу кровавой и разрушительной революции по французскому типу.*

Нельзя согласиться с тем, что концепция социального государства Л. фон Штейна представляла собой некий компромисс между либеральной

теорией «государства — ночного сторожа» и коммунистической теорией К. Маркса. Подход Л. фон Штейна представлял собой не столько поиск компромисса, сколько поиск *третьего пути*, отличного от двух одинаково неприемлемых альтернатив.

Концепция «государства — ночного сторожа», исходя из принципа экономического автоматизма, ограничивалась представлением о государстве как обладателе лишь негативных функций (обеспечение безопасности, защита собственности и т. п.), считая, что более активное вмешательство государства означало бы создание препятствий рыночным отношениям и тем самым приносило бы вред.

В противоположность этому теория К. Маркса выдвигала в качестве идеала такое общественное состояние, при котором было бы упразднено господство человека над человеком, следовательно, государство прекратило бы свое существование, так как в политическом господстве больше не было бы необходимости. Причем все эти трансформации должны были осуществиться однозначно революционным способом.

Оба пути представлялись принципиально недопустимыми с позиций немецких консерваторов: первый (либерализм) — потому что порождает колоссальное неравенство, результатом которого может стать политическая нестабильность; второй (социализм) — стремится разрушить все, вплоть до самого государства — фундаментальной консервативной ценности. Вот почему *главной задачей теории социального государства стал поиск возможностей устранения классовых противоречий, возникающих в буржуазном обществе, средствами самого государства в целях его сохранения*. Усилия государства, направленные на установление относительного баланса интересов между различными слоями общества, должны были позволить *избежать крайностей либерального индивидуализма и революционного социализма*.

Консерваторы искренне верили в возможность социальной справедливости, обеспеченной сильным государством. В этом они видели реальную альтернативу тем социальным потрясениям, которые неизбежно вытекали из попыток социалистов добиться этой справедливости революционным путем.

Именно эти идеи нашли свое воплощение в трудах Лоренца фон Штейна. Немецкий ученый исходил из того, что «любая монархия станет впредь пустой тенью или превратится в деспотию, или погибнет в республике, если не найдет в себе нравственного мужества стать монархией социальных реформ» [5: с. 41].

Определяя сущность социального государства, Л. фон Штейн писал, что оно «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [6: с. 215]. Целью всей концепции социального государства Л. фон Штейна являлось разрешение «социального вопроса», который на том этапе развития был вопросом о том, «как с помощью государственной власти неимущие классы (рабочий класс) могут изменить свое зависимое положение,

обусловленное природой труда, в положение независимое, материально-свободное?» [5: IV].

Ответ на данный вопрос подразумевал глубокий философский анализ взаимосвязи общества, государства и личности, при осуществлении которого Л. фон Штейн проявил себя достойным представителем немецкой классической философии в ее гегельянском варианте.

Л. фон Штейн утверждал, что человеческое общежитие содержит в себе два элемента: государство и общество. Полная гармония между ними недостижима, поскольку само понятие жизни исключает возможность мира между этими двумя элементами. И государство, и общество стремятся к разным целям, обусловленным своим собственным внутренним принципом.

Принцип государства состоит в развитии отдельных личностей, составляющих его, которое становится степенью развития самого государства. Другими словами, чем ничтожнее граждане государства, тем оно само ничтожнее; чем меньше они развиты, тем менее развито и само государство.

Действуя на пользу всех и каждого, государство действует и на свою собственную пользу, поэтому «нужда отдельной личности есть также нужда государства и, помогая ей, государство помогает самому себе» [5: XXX].

Однако наряду с принципом государства в человеческом общежитии действует принцип общества, имеющий противоположную направленность. Как и государство, общественный организм берет свое начало в потребности отдельной личности и служит ее назначению. Однако общество делает это принципиально иным путем, нежели государство: если государство связывает отдельные личности в единство, то общество *соподчиняет одни личности другим* («государство стремится к осуществлению человеческого назначения путем единства, общество стремится к той же цели, но только с помощью индивидуальных сил» [5: XXXIII]). Но так как индивидуальными усилиями человек не может достигнуть многого, то для достижения своего назначения он старается привлечь других людей. Иными словами, достижение человеческого назначения в обществе предполагает использование других людей для достижения личных целей, вследствие чего возникает *зависимость* одних людей от других. Основанием зависимости служит обладание средствами, делающими возможным подчинение одной личности другой. Приобретение таких средств становится жизненной задачей каждой личности. «Этим-то путем приобретение, собственность и зависимость получают свое истинное значение, обращая общежитие в общество» [5: XXXIV].

При этом каждая личность стремится занять максимально высокое положение в обществе. Эта деятельность выступает движущим элементом общества. Формы ее разнообразны, но общим началом является сознание того, что эта деятельность дает человеку средства к личному совершенству и подчинению других, т. е. к интересу.

Именно интерес и составляет принцип общества. Представляя главный пункт жизнедеятельности общества в подчинении одних личностей другим, интерес составляет «средоточие всего общественного движения» [5: XXXIV].

Основываясь на категории интереса, Л. фон Штейн вплотную подходит к пониманию *социальных классов*, показывая, что интересы тех, кто, в силу наличия собственности, держит других людей в зависимости, не только противоположны интересам тех, кто подчинен, но и что эти интересы являются общими у представителей одного класса.

Принцип государства и принцип общества прямо противоположны друг другу. Первый состоит в возвышении личностей к свободе, полнейшему личностному развитию и носит в этом смысле альтруистический характер. Второй, основанный на эгоизме, заключается в подчинении одних людей другим и совершенствовании первых за счет вторых. Эти два противоположных полюса человеческого общежития взаимно отталкивают друг друга и борются между собой, их противоположность присутствует во всей жизни общества, во всех жизненных явлениях.

Но при этом общество и государство имеют единую основу — *личность*. Поэтому противоположность их принципов не приводит к взаимоуничтожению. Именно через личность общество и государство тесно связаны между собой, их отношение, хотя и противоречивое, объединяется высшим началом. Это начало — совершенствование личности.

Противоположность между принципом государства и принципом общества проявляется в наличии *класса имущих*, находящегося в гармонии с государственной идеей благосостояния, и *класса неимущих*, существование которого противоречит этой идее. «Существование зависимых людей делает само государство зависимым от них» [5: XXXIX].

Для того, чтобы уничтожить зависимость низших классов, государство должно провозгласить основным началом государственного устройства равенство публичного права и сделать поднятие низших классов главной задачей государственного управления.

Однако, замечает Л. фон Штейн, такие меры ставят государство в противоречие с общественным порядком: если восторгается стремление государства к поднятию низших классов, то господствующий класс не только утратит свою власть, но и сам, будучи самым богатым классом, должен будет за свой счет доставлять государству материальные средства для поднятия низших классов. Поэтому господствующие классы всегда являются естественными противниками государственной идеи развития личности.

Данное противоречие составляет естественный закон борьбы общества с государством, согласно которому высшие классы, будучи не в силах изменить государственную идею, уничтожить государственную власть и противостоять ей, всеми средствами стараются захватить эту власть в свои руки.

Господствующие классы используют различные средства захвата государственной власти, в том числе ценз, принцип замещения должностей по родству, богатству, личным соображениям и т. п. Завладев государственной властью, господствующий класс использует государство в своих интересах. Чтобы предотвратить попытки низших классов изменить соотношение сил, господствующий класс ограждает существующую собственность от перехода к несобственникам

путем провозглашения принципа нераздельности и неотчуждаемости или путем вывода определенной собственности (например, земли) из рыночного оборота. Особые меры предпринимаются для того, чтобы предотвратить свободный переход собственности в капитал. Поэтому господствующий класс стремится ограничить само приобретение капитала с помощью закона, *исключив* из него зависимые классы. Средствами для этого служат цехи, гильдии, привилегии, монополии. Там же, где эти средства оказываются недейственными или неприменимыми, господствующий класс ставит под контроль главный экономический принцип: поскольку капитал рождается из труда только путем прибыли, то работники исключаются из участия в прибыли предприятий. Так государственная власть, оказавшись в руках господствующих классов, узаконивает наличный несправедливый общественный порядок.

Эта схема используется Л. фон Штейном при построении модели развития общества. Все общественные движения представляют движение к *несвободе*, включая четыре последовательные стадии:

- 1) образование господствующего класса и подчинение ему государственной власти;
- 2) создание господствующим классом своего общественного права;
- 3) переход господствующего класса в сословие при опоре на право;
- 4) стремление сословия стать кастой.

Но здесь возникает следующий вопрос: почему же тогда свобода до сих пор не исчезла? Только личность и ее назначение могут вернуть государство и общество служению свободе, т. е. «самоопределению личности, как в умственном, так и в материальном» [5: LXX].

Отсюда вытекают три основных начала движения свободы:

- 1) движение свободы должно зародиться не в сфере государства, а в сфере *общественного порядка*, так как несвобода обусловлена именно его природой;
- 2) преобразование *государственной конституции и права*, что совершается либо путем реформы, либо путем революции;
- 3) всякая перемена в отношении свободы всегда начинается с установления *новых начал государственного управления*.

Такое движение свободы проходит следующие ступени.

Первая ступень, содержанием которой является приобретение общественно-го имущества и пробуждение сознания о подобающей роли свободной личности в обществе и государстве, связана с приобретением знаний, т. е. *образованием*.

Стремление к знаниям, как считает Л. фон Штейн, органически присуще каждой личности. Именно из наличия этой способности вытекает принцип теоретического равенства людей. Приобретение знаний — первое условие *возвышения* зависимых классов, поскольку, приобретая знания, они получают возможность через более производительный и высокооплачиваемый труд приблизиться к приобретению материальных богатств. Причем, как считает Л. фон Штейн, чем выше образование, тем сильнее это стремление. Заметим, что образование как необходимое начало развития свободы является независимым элементом. Личность может реализовать или не реализовать это начало своим свободным волеизъявлением.

Тот факт, что для получения образования необходимы определенные условия и средства и что эти условия и средства находятся в распоряжении господствующего класса, который вряд ли добровольно согласится предоставить их рабочим, не был осознан Л. фон Штейном. Но вместе с тем именно право на образование станет одним из центральных элементов социальных прав, реализация которых составит программу деятельности социального государства и потребует от него значительных усилий и затрат.

Вторая ступень движения свободы — *политическая реформа или политическая революция*, результатом которой должно стать правовое равенство классов.

Суть политической реформы Л. фон Штейн видит не в уничтожении противоречия между трудом и капиталом, а в том, чтобы дать трудящимся возможность приобретать капитал. Этот вопрос в состоянии разрешить государство, поскольку оно стоит выше капитала и труда в силу своей власти.

Искренне веря в возможность независимости государства от экономически господствующих классов, Л. фон Штейн предлагает три пути, следуя которым государство может осуществить политическую реформу и тем самым разрешить назревший социальный вопрос.

Первый путь — новая организация труда, по сути, путь *социализма*. Государство становится предпринимателем и передает создаваемую рабочими прибыль им же. Рабочие, не имея капитала, смогут пользоваться всеми приносимыми им выгодами. Единственный недостаток этого пути Л. фон Штейн усматривает в том, что, занимаясь организацией труда, государство само становится диктатором и делает труд опять несвободным. При этом остается без ответа немаловажный вопрос о том, как, помимо социальной революции, столь ненавистной консерваторам, возможен переход средств производства из частных рук к государству?

Второй путь — *организация кредита*, т. е. государство безвозмездно дает каждому рабочему капитал, соразмерный его рабочей силе. Но прежде оно должно взять кредит у тех, у кого он есть, т. е. у господствующего класса. Путь также представляется довольно утопичным.

Третий путь — *социальная реформа*, т. е. создание такого государственного устройства, при котором труд позволяет приобретать собственность. Государство становится социальным, т. е. обеспечивает каждому условия благосостояния. Под этими условиями Л. фон Штейн понимает «не духовное или хозяйственное богатство как таковое, а именно живое и свободное движение [межклассовое движение] делает это богатство достижимым для каждого человека» [6: с. 524].

Л. фон Штейн так обосновывает необходимость социального государства: если государство «не в силах выполнить свою высшую социальную функцию, которая заключается *не* в подчинении одного интереса другому, а в *гармоничном разрешении их противоречий*, тогда ее место занимает элементарная власть физических сил (политическая революция), и гражданская война уничтожает вместе с благосостоянием всех и само государство, которое не могло понять и охранить этого благосостояния» [6: с. 525].

Таким образом, миссия социального государства на уровне управления заключается в решении двух основных задач: во-первых, *способствовать*

свободному межклассовому движению, во-вторых, *помогать тем, кто терпит лишения*. На уровне теории государственного управления Л. фон Штейн показывает, как эти две задачи реализуются в ряде конкретных управленческих функций государства:

1) устранение юридических препятствий свободному межклассовому движению;

2) попечение об общественной нужде, которое призвано обеспечить каждой личности физические условия самостоятельности;

3) содействие труду, не обладающему капиталом, в достижении хозяйственной самостоятельности, например, через вспомогательные кассы, страховое дело, самопомощь в форме солидарного строя неимущих.

Таким образом, *целью и пафосом учения Л. фон Штейна явилось стремление разрешить обострившийся социальный вопрос, который трактовался как «рабочий вопрос», с помощью провозглашения новой роли государства и взятия им на себя функций по гармонизации классовых противоречий путем защиты интересов и прав работников наемного труда.*

Эта концепция опиралась на безграничную веру в могущество государства, столь характерную для немецкой общественной мысли того времени (это сближает немецкую и русскую социально-политическую традиции). Л. фон Штейн писал: «Если и должно что-либо совершиться по отношению к возрастающему движению низшего безкапитального класса, то это совершится не посредством грубой силы коммунизма и не путем прекрасных теорий социализма, это может быть исполнено лишь третьей силой, со своей стороны стоящей выше капитала и труда, но не выше идеи общественного развития. Эта сила есть государство» [6: с. 575].

Именно несгибаемая вера в государство и мудрость политиков того времени *на практике* открыли путь к новым социальным реформам и появлению социального государства как исторического феномена.

Таким образом, теория социального государства Л. фон Штейна явилась успешным инновационным проектом по решению социального вопроса эпохи индустриального капитализма. Однако эра постиндустриального развития, главным ресурсом которой является уже не труд и капитал, а знание, выдвигает новый социальный вопрос, нерешенность которого также может грозить катастрофическими социальными последствиями. В поисках его решения, которое по-прежнему будет формулироваться в категориях «личность», «государство» и «общество», теория социального государства Л. фон Штейна может сыграть важную методологическую и аксиологическую роль.

Литература

1. Кочеткова Л.Н. Социальное государство. Опыт философского исследования. М.: Либроком, 2016. 160 с.

2. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве. М.: Инфра-М, 2016. 216 с. (Научная мысль).

3. Кузьминов Я.И. Мы должны четко определить, на чьи интересы предлагаем наступить. О работе над уточнением «Стратегии-2020» // Коммерсантъ. 2011. № 26. 15.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: //www.kommersant.ru/doc/1585967 (дата обращения: 23.01.2018).

4. Сидорина Т.Ю. Welfare State как точка отсчета: место государства всеобщего благосостояния в социальной истории // Вопр. философии. 2012. № 1. С. 19–30.

5. Штейн Л. фон. История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. СПб.: Тип. А.М. Котомица, 1872. 298 с.

6. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: Издание А.С. Гиероглифова, 1874. 590 с.

Literatura

1. Kochetkova L.N. Social'noe gosudarstvo. Opy't filosofskogo issledovaniya. M.: Librokom, 2016. 160 s.

2. Kochetkova L.N. Filosofskij diskurs o social'nom gosudarstve. M.: Infra-M, 2016. 216 s. (Nauchnaya my'sl').

3. Kuz'minov Ya.I. My' dolzhny' chetko opredelit', na ch'i interesy' predlagaem nastupit'. O rabote nad utocnieniem «Strategii-2020» // Kommersant". 2011. № 26. 15.02.2011. [E'lektronny'j resurs]. URL: //www.kommersant.ru/doc/1585967 (data obrashheniya: 23.01.2018).

4. Sidorina T.Yu. Welfare State kak tochka otscheta: mesto gosudarstva vseobshhego blagosostoyaniya v social'noj istorii // Vopr. filosofii. 2012. № 1. S. 19–30.

5. Shtejn L. fon. Istoriya social'nogo dvizheniya vo Francii s 1789 goda do nashix dnei. SPb.: Tip. A.M. Kotomicza, 1872. 298 s.

6. Shtejn L. fon. Uchenie ob upravlenii i pravo upravleniya s sravneniem literatury' i zakonodatel'stv Francii, Anglii i Germanii. SPb.: Izdanie A.S. Gieroglifova, 1874. 590 s.

L.N. Kochetkova

Personality, Society and State in the Work of Lorentz von Stein — the Founder of the Theory of the Social State

The article is devoted to the reconstruction of the social and philosophical views of the German thinker of the 19th century — Lorentz von Stein on the relationship between the concepts of «personality», «society» and «state», the interpretation of which formed the basis for the creation of the first theory of the social state. The article considers the historical and theoretical prerequisites of the theory of the social state, the first definition of a social state, the role of the state in solving the social issue of the era of industrial capitalism.

Keywords: L. von Stein; personality; society; the state; a social state.

УДК 130.2(470-25)

С.А. Капков

Трансформации социокультурных практик в городских общественных пространствах (на примере Москвы)

В статье речь идет о ценностной природе функционирования и трансформации социокультурных практик в городских общественных пространствах на примере преобразований парков и городских праздников в Москве в 2011–2015 гг.

Ключевые слова: городские общественные пространства; ценности; право на город; городские парки; городские праздники.

Как возникает городское пространство? Очевидно, что появление каждой постройки, дороги, улицы, площади продиктовано определенной необходимостью — у всего есть свои функции: дом служит для жилья, мастерская — для работы, храм — для встречи с Богом, площадь может быть местом торговли и т. д. Но все это вместе должно быть организовано в некое целое, и эта целостность уже не может определяться функцией или набором функций. Общее пространство города организуют ценности.

Выдающийся российский теоретик и практик, один из основоположников современной урбанистики Александр Высоковский считал, что существует особый вид ценностей — пространственные ценности, которые невозможно напрямую свести к обобщенным философским категориям, таким как целесообразность, польза, красота, нравственность и т. д. Они в самой своей структуре, планировке, используемых материалах, формах и украшениях выражают образ жизни и образ мышления людей, живущих в том или ином географическом пространстве [2: гл. I, с. 110–115; гл. III, с. 27–29]. Ученый определял их как «материальные и ментальные конструкции одновременно, объекты, сцепленные со значениями. И действуют они в среде обитания человека, по нашему определению также являющейся соединением материального, искусственного и природного окружения с жизнедеятельностью, сознанием и духовностью обитающих в нем людей» [2: гл. I, с. 110].

Люди, которые приходили на некое место и начинали создавать на нем свое поселение, могли и не задумываться над тем, как именно они делают и какая в этом идея; они могли просто воспроизводить те формы и практики, которые были у их предков там, где они жили раньше. Но в сегодняшнем мире, который в основном обжит и построен до нас, любая попытка что-то изменить, снести

старое и построить новое не может не опираться на ценностную рефлексию: что мы делаем с нашим пространством и во имя чего?

Москва в третьем тысячелетии — город с почти тысячелетней историей. В ее пространстве сошлись ценности разных эпох. Общественные пространства столицы — площади, улицы, парки, набережные, не говоря о кладбищах и разнообразных мемориальных постройках и комплексах, — хранят память и о глубокой древности, и о временах самых недавних. Серьезный экскурс в историю потребовал бы не статьи, а книги, и мы ограничимся тем, что попробуем коротко охарактеризовать наследие советского и постсоветского периода. Прежде всего они определяют то положение, которое городская власть стремилась трансформировать начиная с 2011 г.

В советский период в столице была создана развитая сеть общественных и культурных пространств, парковых и зеленых зон, но их организация и проводившиеся в них мероприятия выражали идеологию определенного политического проекта и, как и все другие институты, были направлены на формирование единой, гомогенной и управляемой общности «советский народ». Пространства и публичные действия должны были выражать ценности коллективизма и единодушного сплочения; поведение широкой аудитории строго регламентировалось, а любое несанкционированное использование общественных пространств пресекалось. Ограниченный набор форм, казалось бы, активного поведения (участие в городском празднике, демонстрации, посещение экскурсий, выставок, аттракционов, занятия спортом и т. п.) был, по сути, пассивным и в значительной мере принудительным. В реальности городские праздники, ориентированные на широкую аудиторию и широкие слои населения, привлекали лишь часть москвичей, в то время как многие другие жители старались не посещать районы проведения мероприятия или вовсе покидали город на время массовых гуляний. Ценностно-пространственные характеристики городской планировки и архитектуры советского периода проанализированы близко к исчерпывающему в исследовании В.З. Паперного «Культура Два» (1985, переизд. 1996, 2006), где рассматриваются две сменяющие друг друга тенденции — горизонтальная, уравнивательная «культура-1» и вертикальная, выражающая идеи государственного величия и поклонения вождям, «культура-2», причем как первая, так и вторая культура являются способами репрезентации и внедрения в общество господствующих в данный момент властных идеологем.

Постсоветский период в градостроении тоже имел вполне отчетливый ценностный вектор — он стал визуально-деятельностным воплощением новой рыночной экономики. Многие общественные пространства, от ВДНХ и спорткомплексов до кинотеатров и домов культуры, стали превращаться в рынки (тогда как в советское время рынок, как правило, располагался на окраинах города), а зеленые зоны были просто поглощены массовой застройкой — на их месте выросли торгово-развлекательные центры, бизнес-центры и многоэтажные жилые дома. Культурная политика в период

18-летнего мэрства Ю.М. Лужкова была сугубо вертикальной — глава города поддерживал стратегию государственного финансирования учреждений культуры, причем руководствовался при этом личными представлениями и вкусами. Многие реализованные в этот период проекты стилистически близки «культуре-2» с ее мегаломанией и эклектикой: ансамбль Манежной площади, памятник Петру I и другие скульптуры З. Церетели, мемориальный комплекс на Поклонной горе, Москва-сити, Дом музыки и т. д.; сюда же можно отнести восстановление храма Христа Спасителя — на фоне того, что было уничтожено или заменено новоделами около 700 исторических зданий, разрушен исторический облик улиц Остоженка и Пречистенка и других памятников московской городской культуры.

Частные культурные проекты — коммерческие творческие центры, студии, арт-пространства и арт-кластеры («Винзавод», Artplay, «Флакон» и др.) — также стали появляться в 1990–2000-е гг., но эти площадки имели определенные ограничения и ориентировались на свою нишевую аудиторию.

К 2010-м гг. в Москве преобладала жилая и коммерческая недвижимость, центр был перегружен автомобилями и навязчивой рекламой, здесь не было зон прогулок и удобного перемещения пешеходов.

Существующие парки и открытые пространства не соответствовали современным представлениям о комфортной городской среде и не отвечали запросам множественных аудиторий, а основным местом времяпрепровождения москвичей стали торговые центры. По данным исследования, проведенного в 2012 г., более половины москвичей, как правило, предпочитали проводить свободное время дома (64 % в будние дни и 46 % — в выходные); вторым по популярности способом проведения досуга были походы по магазинам (34 % в будние дни и 63 % — в выходные) [3: с. 4]. Город служил транзитной зоной между домом, офисом и торговым центром. Общественные пространства не выполняли и не могли выполнять роли площадок социального и культурного взаимодействия, развития социальной жизни и благополучия города, поскольку пустовали, не будучи востребованными. Московские открытые общественные пространства, парки и многие учреждения культуры находились не в лучшем состоянии и обременительным грузом висели на городском бюджете.

С.С. Собянину, ставшему мэром Москвы в 2010 г., было очевидно (как, несомненно, и многим москвичам), что помимо реставрации необходима программа модернизации всего комплекса городских общественных пространств. Такую программу пришлось выработать и реализовывать автору этой статьи и его команде. Программа включала в себя широкий комплекс преобразований: парки, пешеходные зоны, дворцы и дома культуры, музеи, библиотеки, театры, форматы культурных событий.

Рассматривая трансформацию общественных пространств и связанных с ними социокультурных практик в Москве, мы сосредоточимся на парках и городских праздниках, описав ключевые точки преобразований и поисков преодоления существовавших проблем и противоречий.

В современном мире открытые общественные пространства признаются «фундаментальным компонентом справедливости и социальной инклюзии» [4: с. 192], ключевым инструментом формирования городской идентичности. Сам факт наличия общих мест в городе не дает этого эффекта автоматически: чтобы открывать возможности для участия в социальной и культурной деятельности, общественные пространства должны быть продуманы, управляемы и успешны. Они должны быть открыты для всех, независимо от пола, экономического положения, культурной, этнической принадлежности, «в целях отдыха, образования и общения, мирного взаимодействия в условиях безопасного публичного форума» [9: с. 47]. Исследователи города подчеркивают, что рост общественной жизни происходит там, где «люди из разных культурных групп могут собраться вместе в благоприятной обстановке взаимного удовольствия. Поскольку этот опыт является повторяемым, общественные пространства становятся вместилищами положительных социальных значений и смыслов» [8: с. 344]. Ценность общественных пространств и их влияние на жизнь города определяются осуществляемыми в них социокультурными практиками.

По данным опроса 27 тыс. американцев, при выборе района проживания эстетическая составляющая и культурная насыщенность места оказались так же важны, как наличие базовых услуг, и опередили такие факторы, как физическая и экономическая безопасность, эффективное местное управление и открытость местного сообщества. При наличии схожего уровня базовых услуг люди готовы платить больше, но жить в более красивом и приятном районе, что экономисты называют доплатой за красоту [6: с. 162–168]. При этом элементарная благоустроенность или комфортность этих мест не является достаточным условием для их востребованности. Культура, понимаемая не только как набор материальных объектов или система поддержки искусств, но как область, включающая в себя образ жизни, коллективную идентичность, городскую атмосферу, активность, многообразие практик, является мощным инструментом трансформации города и одним из возможных ответов на вопросы и вызовы развития общественных пространств. Мировая практика предлагает примеры преобразований самого разного масштаба — от создания отдельных культурных проектов до формирования и реализации комплексных мер культурной политики, — результатами которых стало формирование устойчивых городских сообществ, социальная инклюзия мигрантов и незащищенных социальных групп, развитие толерантности, оживление городской среды и общегородской социальной и культурной жизни, рост вовлеченности в нее горожан, интенсификация социальных взаимодействий, формирование новой выраженной городской идентичности [4: с. 3–105].

Важным аспектом работы с общественными пространствами Москвы, в том числе с парками, должна была стать децентрализация: население центра составляет не более 6,8 % от всего населения города, при этом образ жизни москвичей характеризуется дефицитом свободного времени¹, значительная часть

¹ В среднем это 23 ч в неделю, тогда как в США или Европе эта цифра составляет 35 ч [3: с. 11].

которого уходит на дорогу из-за дороговизны городского жилья, загруженности транспортной сети и значительных расстояний²; несомненно стремление большинства жителей периферийных районов не выезжать за их пределы в свободное время [1: с. 364–365]. Очевидно, что в такой ситуации для оживления социальной и культурной жизни города и вовлечения в нее максимального числа горожан необходимо обеспечить комфортную среду на всей территории города, уделив внимание преобразованию парков и других общественных пространств за пределами центральных районов.

В первую очередь преобразования начались в парке Горького. Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО) заложен в 1928 г. по проекту лидера архитектурного авангарда Константина Мельникова. ЦПКиО должен был реализовать представления об идеальном досуге рабочих людей, и на его территории воплощались самые необычные и смелые идеи того времени. Но к началу XXI в. сочетание «парк Горького» воспринималось как символ глубокой архаики.

Переоборудование территории парка ознаменовало новую культурную повестку и новые ценностные ориентиры: не поддержка отдельных учреждений культуры и городских объектов, а формирование современной городской среды и городской атмосферы, привлекательной для разных слоев общества. Обновление было нацелено на улучшение экологической ситуации, оживление общественной жизни, снижение уровня агрессии в городе, а также разработку моделей сотрудничества с частным сектором для перенесения их на другие общественные пространства столицы.

Переустройство московских парков предполагало обеспечение доступа на их территорию максимального числа горожан, поэтому отменили платный вход в парк Горького. Идея открытости и доступности отражалась и в новой физической среде парков: демонтировались лишние постройки, заборы и ограждения, препятствующие свободному перемещению посетителей и прогулкам по территории. Усовершенствованная система освещения дорожек и организация местной службы безопасности позволили обеспечить круглосуточный вход. Для посетителей с особыми потребностями организован бесплатный прокат колясок: усовершенствована система указателей и навигации, а средства наподобие социальных сетей и мобильных приложений помогают организовать обмен информацией с посетителями. К их услугам бесплатный Wi-Fi, электросеть и точки для зарядки мобильных устройств, позволяющие всегда оставаться на связи.

Не менее важно было создание условий для новых культурных практик и социальных взаимодействий и вовлечение в них горожан.

² Согласно опросу Исследовательского центра портала SuperJob: «Среднее время, затрачиваемое москвичами на дорогу, стало своеобразным антирекордом: около 48 минут на личном транспорте и более часа (62 минуты!) на общественном». См.: На работу за 20 минут: для москвичей — мечта, для жителей Тольятти — реальность. [Электронный ресурс] // SuperJob. 19.01.2015. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111707/na-rabotu-za-20-minut> (дата обращения: 12.01.2017).

Общественные пространства способствуют развитию социальной жизни городов, когда в них созданы условия для встреч людей из разных культурных и социальных групп, и в этом смысле инклюзия, или вовлечение в социокультурные практики, означает не только обеспечение доступа для незащищенных или непривилегированных групп, но и создание условий или подпространств, которые интересны для максимального количества самых разнообразных городских аудиторий, поскольку «право на различие — это одно из наиболее ценных прав городских жителей» [7: с. 81]. Исследования популярности и успешности парков в разных городах мира показывают, что организация на общей территории специализированных площадок, ориентированных на определенный тип занятий и характер использования, является залогом востребованности парка у самых разных групп горожан [10: с. 198].

Прежде всего была создана инфраструктура для разнообразных занятий и отдыха. В парках появились лежаки на газонах, где можно беседовать или читать книгу, летние читальни (проект осуществлен совместно с московскими библиотеками), зоны отдыха у воды при наличии водоемов, велодорожки, пункты проката велосипедов, роликов, лонгбордов, столов для пинг-понга, оборудованные детские игровые зоны, площадки для уличных тренировок, занятий йогой, пляжным волейболом; танцевальные террасы; катки, лыжные трассы, снежные горки (в зимнее время).

Событийное наполнение парков проектировалось так, чтобы посетители могли быть не только пассивными потребителями культурного контента, но и активными участниками происходящего, общались и взаимодействовали друг с другом. Были организованы регулярные спортивные занятия по йоге, цигуну, воркауту, танцам, скандинавской ходьбе, бегу, благодаря чему сформировались тематические спортивные сообщества. Появились творческие занятия и программы: танцевальные вечера и занятия, детские творческие и развивающие занятия и программы, мастер-классы для взрослых. Важное место отведено интеллектуальным мероприятиям — сериям кинопоказов, циклам лекций, презентаций и дискуссий в партнерстве с ведущими образовательными институциями. Помимо регулярных спортивных, творческих и образовательных мероприятий, в парках проводятся и крупные разовые события — общегородские праздники, фестивали, концерты, выставки. К 2015 г. парки (парк Горького, «Музеон», «Красная Пресня», Сад им. Баумана, Сиреневый сад и др.) стали самыми популярными местами проведения свободного времени среди москвичей. По опросам Московского института социально-культурных программ, 53 % москвичей готовы посетить парк, если у них выдастся полдня свободного времени, что в 1,3–1,5 раза больше, чем доля москвичей, которые хотели бы посетить другие учреждения культуры или остаться дома.

В отличие от других учреждений культуры, невозможно выделить какую-либо группу горожан, которая составляет костяк посетителей парков. Их одинаково часто посещают люди разного возраста и примерно в равной пропорции мужчины и женщины. Тем не менее можно сказать, что парки

пользуются большей популярностью среди молодой группы москвичей — в 2015 г. доля молодых людей в возрасте до 25 лет, преимущественно студентов, регулярно (несколько раз в неделю) посещающих парки, увеличилась на порядок по сравнению с 2012 г.

Событийное наполнение городских пространств — один из действенных ответов на вызовы и проблемы, связанные с социальными изменениями современности. Множество городских аудиторий, которым необходимо собственное время и место для самореализации, бесконечно велико и всегда будет превышать физические возможности городов, а механическое объединение их в одном пространстве как однородных народных масс более невозможно. Но расширение пространства может быть достигнуто за счет временного измерения и событийной наполненности, т. е. в разное время одну и ту же площадку могут использовать в своих целях разные социальные и культурные группы. Ориентация площадок на различные аудитории в рамках общегородских фестивалей и праздников позволяет не только сделать эти мероприятия более востребованными, но и вовлечь гораздо большее число горожан в общее занятие, дать разным группам чувство общности и принадлежности к единой культурной среде города.

С переосмыслением городского пространства и культурной сферы Москвы изменился и подход к городским праздникам: в соответствии с принципом децентрализации началось освоение нестандартных и удаленных пространств, события охватывали большее число площадок и районов Москвы.

В 2013 г. впервые прошел фестиваль «Лучший город земли», который в течение лета объединил разнообразные площадки по всей Москве. В дни новогодних и рождественских каникул фестиваль «Лучший город зимы» встречал гостей на открытых площадках по всему городу, где проходили ярмарки и концерты, благотворительные проекты. Значительно изменился День города: если в 2012 г. мероприятия охватили 190 площадок, преимущественно центральных, то в 2014 г. было задействовано порядка 1400 площадок во всех районах города с программами разной направленности, такими как концерт классической музыки на Патриарших прудах, первый городской фестиваль благотворительных фондов, велофестиваль, балетные постановки под открытым небом и театральные шествия в парках, многочисленные мероприятия на площадках в отдаленных районах [5: с. 17–18].

Итак, описанный опыт преобразования парков и городских праздников — часть более широкой программы трансформации общественных и культурных пространств Москвы, которая не была полностью реализована начинавшей его командой. Но главным достижением переустройства в 2011–2015 гг. можно считать изменение самого подхода к городскому пространству, которое осознается не только властью, но и значительной частью горожан как место реализации человеческих ценностей. Это не только ценности безопасности, комфорта и широкого доступа к культурным благам, но и ценности свободы, самореализации, активного участия в жизни города.

Надо признать, что проекты обновления парков подвергались критике с разных сторон; раздавались упреки и в том, что это только имитация, а не реальное освоение европейского опыта, и в том, что их цель — отвлечь горожан от социального протеста и направить их энергию на мирные прогулки и городские праздники, и в том, что всё это злонамеренная деятельность агентов западного влияния по разрушению традиционных российских ценностей. Но думается, что ценностная природа проводимых изменений все-таки положительно воспринята и городским сообществом, и независимыми культурными аналитиками.

Из пустующих территорий, интересных лишь части горожан, парки превратились в востребованные пространства для встреч и общения. Посещаемость парков культуры за четыре года выросла в 3,5 раза³.

Это стало возможно не только благодаря трансформации физических пространств парков и их событийного наполнения, но и благодаря активному вовлечению горожан в определение вектора преобразований и непосредственно в процесс их осуществления. Исследователи-урбанисты и теоретики города подчеркивают, что при создании новых или обновлении существующих общественных пространств коммуникация и сотрудничество с местными жителями не просто помогает создать место, действительно отвечающее их запросам и нуждам, но и усилить социальные взаимодействия, дать начало формированию сообществ и практикам самоорганизации [10: с. 11–12].

Важно отметить, что преобразования в Москве актуализировали запрос на обновление общественных пространств в других городах и регионах России и задали определенный стандарт такого обновления — не просто формальный, но в первую очередь ценностный.

Изменения связанных с городскими публичными пространствами практик привели не только к оживлению социальной и культурной жизни российских городов, но отчасти и к оживлению сферы общественных интересов, по крайней мере в вопросах городской среды и культуры. Это один из важнейших результатов трансформации, поскольку «право на город — это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни, изменение наших архитектурных практик и просто альтернативное определение того, что значить быть человеком» [7: с. 93].

³ С 10 млн человек в 2010 г. до 35,7 млн человек в 2014 г. См.: Отчет об исполнении Государственной программы «Развитие индустрии отдыха и туризма на 2012–2016 годы» за 2013 год. [Электронный ресурс]. URL.: http://kultura.mos.ru/upload_local/iblock/c47/c47a79e06dfd7925aa0cb78fb8afd728/otchet_gp_riot_zh_2013g_v1_prezentatsiya_.pdf (дата обращения: 12.01.2017); Отчет об итогах деятельности Департамента культуры города Москвы в 2014 году и планах на 2015 год. [Электронный ресурс]. URL: http://kultura.mos.ru/upload_local/iblock/ea9/ea9ca1d32de4e3716f9632d7b20eb008/itog.compressed.pdf (дата обращения: 12.01.2017).

Литература

1. Археология периферии. Московский урбанистический форум, 2013. 529 с.
2. *Высоковский А.А.* [Соч.: в 3 т.]. М.: Grey Matter, 2015. Т. I. Theory. 436 с. Т. II. Practic. 400 с. Т. III. Public. 352 с.
3. Группы участников культурной жизни Москвы. М.: Московск. ин-т социокультурных программ, 2013. 11 с.
4. Доклад о проектах преобразования города средствами культуры. World Cities Culture Forum / пер. Московск. ин.-та социокультурных программ, 2015. 110 с.
5. Как изменить город. М.: Центр экономики культуры и городского развития, 2016. 26 с.
6. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014. 368 с.
7. *Харви Д.* Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.
8. *Carr S.* Public Space / S. Carr (et all). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 420 p. (Cambridge Series in Environment and Behavior).
9. *Low S.* The erosion of public space and the public realm: paranoia, surveillance and privatization in New York City // City and Society. 2006. V. 18, n. 1. Pp. 43–49.
10. *Low S., Taplin D., Scheld S.* Rethinking urban parks Austin: University of Texas Press, 2006. 240 p.
11. World Cities Report 2016: Urbanization and Development — Emerging Futures. N. Y.: The United Nations, 2016. 248 p.

Literatura

1. Arxeologiya periferii. Moskovskij urbanisticheskij forum, 2013. 529 s.
2. *Vy'sokovskij A.A.* [Soch.: v 3 t.]. M.: Grey Matter, 2015. T. I. Theory. 436 s. T. II. Practic. 400 s. T. III. Public. 352 s.
3. Gruppy' uchastnikov kul'turnoj zhizni Moskvu'. M.: Moskovsk. in-t sociokul'turny'x programm, 2013. 11 s.
4. Doklad o proektax preobrazovaniya goroda sredstvami kul'tury'. World Cities Culture Forum / per. Moskovsk. in.-ta sociokul'turny'x programm, 2015. 110 s.
5. Kak izmenit' gorod. M.: Centr e'konomiki kul'tury' i gorodskogo razvitiya, 2016. 26 s.
6. *Florida R.* Kto tvojj gorod? Kreativnaya e'konomika i vy'bor mesta zhitel'stva. M.: Strelka Press, 2014. 368 s.
7. *Harvi D.* Pravo na gorod // Logos. 2008. № 3. S. 80–94.
8. *Carr S.* Public Space / S. Carr (et all). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 420 p. (Cambridge Series in Environment and Behavior).
9. *Low S.* The erosion of public space and the public realm: paranoia, surveillance and privatization in New York City // City and Society. 2006. V. 18, n. 1. Pp. 43–49.
10. *Low S., Taplin D., Scheld S.* Rethinking urban parks Austin: University of Texas Press, 2006. 240 p.
11. World Cities Report 2016: Urbanization and Development — Emerging Futures. N. Y.: The United Nations, 2016. 248 p.

S.A. Kapkov

**Transformations of Socio-Cultural Practices in Urban Public Space
(on the Example of Moscow)**

The article deals with the value nature of the functioning and transformation of sociocultural practices in urban public spaces by the example of the transformation of parks and city holidays in Moscow in 2011–2015.

Keywords: urban public spaces; values; the right to a city; city parks; city holidays.

УДК 316.346.32-053.6

О.И. Ключко

Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи¹

Статья фиксирует многочисленные гендерные сдвиги в социализации и ментальности российской молодежи, демонстрируются тенденции, проблемы, факторы и необходимость дальнейшего изучения гендерных трансформаций.

Ключевые слова: ментальность; гендер; трансформация; молодежь; вариативность; тенденции.

Современное общество характеризуется кардинальными социальными трансформациями: глобализацией, которая ведет к расширению пространства межличностных контактов; усилением социальной неопределенности, связанной с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире; увеличением продолжительности периода процесса детской и профессиональной социализации, активной ресоциализации и «текучей» социализации; расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи (З. Бауман, 2008; Э. Гидденс, 2004; Т.Д. Марцинковская, 2015).

Ментальность как область психической жизни людей детерминирована социальными, экономическими и политическими условиями жизни и задает иерархию ценностей и характерные убеждения, идеалы, социальные установки. Культурные нормы «мужского» и «женского», гендерные представления, установки, идентичности, роли — неотъемлемые компоненты в структуре ментальности [9]. В патриархальном обществе представления о маскулинных и феминных эталонах и об отношениях полов, формирующиеся в процессе гендерной социализации, усваиваются индивидом на основе гендерной нормативности, во многом определяемой политикой, экономикой, религией и традициями. В XX в. произошли существенные изменения одного из фундаментальных

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-013-01207).

факторов социализации индивида — отношений между полами в семье и обществе: были признаны идея равноправия полов и вариативность моделей маскулинности и феминности.

Постиндустриализм акцентирует внимание на роли технического и научного прогресса в общественном развитии; теоретики постмодернизма выдвигают на первый план новые качества человека, определяющие фундаментальные свойства будущего общества. Об этом свидетельствует лонгитюдное исследование эволюции культурных ценностей в конце XX – начале XXI в. (Р. Инглхарт, К. Вельцель, 2011), основанное на данных по 43 культурам, охватывающим более 70 % населения Земли (включая Россию). В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения [4].

Во многих современных обществах (Германия, Дания, Швеция, Франция, Канада и др.) акцент на дифференцированной по половому признаку социализации теряет свою значимость, взят курс на поддержание равенства полов, ослабление патриархальных предрассудков, целенаправленно создаются условия для всестороннего развития и самореализации и мужчин, и женщин (М. Киммел, 2006). Гендерное равенство как индикатор того, насколько продвинулась та или иная страна в данном направлении, рассчитывается ООН для каждой страны и мира в целом на основе совокупности показателей (экономическая активность и возможности, уровень образования, здоровье и продолжительность жизни, участие в политике мужчин и женщин). В 2016 г. Россия заняла 75-е место в рейтинге гендерного равенства [13].

В противоположность общемировым тенденциям российские исследователи фиксируют дальнейшее разграничение мужских и женских сфер, ролей и образов на фоне повышения уровня образования, статуса и роста внедомашней занятости женщин (Г.Г. Силласте, 2012; А.В. Мудрик, 2010), сильные традиции воспитания в духе патернализма и консервации половых ролей (Л.В. Штылева, 2017). В то же время отмечается, что новое поколение — это поколение с очень сильно выраженными индивидуалистическими ориентациями. Юноши и девушки, молодые женщины и мужчины пытаются мыслить стратегически, управлять своей жизнью, добиваться поставленных целей, получая образование, определяя для себя выгодные условия работы, планируя семью (Р. Коннел, 2015; А. Temkina, E. Zdravomyslova, 2015; Ж. Чернова, 2017).

Устойчивый запрос на эгалитарные ценности в отношениях формулируется авангардом нашего модернизирующегося общества — представителями городского образованного среднего класса [10]. В противовес этому запросу в России существует риторика возврата к традиционной семье и дифференцированного по полу обучения на основе фундирования половых различий. Несмотря на достаточно противоречивые данные об эффективности раздельного по полу обучения, в целом исследования доказывают, что оно не приводит к повышению уровня образования учащихся, однако способствует закреплению стереотипов и распространению сексизма [12].

Демографические проблемы в развитых странах, в которых часто обвиняют феминизм и политику гендерного равенства, объясняются следующим: сокращением детской смертности, обусловленным развитием медицины; снижением экономической функции семьи; значительным увеличением продолжительности периода детства и значительным ростом расходов на уход, образование и содержание ребенка; изменением стандартов качества жизни; ориентацией современных обществ на самореализацию и успех и др. Так называемый кризис семьи, который интерпретируется как «деградация семейных ценностей», на самом деле символизирует переход к современному типу семейного и общественного устройства. Однако этот переход связан с разрушением не самой семьи, а традиционных представлений о семье, которые, в свою очередь, противопоставляют семейные ценности патриархата правам человека.

Тем не менее, как показывают социологические и психологические исследования, семья остается доминирующей ценностью в оценках россиян в целом и молодежи в частности. Но представления о ценностях семьи и семейного образа жизни, ожидания современных мужчин и женщин как супругов и родителей, по сравнению с традиционными представлениями о семье в прошлом, изменяются [2]. В целом эволюция семейных и личностных ценностей отражает ключевые направления модернизации всего мира — рационализация и секуляризация, переход от единообразия к многообразию, от жестких правил и ограничений к свободе индивидуального выбора жизненных стилей и самовыражения, от ценностей выживания к ценностям благополучия [4; 6].

Молодежь — одна из крупных социально-демографических групп российского общества — более восприимчива и легче адаптируется к изменяющимся условиям российского общества, быстрее осваивает новые практики и технологии, включается в информационные сети, более мобильна и индивидуалистична. Множественность «молодежности» в современном мире связана с расширением реального и символического «пространства молодости» молодых людей за счет увеличения сроков образования, переноса на будущее начала самостоятельной жизни, раннего включения в молодежные культуры. В мегаполисах, где процент молодежи выше по сравнению с провинцией, у молодежи больший выбор форм социального поведения. Широкий спектр возможностей, разнообразие культурных влияний, модернизационные процессы и многие другие факторы приводят к тому, что в мегаполисе формируется установка на разнообразие форм социального поведения — мультикультурности при одновременной более высокой степени автономности людей [7].

Перечислим наиболее часто называемые характеристики современной молодежи, они противоречивы и в одних источниках представлены как уже существующие в настоящем, в других — как ближайшая тенденция:

- ✓ открытость экспериментам и изменениям, принятие вариативности, плюрализма мнений и его одобрение;
- ✓ индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам, меньшая значимость мнения родителей, большая — сверстников и референтных людей;

- ✓ большая ориентация на настоящее, а не на прошлое, будущее видится неопределенным, жизненные цели и перспективы многовариантны;
- ✓ готовность к мобильности — географической, профессиональной, но при этом у значительной части молодежи — социальная пассивность и потребительство, индифферентность к политике, внепрофессиональная направленность;
- ✓ высокая ценность не только формального, но и неформального образования, самообразования;
- ✓ уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью [1; 2; 7; 10].

Известные варианты трансмиссии социального опыта, описанные М. Мид, в настоящее время не полностью отражают специфику социализации. В мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. В больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях. Существует значительный разрыв между знаниями, которые имеет подрастающее поколение относительно нормативных моделей мужского и женского поведения, и реализацией идентичности. В мегаполисах наблюдаются различные формы гендерных сценариев и менее жесткие гендерные стереотипы, что можно рассматривать как потенциал для разрушения патриархатной картины мира. В малых городах более традиционная гендерная социализация обуславливает патриархатные представления о гендерном порядке и более нормативное формирование гендерной идентичности [11]. В целом межпоколенческий разрыв в трансмиссии социального опыта в провинции не столь велик, как в мегаполисе.

Многочисленные факты обнаруживают вариативность и неоднозначность гендерных компонентов ментальности современных юношей и девушек. Так, в провинциальном городе зафиксирована тенденция к андрогинности, а в мегаполисе возрастает склонность к инфантилизации. Обнаружено преобладание тенденции к субъективному снижению возраста, что указывает, наряду с другими данными, на бегство от взрослости и ответственных решений. Идеальный возраст для молодых людей и девушек существенно отличается, отражая у мужчин стремление к достижениям, независимости и состоятельности (был значительно выше) и желание женщин оставаться юными и привлекательными (занижен) [8].

Актуальной проблемой социализации исследователи считают чрезмерную привязанность подростков к сверстникам, которая является результатом дефицита общения с родителями. Подобное смещение привязанности способствует развитию той степени интимности в отношениях подростков, к которой они не подготовлены. Закономерная в таких условиях социализации компенсаторная сексуализация отношений между подростками часто сопровождается различными нежелательными последствиями (эмоциональные травмы, страх перед близостью, комплекс неполноценности, подростковые беременности,

заболевания, передающиеся половым путем, — ЗППП). Сексуальная социализация современных молодых людей происходит в условиях открытого доступа к услугам и товарам сексиндустрии (порнография, проституция, сайты знакомств), что способствует формированию искаженных представлений об интимности и готовности молодых людей вступать в сексуальные отношения на договорной основе. Влияние сексиндустрии на установки и опыт молодежи, вероятно, обусловлено в мегаполисе агрессивной рекламой и доступностью услуг, а в провинции — отсутствием развитой индустрии развлечений и дефицитом трудовой занятости [5].

Одной из центральных проблем гендерной социализации как девочек/девушек, так и мальчиков/юношей является нахождение баланса между ориентацией на семью и карьеру, огромная физическая и психоэмоциональная нагрузка, связанная с расширением ролевого диапазона и экспансией идеологии успешности и конкуренции. Трансформации ментальности женщин, связанные с расширением репертуара и изменением ролей, более ярко проявились в конце XX в., а в XXI в. наиболее явному изменению подвержена ментальность мужчин, что и фиксируют бурно развивающиеся мужские исследования как компонент *gender study*. Как в России, так и за рубежом отмечаются признаки десоциализации мужчин, выраженные в следующих симптомах: разочарованность в учебе, агрессивность, снижение социально-психологической компетентности, одержимость играми, ожирение, увлечение порно, зависимость от лекарств и наркотиков и пр. [3].

Таким образом, с одной стороны, заметна тенденция к увеличению числа вариантов гендерных трансформаций в ментальности современной молодежи в зависимости от места проживания и социального опыта, с другой — сохраняются паттерны воспроизводства мужественности и женственности, основанные на патриархатных асимметричных моделях и нормах, и, как следствие, массовые проявления кризиса традиционной гендерной идентичности, неадекватной современным условиям.

Указанные и многие другие проблемы фиксируют необходимость поиска ответов на следующие вопросы: насколько в настоящий момент содержание гендерных моделей в структуре ментальности и практики гендерной социализации российской молодежи демонстрирует соответствие мировым тенденциям, ориентирам постиндустриального общества в развитых странах и каковы направления и специфика гендерных трансформаций ментальности российской молодежи? Как изменились ментальные репрезентации «мужского» и «женского» российской молодежи за последние 10–15 лет?

В России в настоящий момент отсутствует целенаправленная политика по достижению гендерного равенства, отрицается потребность в гендерных квотах и программах сексуального/полового/гендерного просвещения якобы вследствие национальных традиций. Тем не менее ответы на указанные вопросы необходимо учитывать как при разработке содержания демографической, молодежной и образовательной политики, так и для реализации Национальной

стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. (Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р) и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

Литература

1. Гражданское мировосприятие молодежи: теоретико-эмпирическое исследование / Л.Б. Шнейдер [и др.]. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 116 с.

2. Жизненные перспективы учащейся молодежи: ценности и смыслы бытия: коллект. монография / под ред. О.И. Ключко. М.: МГПУ, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://yadi.sk/i/LsE4IPLwpCGCn> (дата обращения: 12.12.2017).

3. *Зимбардо Ф., Коломбе Н.* Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. М.: Альпина Паблишер, 2017. 420 с.

4. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.

5. *Иоффе Е.В.* Роль факторов сексуальной социализации в формировании сексуальных сценариев подростков // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2016. № 1 (11). [Электронный ресурс]. URL: http://medpsy.ru/climp/2016_1_11/article14.php (дата обращения: 12.12.2017).

6. *Коннелл Р.* Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. 432 с.

7. *Омельченко Е.Л.* Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж: альманах социальных исследований. 2003. № 18. С. 145–166.

8. *Сергиенко Е.А., Эйдельман Г.Н.* Возрастная идентификация современной молодежи как фактор самодетерминации // Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 62–72.

9. *Чекалина А.А.* Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. Вып. 2. С. 440–453.

10. *Чернова Ж.В.* Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1 (89). С. 93–113.

11. *Чумичева И.В., Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве // Психологические исследования. 2015. № 8 (39). [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n39/1094-martsinkovskaya39> (дата обращения: 21.10.2017).

12. *Штылева Л.В.* Гендерная социализация в образовании: теория, история и современная практика: монография / предисл. О.И. Ключко. СПб.: НИЦАРТ, 2017. 524 с.

13. The Global Gender Gap Report 2016 / World Economic Forum. [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/> (дата обращения: 25.09.2017).

Literatura

1. Graždanskoe mirovospriyatie molodezhi: teoretiko-e'mpiricheskoe issledovanie / L.B. Shnejder [i dr.]. M.: IIU MGOU, 2016. 116 s.

2. Zhiznenny'e perspektivy' uchashhejsya molodezhi: cennosti i smy'sly' by'tiya: kollekt. monografiya / pod red. O.I. Klyuchko. M.: MGPU, 2015. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://yadi.sk/i/LsE4IPLwpCGCn> (data obrashheniya: 12.12.2017).
3. *Zimbardo F., Kolombe N.* Muzhchina v otry've: Igrы', porno i poterya identichnosti. M.: Al'pina Pablisher, 2017. 420 s.
4. *Inglxart R., Vel'cel' K.* Modernizaciya, kul'turny'e izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M.: Novoe izd-vo, 2011. 464 s.
5. *Ioffe E.V.* Rol' faktorov seksual'noj socializacii v formirovanii seksual'ny'x scenarijev podrostkov // Klinicheskaya i medicinskaya psixologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika: e'lektron. nauch. zhurn. 2016. № 1 (11). [E'lektronny'j resurs]. URL: http://medpsy.ru/climp/2016_1_11/article14.php (data obrashheniya: 12.12.2017).
6. *Konnell R.* Gender i vlast': Obshhestvo, lichnost' i gendernaya politika. M.: Nov. lit. obozrenie, 2015. 432 s.
7. *Omel'chenko E.L.* Kul'turny'e praktiki i stili zhizni rossijskoj molodezhi v koncze XX veka // Rubezh: al'manax social'ny'x issledovaniy. 2003. № 18. S. 145–166.
8. *Sergienko E.A., E'jdel'man G.N.* Vozrastnaya identifikaciya sovremennoj molodezhi kak faktor samodeterminacii // Obrazovanie i samorazvitie. 2015. № 3. S. 62–72.
9. *Chekalina A.A.* Mental'nost' uchitelya: na peresechenii gendera i professii // Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta / otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'czova, E.N. Xolondovich. M.: In-t psixologii RAN, 2016. Vy'p. 2. S. 440–453.
10. *Chernova Zh.V.* Rabochee mesto, družhestvennoe sem'e: politicheskie iniciativy', poziciya rabotodatelya i tipy' podderzhki rabotnikov s semejny'mi obyazannostyami // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2017. T. XX. № 1 (89). S. 93–113.
11. *Chumicheva I.V., Marcinkovskaya T.D.* Problema socializacii podrostkov v sovremennom mul'tikul'turnom prostranstve // Psixologicheskie issledovaniya. 2015. № 8 (39). [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n39/1094-martsinkovskaya39> (data obrashheniya: 21.10.2017).
12. *Shty'leva L.V.* Gendernaya socializaciya v obrazovanii: teoriya, istoriya i sovremennaya praktika: monografiya / predisl. O.I. Klyuchko. SPb.: NICART, 2017. 524 s.
13. The Global Gender Gap Report 2016 / World Economic Forum. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/> (data obrashheniya: 25.09.2017).

O.I. Klyuchko

Gender Transformations in the Socialization and Mentality of Russian Youth

The article captures numerous gender changes in the socialization and mentality of Russian youth. It demonstrates trends, problems, factors and the need for further study of gender transformations.

Keywords: mentality; gender; transformation; youth; variability; trends.

УДК 316.47

И.Г. Соколова

Развитие нишевых телеканалов в России в контексте проблемы социального одинокчества

Статья посвящена изучению тенденций развития нишевых телеканалов на российском телевидении в контексте социального одиночества. Автором рассматривается современная сегментация телеаудитории, а также анализируются необходимые условия для развития российского нишевого телевидения, главными из которых являются социальный заказ, мотивация к просмотру, зрительские предпочтения, а также основные критерии качества контента. Автором подробно рассматриваются различные виды телесмотрения и гендерные различия зрительских предпочтений.

Ключевые слова: нишевое телевидение; сегменты аудитории; телесмотрение; зрительские предпочтения; социальное одиночество.

На современном телевидении, как российском, так и зарубежном, существуют универсальные телеканалы «для всех» и так называемые нишевые телеканалы, контент каждого из которых предназначен для определенных категорий зрителей (например, телеканалы «Мать и дитя», «Настоящее смешное телевидение», «Дом кино», «Наш футбол» и др.). Обусловленное активным распространением с начала 2000-х гг. спутникового и кабельного телевидения, в настоящее время нишевое телевидение представляет в российском медиапространстве более 150 телеканалов, что уже открывает широкие возможности выбора зрителем контента согласно своим интересам, предпочтениям. А с развитием новых цифровых технологий передачи сигнала возможности эти постоянно возрастают.

К основным современным тенденциям развития отечественного нишевого телевидения можно отнести следующие:

- быстрый рост числа нишевых телеканалов, вследствие чего возникает все большее число каналов со все более специфической, узкой тематической направленностью (ниш и субниш);
- лидирующая роль в российском медиапространстве западных нишевых телеканалов ввиду слабой конкурентоспособности отечественных каналов;
- стремление российских нишевых телеканалов к вхождению в медиахолдинги, в пакеты кабельных или спутниковых операторов в целях укрепления своего финансового положения.

По мнению генерального директора телеканала «Эксперт ТВ» М. Нелюбина, нишевое телевидение становится мировым трендом, «в некоторых развитых

странах очень ограниченное количество эфирных каналов, все остальные — нишевые» [3: с. 70]. Согласно данным социологических исследований, в то время как практически все молодое поколение во многих странах переключилось на интернет-телевидение, большая часть взрослого консервативного европейского и американского населения остается верна телеэкранам, предпочитая при этом именно нишевые телеканалы. Отечественные исследователи отмечают, что «постоянные пользователи Интернета более избирательны в своем отношении к традиционным СМИ, особенно радио и телевидению» [5: с. 175].

Р. Маградзе, обозреватель журнала о цифровом телевидении «Телеспутник», в своей статье отмечает следующее: «Отечественное тематическое (нишевое) телевидение проделало гигантский путь от первых кабельных каналов с пиратским видео до сегодняшнего уровня индустрии производства специализированного телеконтента» [2: с. 16].

Одним из основных условий для дальнейшего развития российского нишевого телевидения является исследование зрительских предпочтений. В данном контексте их следует рассматривать как социальный заказ — общественную потребность в получении нужного телеконтента каждым из сегментов телеаудитории, основанную на дифференциации. П.А. Ковалев в своем исследовании отмечает: «Частным проявлением дифференциации является фрагментация телеаудитории, понимаемая как процесс распределения аудитории по возрастающему числу каналов телевидения. Одним из основных факторов дифференциации телевизионной аудитории выступает тенденция переориентации современных производств с товаров массового потребления на специализированные товары, приспособленные к запросам узких групп потребителей, что проявляется также и в функционировании телевизионной индустрии» [1: с. 7].

Согласно предоставленным телеканалом «ТВ Центр» данным опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в Москве, Ярославле и Нижнем Новгороде методом групповых дискуссий (фокус-групп), современный российский телезритель нацелен на поиск чистых, четких и ясных образцов того, как правильно, успешно жить дальше в современном мире, обществе, стране; решение вопросов о том, что будет с ним и со страной дальше. Основное содержание телеконтента, востребованное современными зрителями, — искренность и реалистичность героев, а также подлинность сюжетов программ и сериалов.

В процессе исследования была прослежена эволюция практик «телепросмотра в условиях современных социокультурных изменений через призму гендерных особенностей» [4: с. 238]. Поскольку в опросах принимали участие мужчины и женщины от 35 до 55 лет, были сделаны следующие выводы, касающиеся гендерной специфики зрительских предпочтений:

– Женщины выбирают телеконтент «без агрессии и крови». Наиболее популярными темами являются: психология семейных взаимоотношений, отношения мужчины и женщины, воспитание детей, кулинария, красота и здоровье, украшательство, мода и т. п. Кроме того, женщинам интересно узнавать о чем-либо на конкретном примере из «чьей-то истории».

– Мужчины на первое место ставят программы на отвлеченные темы, а также хотят получать о спорте, рыбалке, оружии, технике и т. п. «больше фактов, чем впечатлений, меньше вымысла; конкретную информацию по какой-то теме от и до». Опрос показал, что взрослые мужчины ориентированы в первую очередь на просмотр новостей, аналитики, публицистики, событий из мира спорта, программ по интересам, более молодые — делают выбор в пользу юмора.

Приверженность к различным ценностям в процессе исследования показали жители столицы и регионов. Так, столичные зрители больше ценят в контенте нишевого телевидения чувство достоинства, надежность, сдержанность, спокойствие, анализ, интеллектуальность, профессионализм, качество жизни, информацию, компетентность, авторские форматы, наличие собственной точки зрения, контроль над ситуацией, познавательность, авторитетность, полемику, классику, имидж канала. Во время просмотра зрители идентифицируют себя с профессионалами, компетентными, эрудированными людьми, с одной стороны, погруженными в проблематику контента телеканала, а с другой стороны, с наличием собственного мнения.

Проведенные в Ярославле и Нижнем Новгороде опросы подтверждают, что региональных зрителей привлекает более спокойный и повествовательный контент с менее динамичными сюжетами. Региональным зрителям важнее непосредственное содержание просмотренного, тогда как москвичи обращают внимание на «производные»: как снято, насколько новым является сообщение, стилистика, оформление, насколько они гармонируют с их повседневным укладом жизни.

Согласно результатам анкетирования, зрителей, предпочитающих нишевые телеканалы, интересует позитивный и продуктивный контент вне зависимости от жанра: сериалы, публицистика, ток-шоу, реалити-шоу или новости. Основными критериями качества контента выступают следующие социально значимые ценности: ценность человеческой жизни; ценность труда и уважение к человеку труда; ориентация не на деньги, а на созидание; борьба с коррупцией; нравственные ценности, жизненная мудрость.

В свою очередь, «TNS Россия», согласно данным, предоставленным телеканалом «ТВ Центр», разработала детальную схему сегментации зрительской аудитории, которая существенно отличается от традиционных показателей (доли и рейтинги). В ее основе лежат потребности и ожидания телезрителей от просмотра телеканалов, в том числе и нишевых. «TNS Россия» выделяет шесть сегментов:

– *Любители острых ощущений* — телезрители с развитым духом соперничества, которые во всем стремятся быть первыми.

– *Принимающие решения* — те, кто стремится всегда быть в курсе всех событий.

– *Стремящиеся к познанию* — те, кто ощущают себя самыми компетентными во всех сферах жизни.

– *Ценители гармонии* — те, кто ценят передачи с полезными советами, комедии и семейные фильмы и сериалы.

– *Ориентированные на семью и общество* — зрители, предпочитающие фильмы и передачи, с правильными жизненными ценностями и установками.

– *Любители развлечений* — зрители, которые увлекаются музыкальными программами, шоу со звездами, молодежными и юмористическими сериалами.

Исходя из анализа зрительских предпочтений в нишевом телесегменте можно сделать следующие выводы:

– *Любители острых ощущений* предпочитают спортивные передачи, новости шоу-бизнеса, программы о мистике, моде, здоровье.

– *Принимающие решения* интересуются новостями бизнеса и экономики, любят информационно-аналитические и научно-популярные передачи, исторические фильмы, авторское кино.

– *Стремящиеся к познанию* выбирают научно-популярные программы, политические новости, информационно-аналитические программы.

– *Ценителям гармонии* нравятся полезные советы, утренние передачи, мелодрамы.

– *Ориентированные на семью и общество* с удовольствием смотрят кулинарные и женские ток-шоу, викторины, передачи о здоровье.

– *Любители развлечений* наиболее часто проводят время за просмотром розыгрышей, реалити-шоу, ярких шоу с участием звезд, юмористических молодежных сериалов и шоу, музыкальных передач.

Таким образом, зрительские предпочтения в каждом из сегментов ориентированы в основном на получение полезной информации. Наблюдается устойчивый уход телезрителя от агрессивного контента в сторону развлечения и рекреации.

По мнению автора, данная трансформация произошла вследствие ряда причин. Стремление к развлечению нередко вызвано эмоциональным дефицитом, который компенсируется механизмом рекреации (восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда). Причиной эмоционального дефицита может быть не только изнуряющий труд, бытовые проблемы, социальное одиночество, но и агрессивность, депрессивность и навязчивость телеконтента универсальных телеканалов.

Согласно данным ВЦИОМ, предоставленных телеканалом «ТВ Центр», главными мотивами обращения основной массы телезрителей к развлекательному контенту, предлагаемому нишевым телевидением, являются следующие:

– *Поднятие настроения, получение положительных эмоций* — этот мотив характерен для всех российских социально-демографических групп. Зрители данной мотивационной группы находятся в угнетенном эмоциональном состоянии, поскольку часть из них проводят дневное время дома вынужденно: это мамы, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком; люди, потерявшие работу, пенсионеры и т. п. Нередко они испытывают недовольство собственной жизнью: ощущают недостаток самореализации, нехватку средств и т. п. Телевизор в этом случае восполняет дефицит позитивных эмоций.

– *Проведение времени без нервного напряжения (убить время)* — такой мотив характерен для посменных работников, особенно мужчин, которые часто

не знают, чем заняться дома в выходной, мучаются от безделья в ожидании вечера. Москвичи чаще говорят о наличии такого мотива, чем жители других городов.

– *Отдых, расслабление, развлечение во время рутинной работы (по дому или профессиональной)* — эта мотивация особенно характерна для женщин-домохозяек, вынужденно работающих дома зрителей и пенсионеров, которые много времени проводят за монотонными и однообразными делами, телевизор вносит в их жизнь некоторое разнообразие. Отдохнуть от рутинной работы, расслабиться, релаксировать, делать перерывы в процессе выполнения деятельности — популярный мотив обращения к телевизору.

– *Потребность в общении* — избавиться от ощущения одиночества, пообщаться с друзьями во время просмотра одной и той же программы в целях обсуждения. Многие люди, оставаясь дома на целый день, чувствуют себя одинокими, испытывают тревогу и страх оттого, что им не с кем поговорить, никого рядом нет. Все незанятые группы (пенсионеры, домохозяйки), а также одинокие и разведенные зрители ощущают очень сильный дефицит общения.

– *Получение удовольствия лично для себя, когда не мешают домашние*, — это желание посмотреть именно то, что хочется, не подвергаясь давлению и критике со стороны домашних и не отвлекаясь.

– *Стремление узнать что-то полезное, новое, любопытное, интересное* — всем, кто проводит много времени дома, хочется узнавать, переживать что-то новое, поскольку они испытывают сильную нехватку новых впечатлений. Получить новые знания, обогатить эрудицию, расширить кругозор, особенно если другие возможности для развития ограничены. Любопытная или полезная информация, полученная из телепрограмм, также является поводом для общения с другими — с семьей, коллегами по работе, друзьями, собственными детьми.

Помимо мотивации выбора того или иного нишевого канала, существуют определенные критерии выбора: информативность, познавательность, полезность, современность, злободневность, актуальность, интересная тема, эмоциональное разнообразие, сильная интрига сюжета, харизматичность ведущих, интересный герой/участник программы, развлекательность.

Немаловажным условием для развития полномасштабного функционала нишевого телевидения России также является всесторонний анализ телесмотрения.

В настоящий момент можно выделить несколько режимов телепросмотра:

Классический — исторически наиболее ранний, подразумевающий, что зритель смотрит передачу с начала и до конца, не отвлекаясь.

Целенаправленный просмотр. Анализируя тип зрительского поведения на примере просмотра информационно-аналитических нишевых телеканалов, можно сделать вывод о том, что одни и те же передачи вызывают различные реакции у разных зрителей. Существуют различия, которые порождены самим содержанием новостных сюжетов нишевых телеканалов. Очень многие зрители связывают свои оценки увиденного не с показом, а с показанным. В этом

смысле для них «хорошие новости» — это новости о том, что «все хорошо», и «плохие» — которые сообщают о «плохом».

Фоновый просмотр. При фоновом просмотре телевизор работает, но человек занят своим делом. Он почти постоянно слышит (хотя не слушает) звук передач, иногда бросает взгляд на экран. Такой способ предполагает резко сниженное внимание к тому, что передает телевизор, но некоторый контроль содержания передаваемого.

Сканирование. Сама манера появилась тогда, когда количество каналов стало измеряться двузначными, а в последние годы трехзначными числами, а управление телевизором — осуществляться не с панели, а с инфракрасного пульта. Но технические обстоятельства были лишь условиями, а не причинами возникновения новой манеры, новой нормы отношения людей к телевидению. Ли Хант в своем исследовании определяет данный вид телесмотрения как «серфинг» — симптом подсознательного пользования и рефлекторного действия [7: с. 32].

Современные телезрители, безусловно, находятся в сильной зависимости от телевидения как института. Но практически нет зрителей, у которых телевизор постоянно настроен только на один канал. Зависимость от телевидения сочетается с настойчивой борьбой за независимость от определенного канала. Данные факты можно интерпретировать следующим образом: индивид через институт телевидения реализует свою принадлежность к обществу в целом, но он не желает зависеть от конкретных и частных институтов этого общества, репрезентируемых отдельными каналами и отдельными передачами.

Современное телевидение, в том числе нишевое, — это своеобразный инструмент формирования социально значимых отношений между людьми. Формирование разножанрового контента нишевого телевидения можно рассматривать как попытку объединения отдельных личностей и социальных групп именно для создания социально значимых отношений.

Однако, несмотря на богатейший выбор и возможность использования нишевого телевидения для обретения партнера или группы по интересам, для расширения точек соприкосновения в социуме, в последнее время наблюдается усиление феномена социального одиночества.

Социальное одиночество — сложный и неоднозначный феномен, который является разновидностью духовного одиночества и связан с экономическим, духовным и социальным кризисами, которые разрушительно влияют на личность.

По мнению Ж.В. Пузановой, одиночество — это серьезная социальная проблема, обусловленная усилением индивидуализма, ослаблением связи внутри первичной социальной группы, интенсификацией социальной мобильности, увеличением раздробленности в обществе. Нестабильность, вызванная этими факторами, приводит к росту социального одиночества в обществе [6: с. 3].

Действенным средством для преодоления чувства социального одиночества, по мнению автора, может выступать нишевое телевидение. Поскольку контент каждого из нишевых телеканалов выстроен в соответствии

с потребностями зрителей, с его помощью возможно объединение личностей и социальных групп по интересам. Общие интересы при выборе контента и есть способ выстраивания коммуникации внутри социальной группы, будь то семья либо рабочий коллектив, а также способ для выявления вербальных точек соприкосновения отдельных личностей в целях преодоления чувства социального одиночества.

Таким образом, нишевое телевидение практически не ограничено в своем воздействии на формирование поведенческой мотивации зрителя. Телевидение как главенствующее средство массовой информации, помимо обеспечения коммуникации, также является важным фактором социализации человека, который включает личность в систему социальных связей на основе усвоения ценностей, норм, образцов поведения социальной группы или общества в целом. Помимо того что телевидение создает модели поведения, образа жизни, оно использует силу примера, показанного в контенте. Так происходит социализация индивида в соответствии с нормами, желаемыми для общества в конкретный исторический период.

В то же время нишевое телевидение, транслируя посредством контента такие основополагающие и особенно востребованные зрителями ценности, как справедливость, чувство долга, ответственность, воспитанность, духовность, смелость, патриотизм, профессионализм, терпеливость, активность, чувство юмора, чуткость, доброта, искренность, щедрость, серьезность, толерантность, трудолюбие, способно оказать значительную поддержку личности в процессе преодоления различных жизненных ситуаций.

Литература

1. Ковалёв П.А. Российская телевизионная аудитория: дифференциация и типологические группы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: МГУ, 2006. 22 с.
2. Маградзе Р. Стратегии тематических телеканалов // Телеспутник. 2012. № 4. С. 16–21.
3. Нелюбин М. Перспективы нишевого телевидения / Broadcasting // Телевидение и радиовещание. 2008. № 6. С. 70–71.
4. Овчинская Е.В. Телевизионные практики мужчин и женщин: состояние, эволюция, тенденции // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 238–244.
5. Осипова Е.А., Орлова И.В., Соколова И.В. Социология массовых коммуникаций: учебник для вузов. М.: Академия, 2014. 400 с.
6. Пузанова Ж.В. Социологическое измерение одиночества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М.: РУДН, 2009. 41 с.
7. Хант Л. Основы телевизионного брендинга и эфирного промоушн. М.: Галерея, 2001. 152 с.

Literatura

1. Kovalyov P.A. Rossijskaya televizionnaya auditoriya: differenciaciya i tipologicheskie gruppy: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. M.: MGU, 2006. 22 s.
2. Magradze R. Strategii tematicheskix telekanalov // Telesputnik. 2012. № 4. S. 16–21.

3. *Nelyubin M.* Perspektivy' nishhevoogo televideniya / Broadcasting // Televidenie i radioveshhanie. 2008. № 6. S. 70–71.

4. *Ovchinskaya E.V.* Televizionny'e praktiki muzhchin i zhenshhin: sostoyanie, e'volyuciya, tendencii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2013. № 1. S. 238–244.

5. *Osipova E.A., Orlova I.V., Sokolova I.V.* Sociologiya massovy'x kommunikacij: uchebnik dlya vuzov. M.: Akademiya, 2014. 400 s.

6. *Puzanova Zh.V.* Sociologicheskoe izmerenie odinochestva: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. M.: RUDN, 2009. 41 s.

7. *Xant L.* Osnovy' televizionnogo brendinga i e'firmogo promoushn. M.: Galereya, 2001. 152 s.

I.G. Sokolova

Development of Niche TV Channels in Russia in the Context of the Problem of Social Loneliness

The article is devoted to the study of the trends in the development of niche TV channels on Russian television in the context of social loneliness. The author considers the modern TV audience segmentation and analyzes the necessary conditions for the development of Russian niche TV, chief among which are the social order, the motivation for viewing, the audience preferences, as well as the main criteria of quality of content. The author examines in detail various types of television viewing and gender differences in viewers' preferences.

Keywords: niche TV; audience segments; television viewing; audience preferences; social loneliness.

О профессионализме педагогического образования в свете разных педагогических стратегий

Во второй части статьи раскрываются различные стратегии образования, сложившиеся в разные периоды истории Европы и России, — от позитивизма Г. Спенсера до мира абсурда А. Камю, от свободного воспитания К. Вентцеля до ноосферного образования В.И. Вернадского. В контексте каждой из стратегий формируется свое понимание миссии учителя.

Ключевые слова: позитивизм; образовательные услуги; прикладная философия С. Гессена; ноосферная мысль; философия образования.

ЧАСТЬ 2¹

3. Стратегия западная

Обратимся к истории и философии зарубежного образования, к образцам которого нас призывают. Можно было с самого начала догадаться, какая теоретическая платформа (или идеология) стоит за Болонским процессом. Образовательные услуги свойственны обществу потребления, в этом теперь уже никто и не сомневается. Его становление и утверждение пришлось на конец XIX в. Известный английский философ и ученый Г. Спенсер в это время разрабатывал в философии науки такое направление, как позитивизм. Именно с этих позиций он предложил английскому обществу теорию образования. В ней он фиксирует три его основные задачи [10]:

- формирование научного мировоззрения;
- правовое и моральное формирование гражданина;
- укрепление физической культуры.

¹ Часть 1 см.: Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки». 2017. № 3 (23). С. 52–63.

Цель образования — сделать выпускника успешным и достойным такого замечательного общества. Под этой теорией, наверное, подпишется сегодня любой наш чиновник. Но... «дьявол — в деталях». А именно — в социологических взглядах Спенсера — позитивиста, сторонника социал-дарвинизма: странами, обществом и людьми движут процессы борьбы за выживание.

Зарубежная философия XX в. очень подробно исследовала особенности выживания человека в хаосе борьбы общества потребления, вместившей в себя две мировые войны и колоссальные людские жертвы. И открыла два феномена в связи с этим. Один был описан в философии экзистенциализма с его принципом свободы и одиночества человека в мире. Второй — в философии массового сознания толпы и падения интереса к духовной культуре. Й. Хойзинга, О. Шпенглер писали о гнилости так называемого открытого общества, закате Европы; Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, К. Печчеи и др. — об антропологическом сдвиге в составе человека, приведшем к потере им определенных качеств, особенно чувства ответственности, свидетельствующей лучше всего о «большом» обществе [9]. Абстрактные «права человека», развернутые в Декларации ООН, развратили его и сделали вместилищем идей о вседозволенности, о попрании собственной природы, что теперь называется толерантностью. Сегодня к этому можно прибавить философию ненависти и культ смерти, которой якобы не надо бояться. Вспомним, что в ИГИЛ вступают молодые.

Мир без идеала, как природа без солнца, превращается в бессмысленный процесс круговращения органики, жизнь на дне жизни, названная А. Камю абсурдом и описанная им в трактате «Миф о Сизифе» и повести «Падение» [8]. Он и сам заражен этой интеллектуальной чумой, когда подробно описывает жизнь завсегдастая таверны, бывшего прокурора и старого алкоголика — пиявку, одним словом, который ощущает себя Богом-отцом, с вожделием осуждая мир людишек. Экзистенциальной философии, которую исповедует Камю, самой тошно от этого.

Немецкая философия за 100 лет очень много писала о человеческой сущности, породив философскую антропологию как самостоятельное направление. М. Шелер попробовал, вслед за Гегелем, поднять масштаб описания человеческого предназначения в природе и обществе. Констатируя, что для естественнонаучной концепции человека (человек-животное) категория «дух» не нужна, М. Шелер пытается объяснить особенности органической природы человека, его умений духовной инициативой, данной ему *apriori* (от любви к игрушке до космического интереса). Но к образованию эта философия не имела никакого отношения, так как социальный заказ образованию формируется не философами, а политической элитой, ей нужен электорат, которым можно легко манипулировать.

Один раз в первой половине XX в. на Западе была сделана попытка развернуть образование в сторону интересов ребенка. С подачи американского философа Дж. Дьюи, поборника «равных возможностей» людей и идеи улучшения общества путем педагогических реформ, в европейской философии

образования закрепилось понятие «педоцентризм», инициировавшее активное педагогическое движение «новое воспитание», или «новая школа». Лидером этого движения был французский педагог-новатор и мыслитель С. Френе. К сожалению, Вторая мировая война не дала закрепиться этому эксперименту, вернув школу после войны к привычному прагматизму ее целей и задач. Современная философская и социологическая мысль Европы и США резко критикует за это западную школу [2: с. 145–155].

4. Стратегии образования завтрашнего дня

На изломе эпох, в первой половине XX в. отечественные мыслители и педагоги как раз разработали несколько образовательных концепций на столетие вперед, которые сегодня вполне могут оказаться востребованными. Отдельные идеи отдельные специалисты, конечно, знают, но собранные вместе концепции поражают своим организационным и мировоззренческим потенциалом, стратегической целокупностью. Не надо ничего выдумывать, высасывать из пальца — бери и реализуй! Но по порядку.

А. Идеи философов русского зарубежья. Одним из них был русский ученый, профессор Томского университета Сергей Иосифович Гессен, уехавший в Прагу, потом в Польшу в 1920 г. Он работал в Варшаве и пережил трагические вехи ее оккупации немцами, участник Варшавского восстания. С его именем связан новый взгляд на педагогику и определение ее в качестве прикладной философии. Гессен сформулировал предположение, что всякая педагогическая система — даже там, где она выдает себя за чисто эмпирическую науку, есть приложение к жизни философских взглядов ее автора. В новых условиях проживания в Европе русской диаспоры он продолжал разрабатывать педагогическую антропологию.

Педагогику С.И. Гессен считал философской по своему существу. Он писал, что его привлекала сама возможность явить в книге «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» [7] практическую мощь философии, показать, что самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое философское значение и что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы.

Согласно С.И. Гессену педагогика как теория образования распадается на отделы соответственно культурным ценностям, приобщение к которым составляет задачу формирования личности. Это:

- нравственное, правовое образование;
- научное;
- художественное;
- хозяйственное;
- религиозное.

Перечисленным отделам соответствуют философские дисциплины:

- этика и философия права;
- логика;

- эстетика;
- философия хозяйства;
- философия религии.

Философские дисциплины по отношению к совокупности педагогических дисциплин являются обосновывающими.

В основе педагогических воззрений С.И. Гессена лежат его представления в области философской антропологии. Он считал, что жизнь человека протекает одновременно в четырех планах, причем высший уровень человеческого бытия наслаивается на низший, оформляет его, не нарушая, однако, его внутреннего устройства.

Соответственно планам жизни человека образование представляет собой сложный процесс: одновременно биологический, социальный, духовно-культурный и духовно-благодатный.

Главные направления, господствующие к тому времени, С.И. Гессен классифицировал соответственно этой схеме: натурализм сводил весь процесс воспитания к первому слою — опеке и дрессировке, социализм — ко второму слою, т. е. к удовлетворению потребностей социальной группы, гуманизм — к третьему слою, т. е. к образованию.

Сам С.И. Гессен сформулировал цели образования по-другому. Это не только приобщение ученика к культурным ценностям, в том числе и научным достижениям человечества, но одновременно и формирование высоконравственной, свободной и ответственной личности.

Выглядит это так:

Человек как	Планы воспитания	Ступени счастья
1. План биологического бытия		
Биологическая особь	Опека, дрессировка	Наслаждение
2. План общественного бытия		
Индивид — член социальной группы	Обработка молодого поколения согласно потребностям группы	Триумф
3. План духовной культуры		
Личность — духовное общение как ценность	Образование (соучастие в приобщении к культурным ценностям)	Удовлетворение от исполненного долженствования
4. План благодатного бытия		
Душа человека. Царство Божие. Бог	Спасение и чистая совесть	Радость. Благодать

Своеобразие личности С.И. Гессен видит в ее духовности. Душа и тело человека в равной мере должны быть образованны в направлении культурных ценностей. Весь человек в целом, а не одна его часть, должен воспринять ценности культуры, приобщиться к ним всем своим существом и в служении им преобразовать свой психофизический организм. Если совокупность культурных ценностей назвать именем Духа, то образование имеет своей целью создание «рыцарей Духа».

«Могущество индивидуальности», по С.И. Гессену, коренится не в ней самой, не в природной мощи ее психофизического организма, но в тех духовных ценностях, которыми проникаются тело и душа человека в процессе его образования, которые просвечивают в них как задания его творческих устремлений.

Подлинное образование, по Гессену, заключается в необходимости приобщения молодых к творческому потоку истории, передаче новому поколению не только готового культурного содержания, но и того духовного движения, продолжая которое оно могло бы выработать свое собственное новое содержание культуры. «Юность “есть остров будущего в мире настоящего” и это будущее имеет свою ценность, перед которой должна склониться ценность настоящего» [7: с. 410].

С.И. Гессен утверждал, что «личность обретается только через работу над сверхличностными задачами. Она создается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличностных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства, и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры» [6: с. 130].

Идея единства национального и общечеловеческого (по С.И. Гессену, «сверхнационального») была одной из стержневых идей его педагогической концепции, как и общей его социальной позиции. С.И. Гессен подчеркивал недопустимость как узкого национализма, так и космополитизма в решении вопроса созидания духовной культуры. Он отмечал, что сверхнациональное нисколько не умаляет национального, а наоборот, требует его многообразия.

Здесь работают другие критерии: подлинно национальным образованием, действительно созидающим, а не разрушающим нацию, будет только хорошо поставленное нравственное, научное и художественное образование (см.: [2: с. 77–81]).

По модели С.И. Гессена реально работали для детей эмигрантов многие русские школы в Европе до Второй мировой войны. И как мы знаем, эти дети, находясь в иностранной среде, сохранили и свою русскость, и любовь к далекой родине.

Б. Педагогическая система В.Н. Вентцеля. Идеи педагога-гуманиста по проблемам развития творческой личности, преодоления отчуждения ребенка от педагогического процесса, гуманизации педагогических взаимоотношений, изменения самого характера деятельности учителя, организации «свободных» и «семейных» школ, детских садов, клубов и пр., формирования нового педагогического сознания, понимания роли свободного воспитания в деле нравственного прогресса российского общества, конечно, были использованы в концепции Единой трудовой школы, но не были развернуты в реальном образовательном процессе.

Говоря о системе воспитания, Вентцель предлагал многоуровневый подход, т. е. такой взгляд на воспитание, где в качестве основных задач ставятся вопросы нравственного воспитания, главным методом которого будет метод освобождения творческих сил в ребенке [3]. Именно на этом пути он видел новые пути обновленного воспитания и образования. При этом он прекрасно понимал, что

главной преградой и препятствием в деле реализации такого подхода станут ограниченность нашего мышления, традиционные взгляды и воззрения на природу ребенка. Идеи свободного воспитания, освобождения ребенка, с его точки зрения, прокладывают наиболее ускоренный путь в плане практического осуществления данного подхода к воспитанию в школе и семье.

Такая школа не ставит вопрос о подготовке своих воспитанников к аттестату зрелости, эта школа служит всестороннему гармоническому развитию человеческой личности, индивидуальности. И все это имеет основание, которое базируется на самообразовании и самовоспитании, развитии в детях самостоятельности, самодеятельности, сформированности в них воли, цельных характеров со всеми их индивидуальными особенностями. Изучение наук не сводится к получению все большего и большего количества знаний, вопрос состоит в том, способствует ли такое мышление непрерывному расширению самостоятельной умственной деятельности, содействует ли выработке в себе правильного мирозерцания, мировоззрения. Развивается ли человек нравственно наряду с чистым стремлением к знанию; крепнет ли в нем сознание великой преобразовательной силы, способной изменить внутреннюю среду проживания и дать толчок к облагораживанию общего строя человеческой жизни.

Отсюда постоянное, прицельное внимание педагога к вопросу о нравственном воспитании, понимаемому как процесс проявления положительных человеческих качеств в ходе свободного естественного развития личности. Этому естественному свободному развитию Вентцель придавал планетарный масштаб в духе русского космизма. Он один из первых обратил внимание на необходимость космического воспитания личности. Если дети будут становиться все более совершенными, то человечество придет к обновлению и возрождению — традиционный для русского мыслителя подход к цели образования (см.: [2: с. 210–213]).

В. Ноосферное образование. В ноосферном образовании преломляются идеи философии русского космизма. Многие на этом пути провозгласил гениальный русский ученый, организатор академической науки в России после революции В.И. Вернадский. Еще в 1910 г., выступая в Петербурге в Академии наук по поводу открытия радия, он подчеркивал, что в эпохи напряжения мысли на планете происходит смена господствующего мировоззрения. «Всегда в такие времена, — говорил он, — менялась картина мира, резко менялся строй представления человечества об окружающем. Эти представления неизбежно неоднородны. Можно и должно различать несколько рядом и одновременно сосуществующих идей мира. От абстрактного механического мира энергии или электронов-атомов, физических законов мы должны отличать конкретный мир видимой Вселенной-природы: мир небесных светил, грозных и тихих явлений земной поверхности, окружающих нас повсюду живых организмов, животных и растительных.

Но за пределами природы огромная область человеческого сознания, государственных и общественных групп и бесконечных по глубине и силе проявлений человеческой личности — сама по себе представляет новую мировую

картину. Эти различные по форме, взаимно проникающие, но независимые картины мира сосуществуют в научной мысли рядом, никогда не могут быть сведены в одно целое, в один абстрактный мир физики или механики» [5: с. 10–11].

И первой такой эпохой Вернадский определяет исторический период, начавшийся 2,5 тыс. лет назад, когда «одновременно произошло глубокое движение мысли в области религиозной, художественной, философской в разных культурных центрах: в Иране, в Китае, в арийской Индии, в эллинском Средиземноморье появились великие творцы религиозных систем — Зороастр, Лао-цзы, Конфуций, Будда, Махавира, Пифагор, которые охватили своим влиянием, живым до сих пор, миллионы людей...» [4: с. 37].

Этот же период европейский философ XX в. Карл Ясперс определил как *осевое время истории*. Он увидел в этой эпохе одни закономерности, Вернадский же увидел в ней то, что впервые идея единства всего человечества, людей как братьев вышла за пределы эзотерических (сокровенных) знаний отдельных личностей и стала достоянием масс. С этого времени, считал он, началось осознанное взаимодействие людей с планетой, сначала медленное, а затем все убыстряющееся и приведшее в XX в. к взрыву научного творчества. «Ноосфера — это биосфера, переработанная научной мыслью, подготавливавшаяся шедшим сотни миллионов, может быть миллиардов лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber*» [4: с. 40]. А ведь эта концепция предвосхитила открытие в конце XX в. американскими учеными антропного принципа Вселенной.

Вернадский поясняет: «цивилизация культурного человечества», поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, — не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. В этом плане человек «впервые реально понял, что он житель планеты и может — должен! — мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетарном аспекте» [4: с. 40]. Все это должно войти в содержание высшего образования!

Итак, «цивилизация культурного человечества» как проявление ноосферы. Какие же признаки ее отличают? Особо стоит вопрос о моральной стороне науки, нравственной позиции ученого. Далее, чтобы сделать культуру прочною, необходимо возвысить массы, сделать для них культуру потребностью, а для достижения этого необходимо развитие высших форм сознания, что является главной заботой образования в демократическом государстве.

В это же время Вернадский много размышляет о необходимости реформирования школы и учительского сознания: «нельзя отложить заботу о вечном и великом на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения своих элементарных нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет “хлеба и зрелищ”. Есть, пить, ничего не делать, наслаждаться любовью. Неужели учитель может удовлетвориться, когда он будет воспитывать скалозубов, молчаливых, жадных до денег банкиров?.. Мне кажется это невозможным, так как я вижу

огромные возможности России и рост, какой шел у нас в начале XX столетия» [4: с. 119].

Где же Вернадский предлагал искать точку опоры? «Искать в бесконечном, в творческом акте и в бесконечной силе духа... Надо, чтобы в народе имелись значительные группы людей, которые не ломаются бурей, но творят и созидают. Необходимо прямо смотреть в глаза происшедшему, пересмотреть все устои своего общественного верования, подвергнуть все критике... Продумать все искренно, до конца... и то, что найдешь на этом пути смелого и искреннего, громко сказать всем, и надо, чтобы слово разбудило мысли и чувства людей, которые до сих пор жили бессознательно» [4: с. 40], — писал он в 1918 г. Он сам, безусловно, принадлежал к этой когорте людей.

Ноосферное образование — это, конечно, модель образования завтрашнего дня. Для ее реализации, например, в МГПУ на кафедре философии и социальных наук разрабатывается синергетический подход [1: с. 147–188]. Пока это теория. Ищем талантливую и смелую директрису школы!

5. Выводы

Профессионализм педагогического образования в нашем смысле связан с возвращением понятия «призвание учителя». Он зависит, конечно, и от работы с абитуриентами, и от качества построения учебных планов бакалавриата и магистратуры. На сегодняшний день они фрагментарны из-за глобальной нехватки часов, бессистемны, стандартизированы. А главное, у чиновников от образования нет собственной концепции о целях и задачах образования и воспитания именно российских мальчиков и девочек будущими учителями. И это понятно, ведь им не читали такой курс, как «философия образования». Да и у нас в МГПУ он читается только аспирантам трех кафедр.

Как нуждается Россия в появлении мужественного лидера в образовании, который остановил бы его массовую бюрократизацию и вернул бы в учебный процесс уважение к достоинству ученика и учителя, чтобы «остров будущего» не превратился окончательно в «зону отчуждения и отчаяния».

Литература

1. Бессонов Б.Н., Бирич И.А. Образование и гуманизация общества: монография. М.: МГПУ, 2013. 196 с.
2. Бирич И.А., Панченко О.Г. В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы: монография. Москва – Екатеринбург: Урализдат, 2010. 256 с.
3. Вентцель. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 1999. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
4. Вернадский. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 2001. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
5. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Наука, 1989. 156 с.

6. *Гессен*. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 2004. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
7. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
8. *Камю А.* Миф о Сизифе: философский трактат. Падение: повесть. СПб.: Азбука-Классика, 2001. 256 с.
9. Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
10. Спенсер. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 2004. 222 с. (Антология гуманной педагогики).

Literatura

1. *Bessonov B.N., Birich I.A.* Obrazovanie i gumanizaciya obshhestva: monografiya. M.: MGPU, 2013. 196 s.
2. *Birich I.A., Panchenko O.G.* V poiskakh novoj metodologii otechestvennogo obrazovaniya: istoriya, sovremennost', prognozy': monografiya. Moskva – Ekaterinburg: Uralizdat, 2010. 256 s.
3. Ventcel'. M.: Izd. dom Shalvy' Amonashvili, 1999. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).
4. Vernadskij. M.: Izd. dom Shalvy' Amonashvili, 2001. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).
5. *Vernadskij V.I.* Nachalo i vechnost' zhizni. M.: Nauka, 1989. 156 s.
6. *Gessen*. M.: Izd. dom Shalvy' Amonashvili, 2004. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).
7. *Gessen S.I.* Osnovy' pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu. M.: Shkola-Press, 1995. 448 s.
8. *Kamyu A.* Mif o Sizife: filosofskij traktat. Padenie: povest'. SPb.: Azbuka-Klassika, 2001. 256 s.
9. Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: perevody' / sost. i poslesl. P.S. Gurevicha. M.: Progress, 1988. 552 s.
10. Spenser. M.: Izd. dom Shalvy' Amonashvili, 2004. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

I.A. Birich

On the Professionalism of Teacher Education in the Light of Different Pedagogical Strategies. Part 2²

The second part of the article reveals the various educational strategies that emerged in different periods of the history of Europe and Russia — from G. Spencer's positivism to A. Camus' world of absurdity, from K. Wentzel's «free education» to V.I. Vernadsky's «noospheric education». In the context of each strategy, a peculiar understanding of the teacher's mission is formed.

Keywords: positivism; educational services; S.Gessen's «applied philosophy»; noospheric thought; philosophy of education.

² Part 1 is in «MCU Vestnik», Series «Philosophical Sciences». 2017. № 3 (23). P. 52–63.

УДК 378

**А.В. Жукоцкая,
Д.Е. Овчинников**

О некоторых проблемах гуманитаризации образования в современной высшей школе (социально-философский дискурс)

В статье рассматривается роль гуманитарных наук и гуманитарного знания в системе современного российского образования в высшей школе, анализируются некоторые проблемы гуманитарного образования и намечаются пути их решения.

Ключевые слова: гуманитарное образование; компетентностный подход; трансдисциплинарное гуманитарное пространство; кросспредметность; метапредметность.

На протяжении уже двух десятков лет специалисты говорят об усложнившихся функциях образования и актуальных задачах, поставленных перед высшим образованием в России. Будущие молодые специалисты должны обладать высоким уровнем профессиональной и интеллектуальной мобильности; системным и критическим мышлением; способностью к анализу различных информационных потоков и извлечению нужной информации; высоким уровнем креативности — это лишь некоторые важнейшие характеристики профессионала XXI в.

Инновационный путь развития отечественного образования сегодня прочно ассоциируется с компетентностным подходом. Универсальные и профессиональные компетенции — это не догма, они подвижны и могут быть использованы в ряде профессий. Поскольку нынешнее образование тесно связано с рынком труда, то владение компетенциями может обеспечить успех выпускнику во многих сферах деятельности. Если доверять прогнозу аналитиков World Economic Forum, то в ближайшие пять лет (исследование проводилось в 2015 г.) 35 % ключевых востребованных компетенций изменятся. Самым востребованным в 2020 г. будет умение решать сложные задачи (Complex Problem Solving). Потребность в обладателях такой компетенции возрастет на 52 %. Второй по значимости компетенцией будет критическое мышление (в 2015 г. эта компетенция занимала четвертое место). В прогнозах на ближайшие 10–15 лет эта компетенция является ключевой. Очевидно, что обилие информации и легкий к ней доступ требуют развития не только навыков ее отбора, но и правильной интерпретации. К сожалению, в современной школе меньше всего внимания уделяется развитию этого универсального умения и научного метода — метода интерпретации. Более того, общепризнанный

и общепринятый формат тестов формирует противоположный навык — поиск единственного верного ответа, не допуская варибельности.

Третьей по значимости компетенцией в 2020 г. будет креативность. В 2015 г. эта компетенция занимала десятую позицию. Усложнение и ускорение всех, в том числе и социальных, процессов требуют принятия осмысленных, быстрых и нестандартных решений. К сожалению, этому тоже пока не учат ни в российских школах, ни в вузах. Татьяна Черниговская, известный ученый в области нейронауки и психолингвистики, по этому поводу как-то заметила: «Мне важно, чтобы человек понимал, что происходит на этой планете. Все остальное — Google уже знает» [1: URL].

На четвертом месте — компетенция управления людьми. Прогнозируется, что многие компании будут идти по пути сращивания человеческого и искусственного интеллекта, объединения усилий людей и роботов, поэтому коммуникативная среда станет более сложной. Умение работать с людьми, особенно с учетом того, что многие из них будут высокопрофессиональными и высокоинтеллектуальными, станет важнейшей задачей. Аналитики предполагают, что востребованными останутся либо самые неквалифицированные сотрудники (чей труд дешевле роботов), либо высокопрофессиональные.

Пятое и шестое места занимают навыки координации и взаимодействия и развитие эмоционального интеллекта. Заметим, что уже сегодня многие компании инвестируют в развитие эмпатии у своих сотрудников, это направление популярно во многих крупных организациях. Далее предположительно будут востребованы навыки выработки суждений и скорость принятия решений (седьмое место); клиентоориентированность (сервисная ориентация, *Service orientation*) (восьмое место). Развивать эту компетенцию без развития эмоционального интеллекта практически невозможно. Далее — умение вести переговоры (девятое место) и замыкает десятку — когнитивная гибкость [1]. Конечно, шкала приоритетов будущих компетенций выглядит, на наш взгляд, не совсем логично: развитие критического мышления на первом месте, а эмоциональный интеллект и когнитивная гибкость соответственно на шестом и девятом местах, но доверимся в этом вопросе аналитикам *World Economic Forum*. Очевидно, что вышеназванные компетенции не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы. А когнитивная гибкость в условиях открытого и поливариантного мира, по нашему мнению, вообще выступает базовой компетенцией для развития и формирования всех остальных.

Но кто, где и как будет формировать в будущем востребованные компетенции? И можно ли это сделать, пренебрегая гуманитарной составляющей образования в целом? Эти вопросы совсем не риторические.

Еще в 2009 г. бывший тогда министром образования и науки А. Фурсенко на одном из совещаний с ректорами вузов заявил: «Для выпускников гуманитарных специальностей в стране сейчас нет рабочих мест» [2: URL]. Назвал он и цифры — тогда речь шла о 1,8 млн экономистах и почти 900 тыс. студентах гуманитарных профессий, из которых 750 тыс. — юристы. В настоящее

время поток выпускников-гуманитариев не уменьшился, а, судя по последней приемной кампании в МГПУ на программы гуманитарного профиля, имеет тенденцию к увеличению. Признаем тот факт, что у юристов и экономистов больше шансов быть востребованными, чем у «чистых гуманитариев». Может, они действительно не нужны, «лишние люди»?

Американская социологическая ассоциация несколько лет назад обнародовала любопытную информацию. Социологи пытались понять, почему большая часть населения планеты живет в бедности. И пришли к выводу, что бедность и нищета людей во многом связана с уровнем культуры, а не только с экономическими обстоятельствами. Корни низкого культурного уровня лежат не столько в семье, сколько в самой социальной среде. Именно там формируется мировоззрение бедных людей. Причем наследование такого мировоззрения из поколения в поколение прочно закрепляется. Мы скорее согласимся не с тем тезисом, что для гуманитариев в России сегодня нет рабочих мест, а с высказыванием директора Института всеобщей истории РАН А. Чубарьяна, который заметил, что «для гуманитария работодатель — вся страна!» [2: URL].

С нашей точки зрения, общество сегодня, как и всегда, нуждается в гуманитариях. Это не общество, а государство среди приоритетных направлений науки до сих пор не находит места гуманитарному знанию и желает получить единый учебник истории. Результаты социологического исследования, проведенного в 2016 г. в Юридическом институте Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), подтверждают, что интерес к политическим и гуманитарным проблемам у современных студентов весьма высок. Политические проблемы волнуют более 50 % студентов, проблемы человека, личности — 74,5 %; проблемы искусства, культуры — 54,1 %; проблемы истории российского государства — 59,7 % обучающихся [3: URL].

Если это не очевидно государству, то очевидно обществу, что гуманитарное образование формирует научное мировоззрение, ценностные ориентации и жизненные позиции студенческой молодежи. Кроме того, социально-гуманитарное образование выступает своеобразным посредником между прошлым, настоящим и будущим, примиряя их подчас противоположные парадигмы, так как именно гуманитарий обладает высоким уровнем рефлексивного отношения к действительности. Гуманитарию гораздо легче без каких-либо особых психических деформаций адекватно воспринять и интерпретировать меняющиеся формы описания мира, так как его сознание уже подготовлено к различным, подчас альтернативным способам описания реальности.

Мы считаем, что сформировать такое современное, системное, гибкое мировоззрение невозможно без содержательного полилога всех гуманитарных дисциплин в процессе обучения в высшей школе. Кроме того, мы уже отмечали, что конкурентоспособность современного специалиста зависит не только от овладения студентом будущей специальностью, но и от его разносторонней гуманитарной культуры, творческого мышления, навыков коммуникации, воспитанности и образованности, объективированных в универсальных

компетенциях. А если проанализировать специальности, которые получили в вузах отечественные государственные служащие, то получится, что подавляющее большинство из них имеют если не первое, то второе гуманитарное образование: юристы, политологи, экономисты, социологи, управленцы и др. Это к вопросу о «перепроизводстве» юристов и экономистов. Очевидно, что с уровнем гуманитарной подготовки напрямую связаны не только общая образованность и культура человека, но и его профессиональная культура.

Именно при изучении гуманитарных наук: истории, философии, социологии, экономики и других обществоведческих дисциплин — закладываются основы общей методологии профессиональной деятельности и осуществляется формирование гуманитарного сознания гражданина Российского государства. Кстати, это давно поняли в США. Там традицией в преподавании социологии стало восприятие общества как живого процесса видоизменения социальных форм, за которым скрываются судьбы конкретных людей — то, что привыкли называть человеческим измерением. Такой подход к социологии требует от социологов неформального, искреннего внимания к индивидуальным человеческим судьбам, биографиям, жизненным обстоятельствам, проблемам и т. д. Для них (социологов) общее никогда не должно заслонять собой частное и индивидуальное.

Эта традиция обусловила и другую важную черту: будущим социологам в процессе обучения внушается чувство повышенной ответственности, причастности к решению кардинальных экономических, политических и духовных проблем своего общества. В каком-то смысле американские социологи ощущают себя представителями социальной медицины, т. е. предупреждают, диагностируют и лечат общественные недуги, а потому выступают исполнителями особой миссии, связанной с высоким общественным предназначением науки [5].

Более десяти лет назад в докладе «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее», подготовленном Общественной палатой РФ, о состоянии гуманитарного образования говорилось, что «социальный статус специалиста-гуманитария остается достаточно низким», что за «последние тридцать лет структура гуманитарного знания в мире радикальным образом изменилась — на первый план вышли междисциплинарные области», а структура гуманитарного образования в России по-прежнему соответствует той, что сложилась еще в конце XVIII – первой половине XIX в. Также отмечалось, что в российском гуманитарном образовании нет не только ряда дисциплин, но и целых направлений образования, давно ставших неотъемлемой частью социогуманитарного образования большинства университетов Европы и Северной Америки. Это одна из проблем, не позволяющая российскому гуманитарному образованию выйти на мировой уровень и делающая выпускников российских вузов в целом неконкурентоспособными на международном академическом рынке. Кроме того, подчеркивалось, что «у нас гуманитарное образование до сих пор понимается как своего рода “разговорный жанр”... успех которого определяется общей эрудицией и личными способностями

рассуждающего» [2: URL]. Отмечался и тот факт, что наше гуманитарное образование не формирует главного — «представления о методологическом и теоретическом “ядре” дисциплины, владение которым обязательно для специалиста» [Там же]. Видимо, с заключением, которое было сделано более десяти лет назад, стоит согласиться и сегодня.

Современная жизнь постоянно формализуется. Этот процесс коснулся и социальных наук. Поэтому в программе любого современного западного университета имеются многочисленные курсы, посвященные логике, математическим методам формализации, методологии и методам научного исследования и т. д. В российских вузах таких курсов либо совсем нет, либо их мало, и они востребованы лишь как элективные курсы.

Не хочется, но придется признать тот факт, что сегодня в процессе формирования у студентов гуманитарных знаний и компетенций существует больше проблем, чем решенных вопросов. Например, объем учебного времени на гуманитарные и социально-экономические дисциплины постоянно сокращается. За последние 20 лет объем изучения исторических и философских дисциплин уменьшился более чем в 4 раза. Такое положение не отвечает ни требованиям XXI в., ни объективному запросу общества на гуманитаризацию образования. Отсюда и возникает «мировоззренческий голод» выпускников, который в конечном итоге сказывается не только на уровне их общей культуры, нравственном релятивизме, но и на эффективности выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

Сегодня нет четкой структуры и бюджета гуманитарных дисциплин в вузе. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) в блоке общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин регламентирует такие обязательные дисциплины, как иностранный язык, физическая культура, отечественная история, философия. Далее вузу дано право самому определять необходимость преподавания той или иной гуманитарной дисциплины и ее бюджет. Дополнительное изучение политологии, социологии, экономики, правоведения, психологии, педагогики, культурологии, русского языка и культуры речи лишь рекомендуется.

На наш взгляд, такое отсутствие унифицированных требований к организации гуманитарной подготовки и бюджету времени, выделенному на нее, не лучший способ повысить качество гуманитарного образования в стране. Например, в инженерных вузах бюджет учебного времени на подготовку по гуманитарным дисциплинам по различным программам обучения колеблется: по философии в пределах от 60 до 100 ч; по политологии и социологии — от 60 до 120 ч; по культурологии, русскому языку и культуре речи — от 30 до 82 ч; по отечественной истории — от 60 до 88 ч; психологии и педагогике — от 94 до 132 ч, да и в гуманитарных вузах — примерно то же [3: URL].

Введение в образовательную систему установки на замену знаний компетенциями — также одна из проблем современного отечественного гуманитарного образования. Постоянная инкорпорация образования в бизнес-контекст

в конечном итоге привела к утилитарно-прагматическому разделению студентами знания на нужное и ненужное. Не секрет, что таким «ненужным» знанием частенько считают социальные и гуманитарные дисциплины, особенно преподаваемые студентам-негуманитариям. Но даже бакалавры, обучающиеся в Институте иностранных языков МГПУ, отвечая на вопрос: «как можно улучшить качество образования?», написали: «убрать ненужные дисциплины», отнеся к ним не только социологию, но и русский язык. Можно себе представить, как бы они отреагировали на введение, скажем, курса высшей математики? Хотя знание математической логики и математического языка в современном мире формализованных систем, быть может, и пригодилось бы им когда-нибудь. Но «просеив» предлагаемые им учебные дисциплины, и отделив, как им кажется, зерна от плевел, студенты сталкиваются с неожиданной проблемой на высшей ступени образования, в аспирантуре.

Читаемый аспирантам курс по истории и философии науки и следующий за ним обязательный экзамен требуют хотя бы минимальных, но фундаментальных естественно-научных базовых знаний и представлений, усвоенных из школьного, а затем и университетского курсов, но такими знаниями аспиранты, к сожалению, не обладают. Поэтому они не могут понять, что это за кризис в физике, разразившийся в конце XIX – начале XX в., и как он связан со второй волной позитивизма и появлением неопозитивизма. Да что там позитивизм, они не могут понять сути открытий, сделанных в физике, химии, биологии современными учеными. Ведь, чтобы понять, за что присуждена Нобелевская премия по физике в 2017 г., надо хотя бы смутно представлять себе, в чем суть общей теории относительности Эйнштейна. И здесь мы не выходим за пределы социально-гуманитарного знания в образовании, так как именно в рамках этого знания формируются не только ценностные ориентиры, убеждения, личностные качества, но и мировоззренческая, и научная картины мира.

Как же подойти к решению проблемы совершенствования гуманитарного образования? Можно со стороны количественной, т. е. увеличивать число гуманитарных дисциплин и объем часов на их изучение. Но в обстоятельствах перманентной «модернизации» образования, которая происходит уже более десятилетия, надеяться на реальное увеличение часов, мягко говоря, утопично. Можно подумать и о возможных качественных изменениях. Если говорить о качественном подходе, то очевидно, что преподавание гуманитарных дисциплин должно быть основано на развитии самостоятельного, творческого, оригинального, нестандартного мышления и, конечно, отражать реалии повседневной жизни.

Что можно предложить для усиления гуманитарной составляющей в образовании помимо увеличения часов? Способствовать гуманитаризации профессионального образования в вузе, по нашему мнению, может само образовательное пространство, «переконструированное» как трансдисциплинарное гуманитарное пространство, в котором будут пересекаться фундаментальные научные и мировоззренческие идеи, заимствованные из разных сфер гуманитарного знания. Такое пространство создаст образовательную и воспитательную среду, в которой

будут формироваться мировоззренческая и научная картины мира на основе системности.

Эту задачу невозможно решить, не внедряя в социально-гуманитарное образование принципов межпредметности (который, на наш взгляд, корректнее называть кросспредметностью) и метапредметности. По сути, в них интегрируются основные цели и задачи образования. Метапредметность следует понимать как умение глубоко и быстро анализировать, синтезировать, интерпретировать и использовать все знания и предыдущий опыт для решения поставленной задачи и достижения цели. Причем, чем лучше выработаны навыки на метапредметном уровне, тем успешнее будет осваиваться собственно предметная область знания. В этом смысле грамотно выстроенное, интегрированное гуманитарное образовательное пространство, развитые кросспредметные связи действительно способны снять некоторые проблемы гуманитарного образования, сделать его современным и востребованным. Конечно, сформировать такое гуманитарное образовательное пространство невозможно в одиночку. Необходимо в первую очередь создать профессиональную коммуникационную среду, некое конвенциональное соглашение всех лиц, заинтересованных в совершенствовании системы гуманитарного образования в высшей школе.

В модель гуманитарного образования должны быть включены не только принципы прагматизма и эффективности, но и принципы развития личности, свободы, толерантности, культуры несогласия, ценности и значимости мировой, российской, региональной культур. Качественные изменения, связанные с формированием научного мировоззрения, ценностных ориентиров, будут гарантированы при введении в систему университетского образования наряду с общим курсом философии, социологии, экономики, политологии и права обязательных учебных курсов по логике, формированию и развитию критического мышления, принятию решений, истории науки, аксиологии, истории религиозных учений и др.

Продолжая разговор о качественных изменениях, отметим, что обучение в современных условиях не обязательно должно иметь привычный вид взаимодействия преподавателя со студентами в течение семестра. Студентам сегодня нужно получить такие навыки (компетенции), которые они смогут применить на практике завтра. Инновационные стартапы в бизнесе обучают таким навыкам, а университет подчас отстает.

Современные IT-технологии бросили вызов привычным формам гуманитарного образования, статусу лекционной системы. Раньше, при условии дефицита источников информации, ценность лектора измерялась не только его ораторскими возможностями, но и новой информацией, которую он мог обеспечить слушателям. Теперь лекцию легко и дешево можно записать на видео, скачать из Интернета, выбрав интересующую тебя тему и лектора. Например, на платформе EdX выложено множество курсов преподавателей Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, и они доступны всем желающим во всем мире. Личное присутствие на лекции мало чем

отличается от просмотра ее видеoverсии. Многие университеты перешли на иные формы взаимодействия преподавателя и студента. М. Барбер отмечает, что, например, стартап Kerler, открытый в Руанде, построен на сочетании бесплатных онлайн-курсов с личными консультациями педагога-организатора и педагога-наставника [4: с. 196, 197].

Записывая лекции и предоставляя студентам возможность пользоваться ими когда угодно, университет одновременно экспериментирует с организацией работы на очных занятиях, применяя метод зеркальной аудитории (flipped classroom), позволяющий использовать преподавателю ресурсы Интернета так, чтобы в учебной аудитории больше времени уделять общению со студентами, чем лекционной подаче материала. Слово «зеркальный» в названии метода означает, что аудиторные занятия и домашние задания поменялись местами: лекции студенты смотрят дома по видео, а в аудитории делают то, чем раньше занимались дома, т. е. обдумывают проблемы, ставят вопросы. В этой ситуации преподаватели выступают скорее координаторами и катализаторами процесса познания, чем трансляторами и ретрансляторами информации [4: с. 197].

Социологическое исследование «Отношение профессорско-преподавательского состава вузов к современным студентам и технологиям преподавания учебных дисциплин» (Москва, 2015 г.), в котором приняли участие преподаватели различных возрастных категорий Финансового университета и других вузов города Москвы, показало, что 52,2 % преподавателей Финансового университета и 63,2 % преподавателей других вузов полагают, что при интерактивной методике обучения восприятие и запоминание учебного материала студентами значительно лучше, чем при классической методике [6: URL]. Разумеется, мы не ставим в целом под сомнение ценность и уникальность фигуры лектора в гуманитарном образовании, но новое время объективно требует и внедрения новых форм образовательный процесс.

Итак, гуманитарное образование в России никогда не развивалось беспроблемно. В социально-гуманитарных науках был и догматизм, и идеологические aberrации, и порой неоправданный редукционизм, но тем не менее этот вид знания всегда был и остается не только системообразующим звеном отечественного образования, но и в какой-то степени гарантом национальной безопасности России.

Литература

1. Десять компетенций, которые будут востребованы в 2020 году | 2007–2013. [Электронный ресурс] // HR-Клуб «Как делать». URL: <http://www.e-prof.ru/about/life.php> (дата обращения: 04.09.2017).
2. Гуманитарное образование: проблемы и перспективы. [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании: информационно-аналитический журнал. 2010. 29 октября. URL: http://www.akvobr.ru/gumanitarnoe_obrazovanie_problemy_i_perspektivy.html (дата обращения: 11.09.2017).
3. Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ). [Сайт]. URL: <http://uimiit.ru/index.php> (дата обращения: 10.10.2017).

4. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // *Вопр. образования*. 2013. № 3. С. 152–229.

5. Национальные особенности преподавания социологии в вузах Западной Европы и США. [Электронный ресурс] // Файловый архив для студентов. StudFiles. URL: <https://studfiles.net/preview/1713535/page:2/> (дата обращения: 10.11.2017).

6. Полевая М. Современный преподаватель: взгляд на студентов и методики преподавания в вузе. [Электронный ресурс] // *Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки*. 2015. № 3. С. 83–90. URL: <http://http://www.intelros.ru/readroom/guminitarnye-nauki/gum3-2015/28625-sovremennuyu-prepodavatel-vzglyad-na-studentov-i-metodiki-prepodavaniya-v-vuze.html> (дата обращения: 10.11.2017).

Literatura

1. Desyat' kompetencij, kotory'e budut vostrebovany' v 2020 godu | 2007–2013. [E'lektronny'j resurs] // HR-Klub «Kak delat'». URL: <http://www.e-prof.ru/about/life.php> (data obrashheniya: 04.09.2017).

2. Gumanitarnoe obrazovanie: problemy' i perspektivy'. [E'lektronny'j resurs] // *Akkreditaciya v obrazovanii: informacionno-analiticheskij zhurnal*. 2010. 29 oktyabrya.. URL: http://www.akvobr.ru/gumanitarnoe_obrazovanie_problemy_i_perspektivy.html (data obrashheniya: 11.09.2017).

3. Yuridicheskij institut Rossijskogo universiteta transporta (MIIT). [Sajt]. URL: <http://uimiit.ru/index.php> (data obrashheniya: 10.10.2017).

4. Barber M., Donnelli K., Rizvi S. Nakanune sxoda laviny'. Vy'sshee obrazovanie i gryadushhaya revolyuciya // *Vopr. obrazovaniya*. 2013. № 3. S. 152–229.

5. Nacional'ny'e osobennosti prepodavaniya sociologii v vuzax Zapadnoj Evropy' i SShA. [E'lektronny'j resurs]. // Fajlovy'j arxiv dlya studentov. StudFiles. URL: <http://www.e-prof.ru/about/life.php> (data obrashheniya: 04.09.2017).

6. Polevaya M. Sovremenny'j prepodavatel': vzglyad na studentov i metodiki prepodavaniya v vuzе. [E'lektronny'j resurs] // *Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarny'e nauki*. 2015. № 3. S. 83–90. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/guminitarnye-nauki/gum3-2015> (data obrashheniya: 10.11.2017).

A.V. Zhukotskaya,

D.E. Ovchinnikov

On Some Problems of the Humanitarization of Education in the Modern Higher School (Socio-Philosophical Discourse)

The article examines the role of the humanities and humanitarian knowledge in the system of modern Russian education in higher school. The author analyzes some problems of humanitarian education and outlines ways to solve them.

Keywords: humanitarian education; competence approach; transdisciplinary humanitarian space; cross-subject approach; meta-subject approach.

Интерпретация игровых практик в современной культуре

Статья посвящена феномену настольно-печатной игры — особому виду игровой системы, который обладает рядом особенностей. У такой игры всегда есть конкретный автор, оформитель, значительное разнообразие символических объектов игры и особая коммуникативная составляющая. Автор рассматривает настольно-печатные игры как игровую практику современной культуры и называет важные элементы ее интерпретации: рациональность правил, сбалансированность игры, эмерджентность, коллекционирование.

Ключевые слова: настольно-печатные игры; авторские настольные игры; игровая практика; игровая система.

Феномен игры — одна из самых распространенных тем в современной философии. Отправной точкой этого интереса послужила в свое время работа Й. Хейзинги «Homo Ludens» (1938). С тех пор игра была темой многочисленных исследований, среди которых прежде всего отметим фундаментальные работы Л.Т. Ретюнских по философии игры и игровой реальности («Игра как она есть, или Онтология игры», 1997; «Этика игры», 1998; «Философия игры», 2002). Философское осмысление игры в различных работах современных исследователей происходило, как правило, в онтологическом и экзистенциальном контекстах, т. е. рассматривались наиболее общие характеристики игры как явления. В сочетании со значительным количеством работ это привело к определенной потере научной новизны данной проблематики.

Наглядным подтверждением тому может служить перечень названий диссертационных работ по данной теме (за 2000-е гг.): «Социально-философский аспект феномена игры в обществе» (А.С. Баранов, 2005), «Феномен игры в обществе: социально-философский анализ» (В.А. Аликин, 2003), «Роль игры в современном российском обществе» (Л.Р. Прокшина, 2006), «Игра

как феномен бытия» (Л.А. Белоглазова, 2007) и т. д. Поставленные задачи, применяемые методы исследования и используемая литература нередко повторялись в таких работах, делая их своего рода подобными. Отчасти проблема новизны решалась при уточнении аспекта исследования (например, «Социальный феномен игры в контексте деятельностного подхода» (Н.В. Казанова, 2002), «Феномен игры в культуре постмодернизма: проблемы философского анализа» (Т.Н. Голобородова, 2000) и т. д.). Но даже достаточно интересные с точки зрения научной новизны работы повторялись в той или иной степени: «Игра в моделировании социальной реальности: социально-философский аспект» (Э.Р. Михайлова, 2009), «Философский смысл игры в моделировании социальной реальности» (Н.А. Мазрова, 2004), «Роль игры в конструировании социальной реальности» (М.В. Придатченко, 2007).

Исследовательская ценность работ по теме игры значительно увеличится при снижении степени абстракции и актуализации предмета исследования, конкретизации его содержания. При этом, конечно, необходимо помнить, что «выявленное многообразие должно предстать перед нами не как конгломерат эмпирически найденных и рядоположенных игровых структур, а как развивающаяся система социальных форм игровой деятельности человека» [2: с. 127]. Как верно заметил И.А. Ветренко, «в результате возникает потребность в поиске, а может быть и в создании философских эпистем, наилучшим образом подходящих для того, чтобы выражать игрологическое содержание общественно-исторической практики, с одной стороны, и социально-культурную определенность игры — с другой» [2: с. 127].

В данной работе в качестве предмета исследования выступает такое явление, как настольно-печатные игры, которые совершенно не затронул богатейший пласт литературы по феномену игры. Вместе с тем настольно-печатные игры обладают рядом особенностей, характеризующих их как особый вид игровой системы. Анализ рынка настольных игр в России (апрель 2017 г.), проведенный маркетинговым агентством Discovery Research Group, показал необычайный подъем в данной сфере. Рост продаж настольных игр за последние четыре года ежегодно составляет 25–40 %, выходят тысячи новых разработок, а успешные игры продаются миллионными тиражами [6: URL]. Индустрия настольных игр в России привлекает все больше внимания как разработчиков, так и инвесторов.

Проведем экспликацию понятия «настольная игра». Так как в любом предметном воплощении игра сохраняет наиболее существенные черты своей феноменальной природы, вполне допустима ее имплицативная экспликация, позволяющая описательным методом, путем выявления существенных черт и их обобщения сделать некоторые выводы о ее бытийных особенностях [5: с. 4]. В рамках данной работы и тем более в рамках описываемого здесь феномена под понятие «настольная игра» не подпадают шахматы, домино, шашки, классические игральные карты, лото и другие широко известные игры, считающиеся настольными. По этой причине более точным будет понятие

«настольно-печатные игры» или, например, «авторские настольные игры». Наличие конкретного автора является одним из основных критериев отличия настольно-печатной игры (например, «На том стою»: автор — Эд Бич, художник — Марк Симонич) от классической настольной игры (например, шахмат). Словари и энциклопедии не содержат информации, позволяющей разграничить эти два типа настольных игр. В данной работе под настольно-печатной игрой будет пониматься авторская настольная игра, являющаяся частью современной массовой культуры.

Настольно-печатная игра интересна не столько как разновидность игровой структуры, сколько как особая игровая форма социальной деятельности человека, как особая игровая практика. Выделим особенности, характеризующие настольно-печатную игру как особый вид такой практики.

Во-первых, к таким особенностям можно отнести более развитую коммуникативную сторону настольно-печатной игры. Игровая реальность — как нечто общее для всех прочих предметных выражений игры — включает в себя два способа коммуникации участников: 1) взаимодействие непосредственно в рамках подготовки и проведения игрового процесса; 2) взаимодействие по окончании игрового процесса в качестве обмена эмоциями и впечатлениями. Так, например, выглядит коммуникативное поле игры в футбол или в дочери-матери. В случае с настольно-печатными играми можно выделить третий способ коммуникации — обмен мнениями по поводу самой структуры игрового процесса. Футбольные болельщики или девочки, как правило, не коммуницируют по поводу рациональности правил футбола или игры в дочери-матери. В практике настольно-печатных игр — так же как и в любой другой игровой практике — нарушение правил является самым страшным «преступлением», но вместе с тем деятельная рефлексия относительно качества изящности и удобства правил — неизменный спутник всякого знакомства с новой игрой.

Важнейшими признаками рациональности правил выступают сбалансированность игры (предоставление участникам одинаковых возможностей при отсутствии ситуации резкого усиления одного из игроков в процессе игры) и невысокая роль случайности. Если игроки сомневаются в качестве правил, разрабатываются собственные, «домашние», правила, которыми пользуются вместо официальных; причем не только в узком кругу, но и делятся ими в социальных сетях. Практика «домашних» правил, редизайна (самостоятельное изменение оформления настольной игры) и прочих деконструкций является важной составляющей культуры настольно-печатных игр. В этой связи такая особенность настольно-печатных игр, как авторство, приобретает особый смысл.

Позволим себе соотнести ее с таким концептом философии постмодернизма, как «смерть автора». Концепт «смерть автора» подразумевает порождение смысла в процессе освоения определенного текста, или — по выражению Ж. Деррида — активную интерпретацию. Также, по Р. Барту, читатель предстает не потребителем, а производителем текста [4: с. 617]. Равнозначность

отношений читателя и автора представлена в культуре настольно-печатных игр еще и тем, что прототипы игр (самодельные, неизданные игры) широко распространены в среде «настольщиков» наравне с официальными играми.

Второй особенностью рассматриваемой игровой практики является разнообразие и количество символических объектов игры. Качество настольно-печатной игры, ее популярность и реиграбельность определяются прежде всего степенью ее эмерджентности, потому что настольно-печатная игра в большей мере, чем другие игры, представляет из себя разветвленную систему символических объектов. В «Философии игры» Л.Т. Ретюнских пишет, что раскладывание пасьянса также является игрой. Согласимся, но вместе с тем отметим, что раскладывание пасьянса и собирание пазлов обладают крайне низким уровнем эмерджентности (возможно — низшим) и именно поэтому не рассматриваются любителями настольных игр как собственно настольные игры. Также отметим, что присутствие в манипуляциях с пазлами только одного субъекта не является основанием не считать их игрой, так как настольно-печатные игры, рассчитанные только на одного игрока, не редкость. Символическими объектами настольно-печатной игры выступает целый ряд предметов: карты, фишки, тайлы, игровые поля, маркеры, генераторы случайных чисел, миниатюрные фигурки и многое другое. Нередко в одной игре объединены все эти объекты.

Интерпретация данного явления включает в себя вопрос этической направленности игр. При всей бесспорности конструктивного использования игр в педагогике, воспитании, психологии и т. д., можно заметить, что культура настольно-печатных игр есть сопутствующий продукт информационного общества со всеми его особенностями, включая коллекционирование как потребительскую стратегию. Об этом пишет Ж. Бодрийяр в «Системе вещей»: «предметы нашего быта в самом деле суть предметы страсти — страсти частной собственности, по своей аффективной нагрузке ничуть не уступающей другим людским страстям... Это страсть размеренно-диффузная, регулятивная, и нам плохо известно ее фундаментальное значение в жизненном равновесии индивида и социальной группы» [3: с. 96]. Неудивительно, что среди современных авторов можно встретить крайне негативные этические оценки игры. Так, С.С. Аванесов и Е.И. Спешилова отмечают, что «игровая культура — это культура серийности и сериалов. Серия продолжает собой оригинал, имитирует его. Но сегодня зачастую оригинал неизвестен, в общественном сознании он просто отсутствует. Культурное пространство заполняют репродукции и ремейки» [1: с. 212]. Такое положение вещей весьма распространено в мире настольно-печатных игр: большое количество игр является по существу копиями других игр, причем копия всегда имеет собственного автора или даже группу авторов. Несмотря на то что некоторые игры различаются только оформлением, в сообществах «настольщиков» никогда не было конфликтных ситуаций по поводу нарушения авторских прав. Серийность возводится в норму.

При оценке этической окраски современных игровых практик мы стоим на перепутье. С одной стороны, как отмечают С.С. Аванесов и Е.И. Спешилова,

распространение игрового «стандарта» на все сферы человеческого бытия свидетельствует об утрате серьезного и ответственного отношения человека к обоснованности и перспективам своего существования, о значительной «облегченности» восприятия человеком экзистенциальной ситуации [1: с. 212]. Но, с другой стороны, совершенно верно замечает Ж. Бодрийяр, что коллекция находится в сфере культуры, и составляющие ее предметы могут выступать не только объектами хранения и торговли, но и определенных социальных ритуалов. Не переставая отсылать друг к другу, они вовлекают в эту игру внешнюю социальную действительность, человеческие отношения [3: с. 116].

В качестве формы социальной действительности человека настольно-печатные игры практически не изучены, но при этом становятся все более заметным культурным явлением. Настольно-печатные игры — яркий пример игровой практики современной культуры, особый вид игровой системы, исследование которого обладает высокой степенью научной новизны.

Литература

1. *Аванесов С.С., Спешилова Е.И.* Антропология игры // Вестник ТГПУ. 2012. № 4 (119). С. 208–213.
2. *Ветренко И.А.* Игра как метод исследования социальной действительности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С. 127–129.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 218 с.
4. Новейший философский словарь. Постмодернизм / под ред. А.А. Грицанова. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
5. *Ретюнский Л.Т.* Философия игры. М.: Вузовская книга, 2002. 256 с.
6. Рынок настольных игр переживает необычайный подъем. [Электронный ресурс] // Аналитическое агентство РБК: Исследования рынков. URL: http://marketing.rbc.ru/news_research/19/05/2017/562950001158481.shtml (дата обращения: 2.08.2017).

Literatura

1. *Avanesov S.S., Speshilova E.I.* Antropologiya igry' // Vestnik TGPU. 2012. № 4 (119). S. 208–213.
2. *Vetrenko I.A.* Igra kak metod issledovaniya social'noj dejstvitel'nosti // Psixopedagogika v pravoohranitel'ny'x organax. 2006. № 2 (26). S. 127–129.
3. *Bodriyyar Zh.* Sistema veshhej. M.: Rudomino, 2001. 218 s.
4. Novejshij filosofskij slovar'. Postmodernizm / pod red. A.A. Griczanova. Minsk: Sovremenny'j literator, 2007. 816 s.
5. *Retyunskix L.T.* Filosofiya igry'. M.: Vuzovskaya kniga, 2002. 256 s.
6. Ry'nok nastol'ny'x igr perezhivaet neoby'chajny'j pod'em. [E'lektronny'j resurs] // Analiticheskoe agentstvo RBK: Issledovaniya ry'nkov. URL: http://marketing.rbc.ru/news_research/19/05/2017/562950001158481.shtml (data obrashheniya: 2.08.2017).

V.G. Povalyaev

The Interpretation of the Game Practices of the Modern Culture

The article is devoted to the phenomenon of a board printed game — a special kind of game system, which has a number of features. This game always has a specific author, designer, a significant variety of symbolic objects of the game and a special communicative component. The author considers table printed games as the game practice of modern culture and calls important elements of its interpretation: the rationality of rules, the balance of the game, emergence, collecting.

Keywords: board games; author's board games; game practice; game system.

УДК 794.1:304

М.В. Фоминых

Шахматы как социально-культурный феномен

В статье анализируются шахматы как игра, наука, спорт, искусство, выявляется роль шахмат в образовании человека и жизни общества, характеризуется современный шахматный мир, его социальная структура.

Ключевые слова: мир шахмат; социальное; культура; спорт; игра.

Говорят, что шахматам посвящено больше книг, чем всем остальным играм, вместе взятым. Проверить этот факт не так просто, но очевидно, что большая часть литературы посвящена различным компонентам игры — изучению стадий партии, а также тактике и стратегии, некоторая часть трудов раскрывает психологию игры, и меньше всего исследований относится к философскому осмыслению шахмат, а также определению их социальной роли. Одной из важных особенностей шахмат является то, что в них играют люди всех возрастов, национальностей, социальных слоев. При этом сам «шахматный мир» делится на разные социальные группы: спортсмены-профессионалы и любители, тренеры и шахматные педагоги, болельщики, организаторы, более подробно мы осветим данный вопрос ниже.

По данным Международной шахматной федерации (ФИДЕ), в шахматы играет более 600 млн людей на планете. По словам президента ФИДЕ Кирсана Илжумжинова, его задача состоит в том, чтобы к 2020 г. число игроков выросло до миллиарда: «Я поставил задачу довести это число до 1 млрд. Из 7 млрд 1 млрд должен играть в шахматы. Почему 1 млрд, а не 700 или 800 млн? Лет 20 назад была такая теория “золотого миллиарда”. На Земле слишком много людей живет, достаточно 1 млрд и они должны хорошо жить. Вот такая западная экономическая теория. В противовес западным экономистам и философам, я поставил другую цель — 1 млрд умных людей» [7: URL].

Шахматисты традиционно ассоциируются в обществе с умными, мыслящими людьми. Исследования доказывают, что занятия шахматами для пожилых людей — одно из лучших средств профилактики болезни Альцгеймера, еще большее количество исследований подтверждают положительное влияние занятий шахматами для детей, в том числе связанное с общей успеваемостью в школе. В 2017 г. Правительством РФ была принята Концепция развития образования до 2020 года, в которой «в основу развития системы образования должны быть положены такие принципы проектной деятельности, реализованные в приоритетном национальном проекте “Образование”, как открытость

образования к внешним запросам, применение проектных методов, конкурсное выявление и поддержка лидеров, успешно реализующих новые подходы на практике, адресность инструментов ресурсной поддержки и комплексный характер принимаемых решений» [9: URL].

Концептуальный подход к образованию в последнее время претерпевает значительные изменения. На первый план выходят такие навыки, как способность ориентироваться в существующих условиях, самостоятельность при принятии решений, гибкость и способность работать с источниками информации. Системный подход и умение структурировать выходят на первый план, являясь приоритетными навыками для обучающихся. В связи с этим в обязательную школьную программу в ближайшее время должен войти такой предмет, как «шахматы». Ознакомление с принципами древней игры, использование стратегических приемов из шахмат способствуют развитию абстрактного мышления, формируют морально-этический кодекс, учат ответственности и развивают личностные качества. Кроме того, интенсивная мозговая деятельность, являющаяся необходимым условием для изучения шахмат, положительно влияет на психическое здоровье.

В настоящее время имеется достаточно большой опыт включения шахмат в школьную программу в Армении, Испании, Мексике, Польше, Венгрии, Турции и т. д. Полученные результаты свидетельствуют о позитивном влиянии игры на подрастающее поколение. Те, кто занимался шахматами в детстве, демонстрируют более высокую социальную активность, среди них выше процент поступающих в высшие учебные заведения. В последние годы в России наблюдается резкий рост популярности шахмат, активно реализуется проект «Шахматы в школе». Так, в октябре 2016 г. в Москве насчитывалось 100 школ — участниц проекта, в Калужской области — 46. По данным Департамента образования города Москвы, в 2017 г. число школ — участниц программы составляет уже более двухсот [15: URL].

В связи с вышеизложенным нам представляется актуальной идея философского осмысления шахмат как социокультурного феномена. Шахматы — игра, сочетающая в себе спорт, науку и искусство, задача философов, а также педагогов состоит в том, чтобы рассмотреть их как предмет, влияющий на формирование мировоззрения, выявить характерные особенности шахмат как инструмента социальной адаптации, социализации.

Шахматы — интеллектуальная настольная игра, возникшая примерно в I–II в. н. э., если начинать отсчет с праматери — индийской чатуранги, в которой участвовали четыре игрока (т. е. вдвое больше, чем сегодня). В чатуранге у игроков с одной стороны были красные и желтые фигуры, а у противников — черные и зеленые. В древней игре отсутствовал ферзь, были только король, слон, колесница (сейчас это ладья), конь и несколько пешек. Расстановка фигур была совершенно иной, правила тоже сильно отличались. Партия длилась значительно дольше — 100–200 ходов, которые определялись не поочередно и не путем выигрыша, а жеребьевкой. Бросались кости — т. е. изначально шахматы не были игрой чисто логической.

В VII в. игра пришла в Персию и была переименована в шатранж (возможны различные варианты написания). От современных шахмат было значительно меньше отличий, фигуры те же, играли двое, но ферзь, слон и пешка ходили иначе и не было рокировки.

В IX в. игра проникла в страны Западной Европы, Скандинавию и на Русь и получила современное название «шахматы». Оно происходит от слияния двух тюркских слов «шах» и «мат», что означает «правитель повержен».

Знаменитые врачи древности Гиппократ и Гален были убеждены, что шахматы оказывают целебное воздействие на организм. А в Средние века церковь запрещала эту игру, считая ее бесовской. Английский поэт конца XII – начала XIII в. советовал при игре в шахматы воздерживаться от насмешек в адрес слабого партнера (кто знает, может быть, он искусно владеет шпагой), лучше просто поставить противнику мат и уйти своей дорогой [10].

По определению многократного чемпиона мира М.М. Ботвинника, «суть шахмат в том, что они являются типичной неточной задачей. Проще говоря, шахматы ставят настолько сложные проблемы, что они не могут быть решены точно... Кстати, жизнь человека с кибернетической точки зрения и состоит в непрерывном решении неточных задач» [2: с. 225].

Ни у кого не возникает сомнений в том, что шахматы — игра, причем интеллектуальная. Игра — наиболее эффективный способ гармонизации внутреннего мира человека (его способностей или талантов) с внешним ему миром посредством какого-либо вида деятельности. Можно сказать также, что игра гармонизирует естественные и приобретенные (искусственные) качества человека. Спорт — это тоже игра, но в условиях соперничества с другими игроками, называемыми в таком случае спортсменами. Спорт (*англ.* sport, сокращение от первоначального *старофранц.* desport — «игра», «развлечение») — организованная по определенным правилам деятельность людей, состоящая в сопоставлении их физических или интеллектуальных способностей. «Игра, — как отмечает современный американский философ Марта Нуссбаум, — учит людей способности жить с другими людьми самостоятельно, без контроля извне; она соединяет опыт уязвимости и удивления с опытом любознательности и чуда...» [11: с. 163], т. е. соединяет внутренний мир человека с внешним ему миром.

Неопределенность характера игры и ее результата приближает шахматы к творчеству, а эстетическая составляющая позволяет сравнивать шахматы с искусством. Интеллектуальные игры развивают воображение человека, пробуждают стремление к новым целям, новым высотам. Спорт же, кроме всего, воспитывает уважение к сопернику, к другим людям. Эта важная социальная функция спорта. К спорту шахматы были причислены не сразу, лишь в 1999 г. Международный олимпийский комитет признал шахматы официальным видом спорта, при этом они не были включены в программу Олимпийских игр.

Поскольку шахматы — игра сложная, требующая постоянного анализа, глубокой концентрации и изучения огромного количества информации, можно утверждать, что шахматист приобретает исследовательские навыки, а исследование

не существует без критики, без развития критического мышления, без стремления к истине познания, к истине борьбы, борьбы честной и справедливой.

Почему шахматы можно причислить к культуре, к сфере искусств? Одно из многочисленных определений культуры — это нравственные, моральные и материальные ценности, умения, знания, обычаи, традиции. Игра — это творческий процесс, каждая партия — творчество. Правда, шахматисты уже много лет пытаются защитить шахматную партию как объект авторского права — и терпят поражения в суде.

В защиту шахмат как сферы искусства можно прибегнуть к аналогии М.М. Ботвинника [1]: 1) звук (явление) — акустика (наука) — музыка (искусство) и 2) мысль (явление) — логика (наука) — шахматы (искусство). Известные гроссмейстеры и теоретики шахмат: Эм. Ласкер, И.Е. Болеславский, М.И. Чигорин, А.А. Алехин, А.К. Рубинштейн, Р. Рети, Ю.Л. Авербах, Д.И. Бронштейн, А. О'Келли, Н.В. Крогиус и многие другие причисляли шахматы к искусству. Ряд специальных работ, особенно посвященных шахматной композиции, носят искусствоведческий характер.

И. Бродский говорил в своей нобелевской лекции: «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека его реальность этическую. Ибо эстетика — мать этики; понятия “хорошо” и “плохо” — понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории “добро” и “зло”... Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободней — хотя, возможно, и не счастливей... В антропологическом смысле... человек является существом эстетическим прежде, чем этическим» [3: URL]. Развивая мысль поэта, можно сказать, что шахматы, посредством эстетического воспитания (шахматист решает этюды, смотрит красивые партии) — делают человека более нравственным.

Культурная глубина шахмат состоит не только в их глубокой стратегической наполненности, она содержится также в истории, этнографии, диалектике развития самой игры и методах ее познания. Можно стать гроссмейстером, но не охватить всей шахматной культуры, как можно играть на скрипке, не будучи знакомым с творчеством Паганини. Сама история шахмат — уже часть культуры человечества.

Какую роль в процессе становления индивида играют шахматы? Какова их социальная роль?

Согласно латинско-русскому словарю слово *sociālis*, [*socius*] имеет несколько значений: 1) товарищеский, приятельский, дружеский; общительный, общественный; 2) брачный, супружеский; свадебный; 3) союзный, союзнический; а слово *sociālitās* [*socialis*] означает общество, ближайшее окружение [13: с. 713–714]. Каждое из указанных значений выражает позитивную основу единения людей. Единства людей, различающиеся по этническим, половым, возрастным, профессиональным, религиозным, идеологическим, финансовым и другим признакам как основаниям их единства являются социальными единствами. Социальное, следовательно, есть общественно различное,

проявляющееся в отношении человека как к своему внутреннему миру (к своим качествам), так и к внешнему миру (политическому, экономическому, религиозному и др.). Отношение к внешнему миру выражается в языке такими словосочетаниями, как социально-экономические, социально-политические, социально-нравственные и тому подобные отношения. Социальная идентификация человека есть результат согласия (компромисса) внутреннего мира человека с внешним ему миром той или иной общности людей.

Словари иностранных слов придерживаются этого же значения, когда выражают значение слова «социальное» словосочетаниями «социальная структура», «социальная группа» или просто отмечают генетическую связь социального «с жизнью и отношениями людей в обществе» [12: с. 468]. Понятие «социальная политика», в частности, характеризуется как «политика в отношении различных групп общества» [13: с. 585]. Примером социального единства людей является соборное единство, соборность, понимаемая как свободное единение людей, основанное на любви и Божьей благодати (А.С. Хомяков). Понятие «социальное государство» есть пример *contradiction in adjectotio*, так как государство всегда состоит из объединений людей, различающихся по своим интересам, общественному положению, источникам дохода и другим признакам.

Э. Дюркгейм в качестве основы социального рассматривает феномен неравенства сил между индивидами или группами. Благодаря неравенству сил одни из индивидов могут навязать другим определенные взгляды, чувства, поступки. Так, в «Методологии социологии» говорится о том, что название социальных должно быть присвоено таким способам мышления, деятельности и чувствования, которые навязаны принудительной силой [6: с. 31]. Субстратом социального является общество, его отдельные группы. Согласно М. Веберу, основой социального единства людей выступает взаимопонимание их действий или ответных реакций на действия друг друга [4].

Саму по себе игру в шахматы, невозможную без ориентации на действия соперника, нельзя назвать социальной. Но при этом шахматы как вид деятельности, как предмет однозначно являются общественным (социальным) делом. Очевидно, что роль шахмат как социального феномена меняется в зависимости от времени, страны, от отношения общества и власти к этой игре. Можно предположить, что решение Министерства образования внедрить шахматы в систему школьного образования говорит о том, что в настоящий момент шахматы в России являются одним из социальных институтов. Можно говорить о выделении шахматистов в отдельную социальную группу с наступлением XX в., когда стали регулярно проводиться чемпионаты, появилась возможность выполнять разряды и звания. Критерием данного выделения может быть в первую очередь знакомство с правилами игры, рассмотрение шахмат как способа времяпрепровождения, интерес к событиям из шахматной жизни. При этом возрастные и профессиональные критерии в данном случае не являются значимыми.

В то же время шахматы настолько многогранны, что их роль в жизни общества не может ограничиться какой-либо одной составляющей. В настоящее время можно говорить о шахматах, как способе проведения досуга, виде спорта, сфере интеллектуальной деятельности.

В целом можно говорить о шахматах как ярком социокультурном феномене, включающем в себя различные составляющие. В них есть элементы науки, спорта, искусства, они несут социальную и адаптивную функции. В зависимости от того, какой из присущих шахматам элементов выходит на передний план, можно говорить о спортивной, образовательной или эстетической роли шахмат. Посредством древней игры можно формировать морально-этический кодекс современного человека, у играющих в шахматы людей развиваются когнитивные навыки.

В рамках социальных групп, объединенных любовью к шахматам, существуют различные субкультуры. Можно выделить субкультуру профессиональных спортсменов, судей, учащихся спортивных школ, «вымирающая» группа играющих по переписке. Профессиональное сообщество делится на две группы: элиту (традиционный критерий — отметка рейтинга шахматистов — ЭЛО 2700 и выше) и всех остальных, имеющих звания и регулярно играющих в турнирах, зарабатывающих деньги игрой в шахматы (но чаще всего чем-то еще, например работой тренером). Под словом *любители* мы подразумеваем основную массу игроков и поклонников шахмат, для которых участие в соревнованиях не является основным средством существования. В отдельную группу следует выделить тренеров (хотя многие профессионалы совмещают игру и используют тренерство как дополнительную работу), шахматных организаторов, шахматных литераторов (чаще всего это бывшие профессиональные игроки), журналистов, а также композиторов (составителей и решателей шахматных задач и этюдов, по композиции проводятся даже чемпионаты мира).

Совокупность вышеназванных групп формирует понятие «мир шахмат», многообразие которого поражает. При этом внутри социальной группы шахматистов имеется значительная дифференциация. Как и во многих других областях и видах спорта, профессиональная спортивная деятельность шахматистов очень далека от шахматного образования. В мире спорта важны результаты (очки, голы, секунды), профессионалы в режиме онлайн следят за турнирами по Интернету, пользуются последними разработками в области технологий. В мире шахматного образования в лучшем случае знакомы с именем последнего чемпиона мира. Любители шахмат часто лучше знают чемпионов прошлого столетия, нежели игроков сегодняшней элиты. Шахматные композиторы обособлены от других шахматных субкультур. С развитием Интернета огромное количество любителей шахмат живут в исключительно виртуальном шахматном пространстве: играют в Интернете, следят за новостями, общаются на специализированных форумах. В то время как в зале чемпионата мира собирается несколько сотен болельщиков, на просторах Сети живую трансляцию смотрят десятки тысяч человек со всех концов света.

Резюмируя вышесказанное, сделаем несколько выводов:

1. Роль шахмат как социального феномена меняется в зависимости от времени, страны, от отношения общества и власти к этой игре. Декларация о введении во всех школах предмета «шахматы» в 2017 г. является признанием Министерством образования и обществом новой социальной роли шахмат как учебной дисциплины, способной развивать когнитивные навыки и формировать морально-этический кодекс современного человека.

2. Шахматы являются объектом культуры в двух ипостасях: во-первых, партию или ее фрагмент (шахматную задачу, этюд) можно рассматривать как произведение искусства, созданного с помощью мысли, имеющей материальное воплощение в виде позиции и варианта, записанного с помощью нотации; во-вторых, культурное наследие шахмат содержится в истории, этнографии, диалектике развития самой игры и методах ее познания.

3. Мир шахмат — огромная социальная группа, которая делится на множество субкультур, которые имеют точки пересечения (карьера шахматиста часто переход из одной субкультуры в другую: учащийся спортшколы — профессионал — тренер — автор книг, теоретик), но при этом внутри группы имеется значительная дифференциация.

Литература

1. *Ботвинник М.М.* Искусство ли шахматы? // Ботвинник М.М. Аналитические и критические работы 1928–1986: статьи, воспоминания. М.: Физкультура и спорт, 1987. С. 77–84.

2. *Ботвинник М.М.* Люди и машины за шахматной доской // Ботвинник М.М. Аналитические и критические работы 1926–1986: статьи, воспоминания. М.: Физкультура и спорт, 1987. С. 224–229.

3. *Бродский Иосиф.* Нобелевская лекция. [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова | Иосиф Бродский. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 29.11.2017).

4. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произв.: пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. (Социологическая мысль Запада).

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2002. 672 с.

6. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл., примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2006. 352 с. (История социологии в памятниках).

7. Илюмжинов: до 2020 года один млрд людей должен играть в шахматы. [Электронный ресурс] // Интервью изданию «Спорт FM». URL: <https://sportfm.ru/news/ilyumzhinov-do-2020-goda-odin-mlrd-lyudey-dolzhen-igrat-v-shakhmaty.html?region=msk> (дата обращения: 10.12.2017).

8. Интересно о шахматах. [Электронный ресурс] // Развлекательно-познавательный сайт «Делу — время, потехе — час». URL: <http://delovremja.ru/publ/24-1-0-92> (дата обращения: 08.12.2017).

9. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).

10. *Лучицкая С.И.* Шахматы как метафора средневекового общества // Одиссей: Человек в истории. Альманах. Т. 19. М.: Наука, 2007. С. 67–84.
11. *Нуссбаум М.* Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 192 с. (Теория и практика образования).
12. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
13. Словарь иностранных слов / сост.: М.Ю. Женило, Е.С. Юрченко. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 800 с.
14. *Сухин И.Г.* Дидактическое обеспечение развития способности действовать в «уме» у дошкольников в контексте обучения игре в шахматы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 23 с.
15. Шахматы в школе. [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%85%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5 (дата обращения: 13.12.2017).

Literatura

1. *Botvinnik M.M.* *Iskusstvo li shaxmaty'?* // Botvinnik M.M. *Analiticheskie i kriticheskie raboty' 1928–1986: stat'i, vospominaniya.* М.: Fizkul'tura i sport, 1987. S. 77–84.
2. *Botvinnik M.M.* *Lyudi i mashiny' za shaxmatnoj doskoj* // Botvinnik M.M. *Analiticheskie i kriticheskie raboty' 1926–1986: stat'i, vospominaniya.* М.: Fizkul'tura i sport. 1987. S. 224–229
3. *Brodskij Iosif.* Nobelevskaya lekcija. [E'lektronny'j resurs] // Biblioteka Maksima Moshkova | Iosif Brodskij. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (data obrashheniya: 29.11.2017).
4. *Veber M.* *Osnovny'e sociologicheskie ponyatiya* // Veber M. *Izbr. proizv.: per. s nem., sost., obshh. red. i poslesl. Yu.N. Davy'dova; predisl. P.P. Gajdenko.* М.: Progress, 1990. 808 s. (Sociologicheskaya my'sl' Zapada).
5. *Dal' V.I.* *Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t. T. 2.* М.: Olma-Press, 2002. 672 s.
6. *Dyurkgejm E'.* *Metod sociologii* // Dyurkgejm E'. *Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie / per. s fr., sost., poslesl., primech. A.B. Gofmana.* М.: Kanon + ROOI «Reabilitaciya», 2006. 352 s. (Istoriya sociologii v pamyatnikax).
7. *Ilyumzhinov: do 2020 goda odin mlrd lyudej dolzhen igrat' v shaxmaty'* [E'lektronny'j resurs] // Interv'yu izdaniyu «Sport FM». URL: <https://sportfm.ru/news/ilyumzhinov-do-2020-goda-odin-mlrd-lyudej-dolzhen-igrat-v-shahmaty.html?region=msk> (data obrashheniya: 10.12.2017).
8. *Interesno o shaxmatax.* [E'lektronny'j resurs] // *Razvlekatel'no-poznavatel'ny'j sajt «Delu — vremya, potexe — chas».* URL: <http://delovremja.ru/publ/24-1-0-92> (data obrashheniya: 08.12.2017).
9. *Koncepciya Federal'noj celevoj programmy' razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody'.* [E'lektronny'j resurs] // *Oficialny'j sajt Pravitel'stva Rossii.* URL: <http://static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf> (data obrashheniya: 11.12.2017).
10. *Luchiczskaya S.I.* *Shaxmaty' kak metafora srednevekovogo obshhestva* // Одиссей: Chelovek v istorii. Al'manax. М.: Nauka, 2007. Т. 19. S. 67–84.
11. *Nussbaum M.* *Ne radi priby'li: zachem demokratii nuzhny' gumanitarny'e nauki / per. s angl. M. Bendet; pod nach. red. A. Sмирнова: Nac. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki».* М.: Изд. дом VSHE', 2014. 192 s. (Teoriya i praktika obrazovaniya).

12. Slovar' inostranny'x slov. 15-e izd., ispr. M.: Rus. yaz., 1988. 608 s.
13. Slovar' inostranny'x slov / sost.: M.Yu. Zhenilo, E.S. Yurchenko. Rostov n/D.: Feniks, 2001. 800 s.
14. *Suxin I.G.* Didakticheskoe obespechenie razvitiya sposobnosti dejstvovat' v «ume» u doskol'nikov v kontekste obucheniya igre v shaxmaty': avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2008. 23 s.
15. Shaxmaty' v shkole. [E'lektronny'j resurs] // Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%85%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5 (data obrashheniya: 13.12.2017).

M.V. Fominy'kh

Chess as a Socio-Cultural Phenomenon

The article analyzes chess as a game, science, sports, art. The role of chess in human education and social life is revealed. The modern chess world and its social structure is characterized.

Keywords: world of chess; social sphere; culture; sports; game.

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЯЗЫКА

УДК 811.161.1'27

В.В. Ксенофонов

Русский язык и его коммуникативная роль в современном мире

В статье раскрывается характер и специфика проявления русского языка в системе коммуникативных связей как внутри российского общества, так и на международной арене, исследуется его роль в социокультурных отношениях и ценностных ориентациях личности.

Ключевые слова: русский язык; культура; межкультурные связи; ценностные ориентации; личность.

Развитие человечества в XXI в. свидетельствует о том, что проблемы ценностных ориентаций личности в современном мире, духовная жизнь общества, взаимосвязь культур различных стран приобретают ныне особую актуальность и значимость. В условиях динамизма социально-политических процессов со всей остротой встают вопросы о перспективных путях духовного взаимодействия народов, развития мер доверия между странами.

Россия как сложное социокультурное образование во взаимоотношениях между народами и странами играет значительную коммуникативную роль. И ее активным проводником выступает русский язык, имеющий международный статус. Дело в том, что в ООН и других международных организациях, куда входит Российская Федерация, он является одним из официальных языков и служит не только средством развития культуры России, но и прочным звеном духовного общения народов, целостности русского мира.

Исторический опыт развития России убедительно свидетельствует, что в процессе овладения языком люди познают глубже прошлое и настоящее, видят перспективы грядущего, осваивают сложные и противоречивые явления общественного развития, осознают нравственные (добро и зло, справедливость, честь и достоинство, благо и др.) и эстетические (прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, эстетический идеал и др.) ценности. В русском языке, как писал К.Д. Ушинский, «слагаются результаты жизни, чувства, мысли бесчисленного числа индивидов» [1: с. 43].

Русский язык — это не только сфера коммуникативных отношений, передачи соответствующих знаний, но и среда обитания, и средство существования, самосохранения и поступательного развития народа.

Характерно, что статус государственного русскому языку придан только в Беларуси, из числа всех стран СНГ. Такое положение обеспечивает русским (примерно 1,5 млн человек) равный доступ к образованию и деятельности во всех государственных органах этой страны. В Беларуси свободно тиражируются российские издания научного и художественного характера, растет количество русских школ, имеется несколько телевизионных каналов, вещающих на русском языке. В Киргизии русский язык имеет статус официального, в Казахстане, согласно Конституции государства (ст. 7), в организациях государственных и местного самоуправления наравне с государственным казахским также официально употребляется и русский язык. В других бывших советских республиках русский язык практически сведен до языка национального меньшинства, в лучшем случае он признается в качестве языка межнационального общения.

Так, в Азербайджане русский язык не имеет официального статуса, но он неофициально выполняет функцию межнационального общения для более половины всего населения страны.

Важно иметь в виду, что в прибалтийских странах, в первую очередь таких как Латвия и Эстония, где русскоязычное население проживает достаточно компактно и составляет значительную часть, до сих пор не реализовано его право официально пользоваться родным языком. Нелишне заметить, что именно эти государства как члены Европейского союза утверждают уважение к правам человека, а в действительности игнорируют их по отношению к русскоязычному населению.

Достаточно тревожная ситуация с состоянием и перспективами функционирования русского языка в наше время сложилась на Украине. В этой стране русские составляют около 12 млн человек, а большинство граждан в быту использует русский язык, однако у русского языка отсутствует государственный статус. На Украине при непосредственной политике государственной власти методически проводится линия на сужение сферы его применения и ликвидацию системы образования на русском языке. Идет процесс резкого сокращения количества образовательных учреждений, в которых обучение ведется на русском языке, а русскоязычное население не имеет возможности смотреть телевидение на родном языке.

Следует заметить, что ущемление и игнорирование системы образования на русском языке в постсоветских странах вступает в очевидное противоречие с международно-правовыми актами в области языковой политики. Проблема с русским языком и его функционированием, наряду с получением гражданства, — одна из важных, по мнению наших соотечественников за рубежом, из тех, которые необходимо решать для улучшения их социального и культурного положения [2: с. 335–336].

Русский язык сегодня — один из важных и распространенных языков в мире. Он является родным для 170 млн человек на земле. Десятки миллионов говорящих на русском языке живут сейчас за рубежом, около 278 млн — изучают его. Русский язык служит важным связующим звеном между Россией и соотечественниками за границей, для 30 млн которых он является родным. Это надежная гарантия успешного развития гуманитарных и экономических отношений с другими странами и в первую очередь с государствами СНГ.

«Язык, — утверждал А. Куприн, — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью» [1: с. 47].

Можно выделить функционирование двух видов связей современной устной и письменной речи. Первый вид бережно преемствует и опирается на традиции отечественной культуры и культуры речи. Второй — пренебрежительно отвергает позитивные традиции, провозглашая их отжившими и устаревшими и засоряя родной язык жаргонами, вульгаризмами, сленгом, грубым сочетанием русских слов и англицизмов.

Следует отметить, что в современной ситуации в сфере функционирования русского языка в мире нельзя не замечать негативной тенденции. Так, если в конце 60-х гг. XX в. публиковалось на русском языке более 20 % мировой научной литературы, то теперь около 3 %.

Даже с учетом такой деформации в наше время, русский язык по степени распространенности на планете занимает ведущее место в мире после английского, китайского и испанского. Между тем при сохраняющейся пока тенденции негативного характера уже через десятилетия и эта позиция может быть утрачена. И русский язык способны опередить такие языки, как французский, хинди/урду и арабский [2: с. 333–334].

Весьма важную роль в сохранении и развитии русского языка, прежде всего в странах СНГ (в русскоязычных диаспорах), сыграла в свое время федеральная целевая программа «Русский язык» (2006–2010). Заметим, что в соответствии с ней более трети средств федерального бюджета, которые направлялись на поддержку соотечественников за рубежом, выделялось на развитие образования, культурных и научных связей [2: с. 335–336].

В условиях современности практическим продвижением русского языка за рубежом активно занимаются функционирующие в составе дипломатических представительств Российской Федерации 50 российских центров науки и культуры, а также 26 представительств Федерального агентства по делам СНГ. Приоритетными направлениями их деятельности выступают: развитие системы обучения русскому языку; проведение культурных и научных мероприятий по его популяризации и поддержке, мониторинговые изучения и специфика преподавания русского языка, взаимодействие с ведущими вузами — центрами русистики, школами и соответствующими курсами; самостоятельно открытыми организациями наших соотечественников в таких, например, странах, как Швейцария, Франция, Испания, Германия.

Важно подчеркнуть также разнообразную творческую работу созданных в рамках проекта «Русский мир» ряда организаций, открытых в культурных и образовательных центрах разных государств мира. В их работе значительное внимание уделяется расширению дистанционного обучения, в том числе зарубежных соотечественников. С этой целью активно распространяются учебники и различные учебно-методические пособия по русскому языку, организуются теле- и радиопередачи. Именно такие центры становятся примером и перспективной базой для всех людей, кто изучает русский язык за рубежом и активно пропагандирует эстетические и нравственные ценности русской литературы [2: с. 335–345].

Однако такой процесс протекает весьма непросто и далеко не бесппроблемно. Но, несмотря на сложности и препоны различного характера, в США, в известном мегаполисе — Нью-Йорке, русский язык признан одним из официальных языков, на который переводится документация городских властей. Это обусловлено тем, что значительная часть населения является русскоязычной. В такой стране, как Швеция, русские, проживающие в ней, получили право компенсации затрат на обучение родному языку, хотя только на один час в неделю [5: с. 150–151].

Во Франции в области развития русского языка среди наших соотечественников и местного населения разнообразную деятельность ведет «Русский дом» в Ницце. Особенно активно развиваются курсы русского языка для взрослых. На них дается базовый уровень русского языка за два года (по полтора часа в неделю), а по окончании курсов для тех, кто стремится изучить русский язык с азов, создается новый курс.

Примечательно, что при ассоциации «Перспектив Интернациональ» в Ницце создан полный курс обучения русскому языку: с нуля до весьма глубокого уровня, включая литературный перевод с французского на русский и с русского на французский. Студенты от 17 лет и старше занимаются раз в неделю по полтора часа, всем предлагается посещать также и занятия по развитию устной речи [3: с. 98–99].

В нашей стране сложившаяся ситуация в области изучения и функционирования русского языка свидетельствует о двух негативных обстоятельствах. Одно из них проявляется в том, что в духовной жизни российского общества реализуется, по существу, языковая иностранная экспансия, нацеленная на сужение первооснов русской духовной культуры. Стремительными темпами, в том числе и за счет СМИ, русский язык засоряется вследствие тиражирования иностранной терминологии.

Русский язык теряет свою характерную специфику и роль главного средства межнационального общения россиян, а также тех слоев населения, которые знают его, но живут в странах СНГ и дальнего зарубежья. В духовной жизни наметился процесс разрушения не только его языковой ткани, но и содержательного смысла. В СМИ нередко используются выражения типа: «освежающая легкость бытия», «нам важно, что вам важно», «квадрат качества», «душевное пиво» и иные бессмыслицы, уродующие русский язык.

Одна из проблем современного периода состоит в том, что СМИ в погоне за избытком информации не сохраняют самобытность русского языка, его красоту и ясность. Очень часто заимствуют слова и выражения из лексикона американского рынка, нередко сочетают их с русскими словами. Так, стали общеупотребительными термины: *плей-лист*, *сортинг*, *бренд-менеджер*, *краш-тест*, *паркинг*, чуждые по своей природе русскому языку.

Частое употребление в российском обществе иностранных слов и терминов ведет к неверному умозаключению: русский язык — архаичный феномен якобы несовременных СМИ.

В средствах массовой информации в наше время нередко проявляется стремление к инновации в области русского языка, демонстрации его модернизма через различные словесные сочетания. В действительности же такая модернизация по своей сущности ложна и ведет к ущербности смыслового содержания русского языка. Особенно активно тиражируются СМИ и рекламой такие сочетания: «дети Мангала», «экстремальный рацион», «дубовые вещи — для умных людей», «каюк-компания», «мир бильярда», «кролики-великаны», «мир сварки». Наряду с такими несурзацами искажается правописание различных слов, которые следует писать раздельно. Видимо, ради оригинальности представители СМИ нарушают правило русского языка и пишут слитно следующие словосочетания: «ярядом», «всенаматч», «танционер», «тысоздаешьюгру», «героисрединас», «этомощно», «мывместе».

Некоторые предприниматели и их фирмы стремятся использовать русский язык в корпоративных целях. При этом активно опираются в рекламах на популярный смысл словосочетаний. Например: «У кого-то сдают нервы. Мы сдаем дома», «Кто-то строит прожекты. Мы строим дачи», «Кто-то ведет дискуссии. А мы строительство», «У нас есть даже то, чего еще нет» и т. п. Подобного рода прагматическое использование русского языка принижает его функциональную значимость и глубину смысла.

Между тем именно благодаря русскому языку человечество по достоинству оценило высокий художественно-эстетический смысл произведений отечественных писателей, среди них: А.С. Пушкин «Руслан и Людмила», М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», И.С. Тургенев «Дворянское гнездо», Ф.М. Достоевский «Идиот», Л.Н. Толстой «Война и мир», Н.С. Лесков «Левша», А.И. Куприн «Юнкера», И.А. Бунин «Окаянные дни», Л.М. Леонов «Русский лес», М.А. Шолохов «Тихий Дон», К.М. Симонов «Живые и мертвые» и др. Другое негативное обстоятельство проявляется в феномене возникновения чувства ущербности, односторонности у определенной части граждан России как носителей отечественной культурной традиции русского языка. Такое чувство нередко обосновывается потребностью вхождения России в систему современных международных отношений, прежде всего экономических, в связи с формированием в ней демократического рынка.

Между тем необходимо отметить следующее. Опасность интенсивного внедрения иноязычных понятий и терминов весьма смутно осознается

не только простыми гражданами России, но даже интеллигенцией. При этом ее определенная часть склонна рассматривать происходящее с русским языком как показатель активного вхождения российского общества в мировую цивилизацию, выпавшего из нее за период советской власти.

Необходимо заметить, что в российском обществе ныне активно насаждаются экономические термины и понятия, которые не только не раскрывают смысла ситуации в рыночных отношениях, но и не находят адекватного аналога в русском языке, понятного для граждан. По существу, такие слова, как «ресепшен», «лизинг», «месседж», «шоу», «дайджест», «кастинг», активно внедряются в сознание россиян как необходимый атрибут приобщения к экономической культуре Западной Европы и США.

Такое положение объективно требует активной перестройки деятельности отечественного телевидения, радио, печати, введения ограничений и запретов на продукцию низкого качества в сфере культуры.

В этой связи заметим, что русский язык был и остается важным социокультурным феноменом для населения России, а также граждан, живущих за пределами Отечества, но знающих и любящих родной язык. О значимости русского языка в духовной жизни человека, его культурном и интеграционном назначении метко и ярко сказал писатель И.С. Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?» [7: т. 8, с. 502].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в современных условиях развития международных связей некоторые европейские государства, обеспокоенные сохранением своей культуры, ментальности, узаконили ограничения в использовании иноязычных терминов в деловой переписке, официальных документах, литературной периодике и рекламе. Так, исходя из законодательных актов, принятых в Англии и Франции, а также других странах Европы, подлежат различным мерам административного и уголовного наказания лица, использующие иностранный язык на вывесках и в рекламе.

В России тоже издан подобный законодательный акт. Это Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Однако его реализация протекает довольно медленно. Русский язык — важное средство национальной культуры в России. А его продвижение — принципиальный аспект развития культурной жизни страны. О значимости русского языка, реализуемого в слове, академик Н.Н. Моисеев писал: «Для нас русских очень важно слово. Но для того, чтобы его произнести, особенно важно понять, что же действительно нужно людям. Ибо слово — это экстракт потребностей, и не только материальных. Только тогда слово отзовется общенародным делом! Нам нужно нечто, вызывающее порыв» [4: с. 15]. К сожалению, в современных спектаклях, поставленных в некоторых театрах России, включая и московские, нередко не только коверкают русские слова, но и с легкостью произносят со сцены ненормативную лексику. Все это ведет не только к искажению смысла русского языка, но и к привнесению безнравственного в эстетику театрального искусства.

«Новаторство» подобного рода в области русского языка принижает его глубокий смысл и аморально по своей коммуникативной направленности. А стремление ряда театральных деятелей объявить себя борцами против академизма в сфере искусства и старомодности языка является несостоятельным и деструктивным.

Необходимость бережного отношения к русскому языку, важность осознания его исторической и консолидирующей функции в жизни народов России отмечал президент РФ В.В. Путин: «Россия веками развивалась как многонациональное государство — изначально так было, — государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире» [6: с. 41].

Таким образом, современная духовная жизнь российского общества характеризуется сложными и противоречивыми процессами, что определяется содержанием переживаемого страной периода, внутренними и внешними факторами, детерминирующими ее специфику. При этом важную социокультурную и коммуникативную роль в ней играет русский язык, оказывающий специфическое влияние на взаимоотношения между людьми и их ценностные ориентации в стране и за рубежом.

Литература

1. Иванов В.Н., Левашов В.К., Сергеев В.К. Москва. Россия. Русский мир: социологический очерк. М.: Академика, 2012. 448 с.
2. Капто А.С. Художественная культура: понятие, сущность, основные функции. М.: Академкнига, 2011. 607 с.
3. Метлов Э., Метлова Н. Деятельность «Русского дома» в Ницце (история и современность) // Наука. Культура. Общество. 2016. № 4. С. 98–99.
4. Моисеев Н.Н. Время определить национальные цели. М., 1997. 256 с.
5. Омарова З.М. Россия и «Русский мир» ближнего зарубежья: учеб. пособие. М.: Восток-Запад, 2011. 168 с.
6. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Патриотизм — национальная идея России. М.: Книжный мир, 2017. 512 с. (Служить России).
7. Тургенев И.С. Русский язык // Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. М.: Наука, 1956. 502 с.

Literatura

1. Ivanov V.N., Levashov V.K., Sergeev V.K. Moskva. Rossiya. Russkij mir: sociologicheskij ocherk. M.: Akademika, 2012. 448 s.
2. Kapto A.S. Xudozhestvennaya kul'tura: ponyatie, sushhnost', osnovny'e funkicii. M.: Akademkniga, 2011. 607 s.
3. Metlov E., Metlova N. Deyatel'nost' «Russkogo doma» v Niczce (istoria i sovremenost') // Nauka. Kul'tura. Obshhestvo. 2016. № 4. S. 98–99.
4. Moiseev N.N. Vremya opredelit' nacionalny'e celi. M., 1997. 256 s.
5. Omarova Z.M. Rossiya i «Russkij mir» blizhnego zarubezh'ya: ucheb. posobie. M.: Vostok-Zapad, 2011. 168 s.

6. *Putin V.V.* Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2012 goda // Patriotizm — nacional'naya idea Rossii. M.: Knizhny'j mir, 2017. 512 s. (Sluzhit' Rossii).
7. *Turgenev I.S.* Russkij yazyk // Sobr. soch.: v 12 t. T. 8. M.: Nayka, 1956. 502 s.

V.V. Ksenophontov

Russian Language and Its Communicative Role in the Modern World

The article reveals the nature and specificity of the manifestation of the Russian language in the system of communicative connections both within Russian society and in the international arena. Its role in sociocultural relations and value orientations of the personality is explored.

Keywords: Russian language; culture; intercommunication relations; value orientations; personality.

УДК 81'243

М.Р. Кармова

Коммуникативная компетенция как основа социокультурной адаптации мигрантов

Статья посвящена проблеме социокультурной адаптации мигрантов в иноязычной среде. Рассмотрена коммуникативная компетенция как основной элемент ее решения.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; мигранты; адаптация; социокультурная адаптация.

Современные глобализационные процессы, вошедшие в особо активную стадию в ряде регионов мира, способствуют расширению взаимосвязей и взаимодействию стран, народов, этносов, а также проникновению национальных традиций и обычаев на инокультурную почву. Возрастание миграционных потоков — один из основных факторов глобализации. Вот почему проблема продуктивного взаимодействия представителей разных культур оказалась в фокусе внимания ученых разных научных отраслей: философов, социологов, экономистов, педагогов, психологов. «Уникальность многонациональных сообществ в настоящее время проявляется прежде всего в специфике взаимодействия культур, языков и национальных традиций» [3: с. 25].

Безусловно, язык и культура тесно связаны между собой, поскольку язык является хранителем национальных культурных ценностей. Способность к взаимопониманию участников коммуникации, принадлежащих к разным лингвокультурам, определяется многими факторами. Общеизвестно, что на протяжении всей истории цивилизации в активной либо пассивной фазе происходили миграционные процессы, в результате которых люди попадали в инокультурную среду. В современном мире процессы переселения и перемещения индивидов значительно активизировались, вместе с тем следует заметить, что развитие механизмов межкультурного взаимодействия пока не соответствует масштабам миграционных потоков.

В условиях глобализации к инациональной лингвокультуре вынуждены приспособляться не только гастарбайтеры и вынужденные переселенцы, но и дипломаты, бизнесмены, студенты, туристы и многие другие активные слои населения. В этой связи возникает потребность в поиске эффективных способов организации общения с представителями инациональных культур. Поэтому вопрос адаптации человека к новой лингвокультурной среде весьма актуален в любом современном обществе.

Точкой отсчета в изучении поставленной проблемы, на наш взгляд, служит уточнение определений, касающихся ключевых терминов. Так, мы рассматриваем миграцию как перемещение части населения в пределах одной страны (внутренняя миграция) или из одной страны в другую (внешняя миграция: эмиграция и иммиграция). Миграция — один из наиболее распространенных современных способов перемещения потоков населения. С миграционными процессами возрастает роль коммуникативной компетенции как основы социокультурной адаптации мигрантов.

Не менее важным для нашего исследования является понимание термина «коммуникация». Известный культуролог Умберто Эко считает, что культура есть по преимуществу коммуникация, т. е. все, что окружает человека, и есть коммуникативная среда. Обращаясь к термину «коммуникативная компетенция», необходимо иметь в виду научные работы отечественных философов и педагогов, таких как С.Ю. Курганов, В.С. Библер, В.В. Сафонова, и других, внесших значительный вклад в развитие концепции диалога культур в процессе обучения иностранным языкам. Переходя к проблеме социокультурной компетенции, стоит отметить труды И.А. Зимней, Т.В. Парфеновой, С.В. Муреевой, Т.М. Пермяковой. Опираясь на указанные источники, будем рассматривать коммуникативную компетентность как владение сложными коммуникативными навыками, умениями и знаниями инокультурных норм и правил, традиций и обычаев, присущих национальному менталитету [4: с. 26]. При этом важно учесть, что в энциклопедическом словаре трактуется понятие «коммуникация» как «сообщение, словесная передача мысли», слово «компетенция» — «круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями и опытом» [2: с. 29].

Межкультурная адаптация индивида к иной культурной среде является приспособлением человека не только к языку, но и к жизненному укладу, традиционным культурным и социальным ценностям того общества, в которое он мигрировал. Коммуникативное поведение мигранта в иноязычной среде зависит от эффективных методов формирования модели обучения межкультурному общению.

Опираясь на информацию международной ассоциации «Всемирная миграционная политика», размещенную на ее сайте www.migrationpolicy.org, можно констатировать, что российское общество находится на третьем месте в мире по масштабу миграционных потоков. Опережают Россию в этом отношении лишь США и Германия. В большей степени в России представлена трудовая миграция, т. е. большинство мигрантов — это взрослое население. Но не стоит забывать о том, что нередки случаи семейной миграции, вот почему проблема адаптации детей дошкольного и младшего школьного возраста, а также подростков стоит в нашей стране довольно остро.

Интеграция мигрантов в новую социокультурную среду вызвала необходимость разработки новых программ обучения их языковым, культурным, социальным особенностям страны пребывания. Однако часто возникают проблемы, связанные с мигрантофобией, ксенофобией, а также другими фобиями, выплескивающимися в межнациональные и межконфессиональные конфликты.

Несомненен тот факт, что начало формирования навыков общения связано с семейным воспитанием. Это первичный и наиболее значимый опыт коммуникации, который определяет дальнейший вектор развития личности. На родителях лежит большая ответственность, поскольку каждодневное и непрерывное общение с ребенком выступает определяющим фактором. И насколько эффективно родители сумеют сформировать кругозор ребенка, его первичные умения общаться, настолько легко или сложно впоследствии он сможет интегрироваться в любое сообщество. При этом следует учитывать, что ответственность родителей-мигрантов намного выше, поскольку их дети говорят и воспитываются в рамках своей культуры, в то время как находятся в той стране, чей язык, культура, традиции могут существенно отличаться. Родителям-мигрантам намного сложнее решить проблему интеграции детей в иноязычное социокультурное пространство самостоятельно, если их дети до шести лет не посещают дошкольное образовательное учреждение в стране пребывания. В этом случае их ответственность многократно возрастает, ибо они добровольно возлагают на себя обязанность самостоятельно знакомить ребенка с языком, культурой, жизненным укладом, обычаями и традициями неродной культуры. Однако, как показывает опыт, здесь нередко возникает проблема неосведомленности самих родителей. Соответственно, уровень интеграции их детей будет нулевым, в отличие от детей тех родителей-мигрантов, которые не только владеют государственным языком страны пребывания, но и стремятся приобщить ребенка к инокультурным ценностям с раннего детства.

Доктор философских наук Л.Д. Гудков считает, что изменение этнического состава и невысокий образовательный уровень мигрантов являются факторами, способными вызывать напряженность и конфликты. Причины интолерантности по отношению к мигрантам во многом обусловлены отсутствием у них языковых навыков и элементарных представлений о правилах поведения и общения в культурной среде страны пребывания. А проблемы социокультурной и коммуникативной адаптации детей мигрантов транслируются той социальной средой, в которой они живут [1: с. 65].

Подростки — это возрастная категория, требующая особого внимания со стороны общества и государства. Вот почему так важно учитывать возрастные особенности мигрантов-подростков, ведь нередко в подростковом возрасте, например, реакции на одни и те же явления могут значительно отличаться от реакции взрослого человека. Стоит подчеркнуть, что миграция оказывает особое влияние на индивидуальные психологические переживания подростков.

С одной стороны, уже усвоенные особенности и ценности родной культуры для подростков могут стать определенными барьерами на пути к восприятию инокультурной специфики. Но, с другой стороны, ранний подростковый период является наиболее благоприятным возрастом для знакомства с другой культурой, когда легко усваиваются разные социальные роли. Кроме того, именно в этом возрасте происходит формирование модели поведения.

Подростки из семей мигрантов часто испытывают трудности в общении с одноклассниками. Прежде всего мешает недостаточная развитость навыков общения. Многие школьники к моменту поступления в общеобразовательное учреждение не владеют никакими умениями знакомства и общения со сверстниками.

Все это является причиной возникновения непреодолимых барьеров при установлении контакта. Барьеры в общении нередко приводят к увеличению психологической дистанции между коммуникантами, снижению степени взаимного доверия, деформированию характера взаимодействия и взаимоотношений.

Основные сложности в социокультурной адаптации мигрантов

Дошкольники	Подростки	Мигранты трудоспособного возраста
1. Ограничение общения со сверстниками либо полное отсутствие контактов	1. Межличностные конфликты, вызванные незнанием традиционных ценностей	1. Неспособность трудоустроиться ввиду плохого знания государственного языка
2. Неумение родителей адаптироваться в социокультурном пространстве страны пребывания	2. Неумение овладеть учебным материалом ввиду слабого знания языка страны пребывания	2. Незнание или недостаточное знание языка страны пребывания для трудоустройства

Пути решения основных проблем в социокультурной адаптации мигрантов:

1. Дошкольники.

Наиболее эффективным вариантом решения указанной проблемы является мотивировка детей к общению со сверстниками, посещению дошкольных образовательных учреждений. Желание адаптироваться в инонациональной среде напрямую зависит от познания данной среды путем ежедневной коммуникации. Родителям необходимо позволять ребенку как можно больше общаться со сверстниками. Неоценимую роль играет настрой и желание родителей ввести ребенка в общество, так как это и есть основа адаптации. Дети дошкольного возраста воспринимают информацию намного быстрее взрослых, для них ежедневная языковая картина отпечатывается в памяти таким образом, что они начинают имитировать слова, словосочетания, простые предложения и, наконец, развивают способность мыслить на государственном языке страны пребывания.

2. Подростки.

Подростковый период педагогами и психологами признан самым сложным с точки зрения адаптации в инокультурной среде. Именно в этом возрасте пробуждаются такие чувства и понятия, как индивидуальность (я — личность), лидерство (я — лидер), превосходство (я — лучше остальных), вот почему так сложно обучить подростков гибкости в условиях межкультурной коммуникации. Однако стоит отметить наиболее важный момент, заключающийся в том, что познание инокультурных ценностей, традиций и особенностей возможно на основе взаимного интереса. Педагог (родитель, учитель, воспитатель,

взрослый друг) играет в данном случае ключевую роль. От его профессионализма зависит уровень и качество интегрирования в инокультурное пространство, а также мотивировка. Особенно эффективными для данной возрастной категории представляются такие мероприятия, как дни национальной культуры, дни национальной кухни, танца, фольклора. Подобные мероприятия крайне важны в школьной жизни для формирования конструктивных взаимоотношений между местными школьниками и подростками-мигрантами.

3. Мигранты трудоспособного возраста.

Трудоустройство является наиболее важной задачей мигранта и одновременно основной целью пребывания в инокультурной среде. И, как уже отмечалось, недостаточное владение государственным языком страны пребывания может стать непреодолимым барьером на пути к трудоустройству. Однако широко известен тот факт, что на территории современной России образовалось большое количество центров по изучению русского языка как иностранного, которые наделены полномочиями по результатам обучения и тестирования предоставлять мигрантам сертификаты о прохождении курсов, что в дальнейшем облегчает им процесс трудоустройства.

Литература

1. Борисова И.Н., Неклюдова Н.П. Тренинг коррекции коммуникативной компетенции мигрантов в полиэтнической группе // Мир русского слова. СПб.: Общество преподавателей рус. яз. и лит., 2014. С. 63–69.
2. Гогиберидзе Г.М., Кармова М.Р. Роль и значение иноязычной коммуникативной компетенции в современной российской социокультурной реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Философские науки». 2016. № 4. С. 15–21.
3. Ильина А.С. Межкультурная коммуникативная компетенция как фактор адаптации студентов-мигрантов в социокультурном пространстве вуза // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по материалам VII Междунар. конф. Ч. III. Новосибирск: СибАК, 2011. С. 29–38.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с. (Учебник нового века).

Literatura

1. Borisova I.N., Neklyudova N.P. Trening korrekciij komunikativnoj kompetencii migrantov v polie'tnicheskoj gruppe // Mir russkogo slova. SPb.: Obshhestvo prepodavatelej rus. yaz. i lit., 2014. S. 63–69.
2. Gogiberidze G.M., Karmova M.R. Rol' i znachenie inoyazy'chnoj kommunikativnoj kompetencii v sovremennoj rossijskoj sociokul'turnoj real'nosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Filosofskie nauki». 2016. № 4. S. 15–21.
3. Il'ina A.S. Mezhkul'turnaya kommunikativnaya kompetenciya kak faktor adaptacii studentov-migrantov v sociokul'turnom prostranstve vuza // Lichnost', sem'ya i obshhestvo: voprosy' pedagogiki i psixologii: sb. st. po materialam VII Mezhdunar. konf. Ch. III. Novosibirsk: SibAK, 2011. S. 29–38.
4. Kuniczy'na V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. Mezhlichnostnoe obshhenie: uchebnik dlya vuzov. SPb.: Piter, 2001. 544 s. (Uchebnik novogo veka).

M.R. Karmova

**Communicative Competence
as the Basis of Social and Cultural Adaptation of Migrants**

The article is devoted to problems of sociocultural adaptation of migrants in a foreign language environment. Communicative competence as the main element of its solution is considered.

Keywords: communicative competence; migrants; adaptation; sociocultural adaptation.

УДК 1(091)

В.В. Фурсов

Порфирий о Пифагоре. Цепь неожиданных аналогий

О Пифагоре мы знаем очень немного. Он уникальная фигура в античной философии. Нам мало что известно о содержании его доктрины, но жизнеописания, которые дошли до нас, содержат массу интереснейших и уникальных фактов, которые заставили по-новому взглянуть на эту историческую личность и на учение, которое он попытался принести.

Ключевые слова: аскетика; античные практики; социальные технологии; пифагорейская школа; дохристианские учения.

Когда мы говорим о древних, о великих, бывает трудно отличить, где вымысел, где правда. Но таковы уж есть античные источники, где люди часто так похожи на богов, что и воспринимаются как боги. Ну а бывает так, что и не только воспринимаются, но и считаются богами, своими современниками по крайней мере. И как бы к этому сегодня мы ни относились, Олимп был близок для людей когда-то. Сейчас нам трудно постигнуть образ мыслей древних, но зададим один вопрос: как велики должны быть достижения такого человека, как впечатляющи и вместе с тем неправдоподобны, чтобы вполне нормальным, психически здоровым людям другой эпохи захотелось бы причислить одного к богам?

Такое можно понять и объяснить, когда заходит речь об императорах, тиранах и владыках, силой власти и жестокости добившихся от подданных такого «почитания». История содержит множество примеров «божеств», забытых всеми, за исключением историков, но есть и те, кого подняли на божественный Олимп благодаря уважению людей, граничащему с религиозным поклонением непостижимой мощи. И это сделало их вечными, живущими доньше и снискавшими такие атрибуты божества, как настоящее бессмертие в сердцах и памяти людей.

Мы будем говорить о Пифагоре — философе, чья жизнь полна мистики и тайн настолько, что обросла легендами. И главное, мы точно знаем, что это

был обычный «необычный» человек — не сын богов, хотя ему приписывали рождение от Аполлона и Пифаиды [1: с. 307]. Мы знаем о Пифагоре, что с детских лет он «оказался способен ко всем наукам», как написал о том Порфирий, но нам неизвестно, кто были его отец и мать.

Не очень много сохранилось о нем источников, сам он не писал трудов, ведь «боги» письменных трудов не оставляют, предпочитая оставлять следы немного на других носителях, которые не очень просто уничтожить, фальсифицировать, переписать, — в сердцах их современников. Повествование о Пифагоре выводит на высокий стиль, хотя статья имеет и практический характер. Основной вопрос, который нами ставится о Пифагоре, — не кто он, а как он мыслит. Не кто такой он был, а как он стал таким. Все знают Пифагора и одновременно о нем почти не знают ничего. По маленьким обрывкам описаний мы все же попытаемся понять его систему самосовершенствования и путь от человека к божеству.

Порфирий пишет в начале своего повествования, что Пифагор учился у многих учителей. Основа известности Пифагора — знания, а не божественное происхождение. Врожденными способностями к наукам он не был одделен, как уже упоминалось. Порфирий пишет, что он учился у халдеев в Тире, где овладел их знаниями, и добавляет слово *всеми* (их знаниями). Халдеи (Chaldaei, Χαλδαῖη) — жители Вавилонии, известные познаниями в астрономии. (Впоследствии в Риме халдеями стали называть гадателей по звездам). Халдеи, кстати, говорили на арамейском языке (невольно приходят аналогии...) и представляли жреческую касту. Халдейская культура восходит к Вавилону, однако не вполне понятно, что от нее осталось в то время, когда туда пришел учиться Пифагор. По-видимому, та наука была не очень-то трудна для молодого Пифагора.

Далее у Порфирия написано, что он учился у Ферекида (Сиросского), Гермодаманта и Анаксимандра. Первый известен как носитель знаний о космогонии, которые он получил из тайных финикийских книг (Климент Александрийский), второй — знаток гармонии и муз, а третий известен как астроном и математик, создавший геоцентрическую модель Вселенной.

Итак, Порфирий пишет: «Что касается его учения, то большинство писавших утверждают, что так называемые математические науки он усвоил от египтян, халдеев и финикийян (ибо геометрией издревле занимались египтяне, числами и подсчетами финикийяне, а наблюдением небес — халдеи), а от магов услышал о почитании богов и о прочих жизненных правилах» [1: с. 417]. Отсюда можно сделать вывод о том, что Пифагор в себе соединил как точные науки той эпохи, уходящие корнями в египетскую и финикийскую культуры, науки о космосе халдеев, так и блок теологического знания от магов и жрецов различных религий и культур. Сейчас мы разделяем эти блоки, причисляя одни — к науке, другие — к сомнительной науке, третьи — к искусству, четвертые — к религии, но главное нужно понимать, что этих разделений в то время *не существовало*. Все это было частями (а может быть, остатками) какого-то

единого и целостного знания о мире, природе и человеке, которое в самом себе Пифагор смог снова объединить. И сделав это, он начинает путь к вершине педагогического мастерства — передаче этих знаний другим.

По сути, это стандартный путь любого мудреца-ученого из тех времен. Чем обладает человек, отдавший долгие годы постижению наук? Одним лишь знанием, которое он может передать. И мало ли было таких учителей? Но учеников в условиях свободной конкуренции необходимо было привлечь и заинтересовать. Следуя, возможно, не очень здесь уместной аналогии, давайте вспомним, как набирал учеников другой Учитель, говоривший на арамейском языке, показывая то, что не могли другие, и этим способом привлекал и мотивировал людей учиться у Него и следовать за Ним.

Имеет смысл сказать немного о том, какой Пифагор имел образ жизни, понимая, что образ жизни — часть его учения, и если хотите — метод. Продолжим цитату из Порфирия: «Первое (науки. — *Примеч. авт.*) знакомо многим, потому что записано в книгах; зато прочие жизненные правила известны менее» [1: с. 417]. И далее: «О чистоте своей он так заботился, что избегал и убийств и убийц; не только воздерживался от животной пищи, но даже сторонился поваров и охотников» [Там же]. Сейчас любой, знакомый с богословскими науками, назвал бы данный образ жизни аскетическим.

И действительно, **аскетика, аскетическое богословие** есть богословская дисциплина, изучающая и разрабатывающая принципы и методы тренировки человеческого тела и воли в целях очищения души от страстей и греховных помыслов и подчинения тела человека его воле, его духу, формирования целомудренной личности. Задача аскетической жизни — очищение сердца и ума для принятия Бога всем человеческим существом, богообщения и в конечном счете обожения [2]. Аскетика как путь к богоподобию ведет свои истоки от евангельских повествований о Предтече, о пребывании Христа в пустыне, к Лестнице Иоанна Лествичника и к практике монашеского жития. Вот только здесь другое время, другой исторический период. Почти что пять столетий до Христа, а законы *обожения* те же! Такой же узнаваемый и очень похожий путь аскетики и очищения, включая практику *затворничества*, когда Пифагор в полном одиночестве пробыл в пещере на протяжении 27 дней.

Далее мы читаем у Порфирия о результатах этого труда Пифагора, совмещающего аскетику, искусство и науки. Во-первых, он упоминает знания о человеке: «Пифагор первый достиг такого знания человека и умения распознавать природу каждого, что ни с кем не дружил и не знакомился, не определив по лицу, каков этот человек» [1: с. 418]. Знания его дают результаты. Они практичны: «...он и помог самосскому атлету Евриму, который благодаря Пифагоровой мудрости, несмотря на свой малый рост, сумел осилить и победить на Олимпийских играх многих рослых противников» [Там же]. Начиная с практических советов по достижению желаемого через аккумуляцию телесной силы для победы в играх, Пифагор продвигает далее своего ученика по духовному пути наставлением *бороться, не имея целью победить*.

Так Пифагор ведет ученика вверх по ступеням духовных смыслов: от цели осязаемой, практической, рациональной и понятной каждому, к вопросам сложным, более глубоким — к духовному развитию, системе высших ценностей.

Со временем, следуя таким путем, Пифагор приобретает те качества, которые закономерно привлекают к нему народ и множество учеников. «Он так привлекал к себе всех, что одна только речь, произнесенная при въезде в Италию, пленила своими рассуждениями более двух тысяч человек; ни один из них не вернулся домой, а все они вместе с детьми и женами устроили огромное училище в той части Италии, которая называется Великой Грецией, поселились при нем, а указанные Пифагором законы и предписания соблюдали ненарушимо как божественные заповеди. Имущество они считали общим; а Пифагора причисляли к богам» [1: с. 419]. Что-то подобное мы где-то уже читали, а именно в «Деяниях Апостолов» из Нового Завета.

Все это до странности похоже на жизнь и служение Иисуса Христа, с одной лишь разницей, что об этом нам известно от евангелистов, а о содержании того, что делал и говорил Пифагор собравшимся, упоминаний нет, кроме того, что некая существенная часть учения именовалась «Тетрактидой». Однако результат настолько узнаваем, что и здесь нам трудно удержаться от все тех же аналогий и констатировать, что Пифагор проявил такие способы воздействия на образ мыслей и сознание людей, нашел такие аргументы и демонстрации, что, не обладая реальной властью, сплотил огромное количество людей вокруг идеи, которую он нес, и был примером действия последней. Фактически он создает *общину* своих последователей.

И далее, другой закономерный шаг из этой серии аналогий — преобразование мира, окружающего общества. Порфирий пишет о том, что Пифагор становится способен воздействовать не только на *массовое сознание*, но и на *социально-политические* процессы, взаимоотношения между городами-государствами: «он увидел, что города Италии и Сицилии находятся в рабстве друг у друга, одни давно, другие недавно, и вернул им вольность, поселив в них помышления о свободе через своих учеников, которые были в каждом городе» [Там же].

«Так он освободил Кротон, Сибарис, Катанию, Регий, Гимеру, Акрагант, Тавромений и другие города, а некоторым, издавна терзаемым распрями с соседями, даже дал законы через Харонда Катанского и Залевка Локрийского. А Симих, тиран Кентурии, после его уроков *сложил свою власть* и *роздал свое богатство*, частью — сестре, частью согражданам» [Там же]. Даже луканы, мессапы, певкетии, римляне, по словам Аристоксена, приходили к нему. «И не только через своих друзей умирал он раздоры внутренние и междуособные, но и через их потомков во многих поколениях и по всем городам Италии и Сицилии» [1: с. 419], как далее пишет Порфирий.

Следуя снова той же «неожиданной» аналогии, можно было бы сказать, что так реализуется «проповедь Пифагора», передача миру его учения: «Ибо для всех, и для многих и для немногих, было у него на устах правило: *беги от всякой хитрости, отсекай огнем, железом и любым орудием от тела*

болезнь, от души — невежество, от утробы — роскошество, от города — смуту, от семьи — ссору, от всего, что есть, — неумеренность» [1: с. 419]. И это учение у Пифагора подкреплялось самым настоящим «чудотворением», которое есть высший способ убедительности (хотя и не наивысший).

Об этом мы у Порфирия читаем следующее: «Если верить рассказам о нем старинных и надежных писателей, то наставления его обращались даже к бессловесным животным. В давнийской земле, где жителей разоряла одна медведица, он, говорят, взял ее к себе, долго гладил, кормил хлебом и плодами и, взявши клятву не трогать более никого живого, отпустил; она тотчас убежала в горы и леса, но с тех пор не видано было, чтобы она напала даже на скотину» [Там же]. Таковы рассказы про быка, послушавшегося Пифагора, про орла, слетевшего к нему во время Олимпийских игр, про рыбаков и их улов, про реку Кавкас, которая поприветствовала его при всех внятными и громким голосом. В один и тот же день он был и в италийском Метапонте, и в сицилийском Тавромении, и тут и там разговаривая с учениками, хотя от одного города до другого был большой путь по суше и по морю. «Рассказывают также и о том, как он безошибочно предсказывал землетрясения, быстро останавливал повальные болезни, отвращал ураганы и градобития, укрощал реки и морские волны, чтобы они открыли легкий переход ему и спутникам; а у него это переняли Эмпедокл, Эпименид и Абарид (ученики. — *Примеч. авт.*), которые тоже все делали подобное не раз, как это явствует из их стихов...» [1: с. 420–421]. Ну чем не божество?

Что наступает после славы? Мы знаем, что было после славы у Христа. Предательство, распятие, смерть, воскресение и Церковь, носящая учение, преобразившее весь мир.

У Пифагора тоже была слава. Порфирий пишет: «Пифагор со всеми друзьями немалое время жил в Италии, пользуясь таким почтением, что целые государства вверяли себя его ученикам» [1: с. 425]. Чем это не влияние, не слава? И также мир преобразуется, воспринимая идеи Пифагора, его учение, но о котором, по сути, мы не знаем ничего. В житейской нашей памяти осталось только то, что был он математик и все сводил к числу. Но тогда откуда все те чудеса, которые он демонстрировал и, как писалось выше, передавал своим ученикам, а те успешно повторяли? Это означает лишь одно: учение, которое он проповедовал и нес, *являлось действенным, реальным, объективным* и достоверно описывающим мир. Иначе бы не дало оно таких плодов. Иначе к Пифагору никто бы не пошел.

Сравнение с великими мыслителями той эпохи, увы, не в пользу последних. Была ли у Платона и Аристотеля такая слава, такое множество учеников, такой успех? А о других и более того никто не знает, за исключением историков от философии. Мало того, мы у Порфирия находим упоминания о том, что большинство открытий Пифагора были развиты Платоном, Аристотелем и др. (они и называли себя пифагорийцами) и таким образом стали классикой античной философии. Порфирий упоминает об этом весьма дипломатично,

ссылаясь на слова пифагорийцев, но в жизнеописаниях Платона и Аристотеля мы видим отдельные не очень успешные попытки применить на практике некоторые из «социальных технологий» Пифагора. Теперь едва ли возможно восстановить что-либо целостное из социальной доктрины Пифагора. Такая грустная, досадная закономерность.

Читая у Порфирия о том, как истребляли школу Пифагора, невольно на ум приходит мысль, какие обширные ресурсы были задействованы на эту «операцию по ликвидации» пифагоризма. Гонения на Пифагора и его учеников были открыты повсеместно. Имя стоявшего за этим человека Порфирий называет, но мы его упоминать не будем по двум причинам: во-первых, он недостоин жизни в нашей памяти, а во-вторых, характер, масштаб и география событий говорят о том, что Пифагор затронул интересы очень мощной и влиятельной системы, не сводимой к одному лишь человеку. Настоящая война на истребление была открыта против всех пифагорийцев, численность которых, надо полагать, была немалой и авторитет был весьма высок. Сообщение Порфирия о повсеместных *мятежах*, организованных во многих городах против пифагорийской школы, подтверждает ранее им сказанное о том, что под управлением учеников философа были и города, и государства.

Возвращаясь к аналогиям, отметим, что Иисус действовал почти на пять столетий позже и «успешней» Пифагора: с христианством справиться не получилось несравненно более могучим силам. Здесь мы не ставим целью сравнивать эти две системы взглядов. Но тем не менее при разнице в деталях параллели очевидны. И так же очевидна схожесть многих целей, методов и средств, касающихся обожения человека. Пифагор не старался стать богом. Впрочем, вряд ли ставил он такую цель. Зато обожение человека является одной из главных задач христианства.

Пифагор прошел свою дорогу в вечность. И все-таки оставил людям более чем просто память о себе. Когда-нибудь откроется разгадка пифагорова «пути на небо» и вернется человечеству его учение об «эвритмии» для желающих постигнуть ритмы бытия. Возможно, мы когда-нибудь доподлинно поймем то, как число является основой мира, в котором мы живем. Мы видим, с каким трудом прорывалось когда-то учение Пифагора. И как оно, возможно, в конце концов вошло в наш мир другим путем и действует...

Литература

1. *Порфирий*. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 400–432. (Философское наследие).
2. Православие: словарь-справочник. М.: Феникс, 2011. 224 с.

Literatura

1. *Porfirij*. Zhizn' Pifagora // Diogen Lae'rtskij. O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity'x filozofov / per. M.L. Gasparova; red. toma i avt. vstup. st. A.F. Losev. 2-e izd. M.: My'sl', 1986. S. 400–432. (Filosofskoe nasledie).
2. Pravoslavie: slovar'-spravochnik. M.: Feniks, 2011. 224 s.

V.V. Fursov

Porphyry on Pythagoras. The Chain of Unexpected Analogies

We know very little about Pythagoras. He is a unique figure in ancient philosophy. We do not know much about the content of his doctrine, but the biographies that have come down to us contain a lot of interesting and unique facts that led to a new look at this historical figure and the doctrine that he tried to establish.

Keywords: asceticism; ancient practices; social technologies; the Pythagorean school; pre-Christian doctrines.

УДК 1(470+571)

Д.А. Кораблин

Интерпретация буддийской концепции анатмана в «неантропоцентристской философии» А.М. Пятигорского

В статье проводится анализ основных постулатов «неантропоцентристской философии», которые были сформулированы А.М. Пятигорским в ранее не опубликованных рукописях. Антропный принцип, сформулированный в постнеклассической философии, он рассматривает с позиции, предложенной в буддийской религиозно-философской концепции анатмана и содержащей новые методологические потенциалы в рамках синтеза философской, научной и религиозной картин мира.

Ключевые слова: буддийская философия; антропный принцип; концепция анатмана; психика; «неантропоцентристская философия».

В истории индийской философии ведийская и буддийская традиции изначально исходили из постулата о том, что реально существующим можно было обозначить лишь то, что является неизменным, непреходящим и вечным, апеллирующим к онтологическим категориям. В тексте «Бхагавадгиты», которая, по мнению ряда востоковедов, претерпела влияние буддийской философии, это отобразилось строками:

То, что есть, никогда не исчезнет,
Что не есть, никогда не возникнет,
Этих двух состояний основу
Ясно видят зрящие сущность [1: URL].

Однако те различные подходы, которые сложились в индийской философии, касаются в первую очередь понятия атмана, обозначающего в брахманизме фундаментальную философскую категорию, которая представляет собой проекцию мировой души и души индивида, воплощая в себе представление об истинной природе, истинном «Я» человека. В «Бхагавадгите» указывается, что: «брахман — высшее, то, что нетленно; естество свое — это Адхьятман» [Там же]. В философских школах ведийской традиции (*санскр.* «даршана») атман описан в качестве постоянного и подлинного «Я», сущностные характеристики которого являются неизменными. Исходя из этого понимания, атман представлен в качестве философского базиса, на котором в индийской философии сложились представления о человеке в диаде «Брахман – Атман».

Индийский культуролог, философ С.К. Чаттерджи, сравнивая буддийскую и ведийскую философские традиции, указывал, что «...если объективность

дхарм (в буддийской философии одной из интерпретаций понятия «дхарма» является элементарное психическое состояние, которое, подобно калейдоскопу, образует эмпирическое «Я», «пудгала» (*санскр.* — личность. — *Примеч. авт.*) есть иллюзия, тогда неколебимая непрерывность неизменного атмана является не меньшей иллюзией. И то и другое есть проекции, сформированные целенаправленным сознанием, и кроме них нет ничего реального. Поэтому атман не является реальностью. Он отвергался многими системами буддизма» [2: с. 296].

В основах буддийской философии можно проследить тот вектор мышления, при котором смена рефлексии над понятием атмана находит свое новое выражение в описании сущности человека, определяемой как то, чему невозможно приписать ни существования, ни несуществования, ни сплетения дхарм. В буддизме дхармы выступают в особых коннотациях, представляющих собой модель, которая описывает совокупность психических и физических характеристик при рассмотрении личности человека в качестве феномена, состоящего из пяти скандх (*санскр.*), как то: физическое тело, чувства, восприятие, бессознательные впечатления и сознание.

Наряду с «четырьмя благородными истинами» в ранней буддийской философии был сформирован ряд самостоятельных концепций, которые взаимосвязано согласуются с постулатами первых — это *дукха* (страдание), *анитья* (изменчивость объектов феноменального мира) и *анатман* (отсутствие Я). Эти три концепции представлены в качестве признаков бытия и составляют онтологический каркас буддийской философии.

Итак, концепция анатмана изложена в «Анатталакхана-сутре», третьем корпусе буддийских текстов «Самьютта-никая» Палийского канона, которые представляют из себя наиболее ранний источник изучения буддизма. Исходя из герменевтического анализа «Анатталакхана-сутры», можно сказать, что рассуждения Будды и пяти монахов о свойствах «не Я» происходят в апофатической практике, в которой понятие «Я» описывается не тем, что может быть охарактеризовано и атрибутировано, а тем, что находится вне дискурса: «Это не мое. Это не мое я. Это не то, что я есть».

Как указывает А.М. Донец в монографии «Базовая система дхармических категорий буддийских философов Центральной Азии»: «Термин “Я” выступает в качестве эквивалента санскритского слова “атман”, служащего для обозначения субстанционального начала, которое, по мнению многих последователей ведической традиции Древней Индии, особенно в школе Веданта, пребывает во всех вещах. Его также полагают синонимом других терминов (пудгала, джива и т. п.), используемых для именованя субъекта соответствующих концепций в системах иноверцев — мыслителей традиционной для Индии ориентации (астика) и даже нетрадиционной (настика). Далее указывается, что все буддийские школы полагают признание такого Я ложным взглядом — видом неведения» [4: с. 39] (атма моха — заблуждение относительно природы «я»), что, по лаконичному замечанию Е.А. Торчинова, «является корнем сансарического существования со всеми его страданиями» [10: URL].

Вместе с тем буддологи Ф.И. Щербатской, О.О. Розенберг, Э. Конзе, Т.У. Рис-Девидс, и в том числе А.М. Пятигорский, говоря об индийской философской традиции VI–IV вв., совершенно обоснованно акцентировали внимание на то, что в ведийском, а особенно в буддийском, философском учении при рассмотрении человека как объекта исследования такие понятия, как «Я», «психика», были вычленены и отделены от понятия «атман». Тем самым психика анализировалась обособленно, и непосредственным предметом рассмотрения было «Я» человека, которое, несмотря на различные свои трактовки, в психике и конституируется.

Начиная с выхода книги «Мышление и наблюдение» [7], А.М. Пятигорский формирует в качестве «метатеории сознания» [9: с. 11] теоретические предпосылки «неантропоцентристской философии», которую философ обозначил в ряде рукописей и статей под несколькими наименованиями: «неантропная философия», «не-антропоцентристская философия» [8: с. 13], «деантропизация философии» [9: с. 10], «неантропическое философствование» [6: с. 14]. Однако прежде чем рассмотреть базовые идеи философа в их сравнении с буддийской концепцией анатмана, следует заключить, что в современном научном сообществе понимается под антропным принципом.

Идеи антропного подхода, или антропного принципа, получившие свое развитие в космологии, астрофизике и вопросах происхождения вселенной, впоследствии перекочевали в социогуманитарные науки, став на сегодняшний день одной из актуальных проблем философской антропологии, в свете которой были поставлены вопросы о человеке как особом роде бытия, сущего, в отношении к своеобразию и уникальности позиции, занимаемой им в мире.

Говоря о физическом содержании антропного принципа, его научно-теоретического базиса, который был предложен в формулировках таких ученых, как Б. Картер, Г.М. Идельс, А.М. Зельманов, Ф. Хойа, Н.Л. Розенталь, Дж. Уилер, Ф. Типлер, С. Хокинг, в его натуралистическом прочтении, мы находим описание структуры вселенной, жизни человека, его сознания и разума как имманентного феномена протекающей биологической жизни в человеке, когда сознание и биологическая жизнь не противопоставляются друг другу, а человек рассматривается как обладающий сознанием и действующий по определенным законам в физическом мире.

Необходимо отметить, что одним из условий антропного принципа предполагается его наблюдаемость, причем не какая бы то ни было наблюдаемость, т. е. возможность любого сенсорного способа познания окружающего мира, которая присуща в том числе и миру фауны, но особый вид наблюдаемости, который отражается в опыте человека. Наше видение вселенной таково потому, что только в данной вселенной мог возникнуть особый наблюдатель — человек. Само появление и присутствие человека в наличном мире создает феномен *антропизма*: антропный принцип манифестирует эволюцию природного мира, целью которого является появление человека, представляющего из себя субъект наблюдения. Причем наличие наблюдателя рассматривается в качестве

окончательного витка эволюции и космогонии вселенной, венца самой эволюции, тогда за антропным принципом сохраняется право так называться. Тем не менее, даже исходя из антропного принципа, мы не можем утверждать, какие физические особенности человека определяют его сущностные и содержательные характеристики в качестве закономерного результата эволюционного процесса.

Проблема заключается в том, что сами исходные понятия «человек» и «сознание» по-прежнему остаются неразрешенными как в отраслях научного знания, так и на междисциплинарном уровне. Проблема сознания человека остается дискуссионной в нейрофизиологических и когнитивных науках, психологии, где сознание представляется феноменом субъективности. Таким образом, сущность человека, или его содержательный базис, который выделял бы его в качестве особого рода сущего, некоторая «антропность» человека с его фундаментальной характеристикой, не установлены. Сам по себе антропный принцип, безусловно, претендует на эвристическую роль в описании парадигмы вселенной и места человека в ней. Но проблема описания целостного образа человека по-прежнему остается нерешенной, человек и сознание постоянно ускользают от непосредственного изучения, поскольку человек вопрошает о себе как об объекте восприятия. Таким образом, человеку необходимо осуществить выход из себя, из своего сознания, и это означает переход из научной картины мира в религиозную или культурологическую.

Возвращаясь к концепции анатмана, появившейся еще на заре формирования буддийского философского учения, за вычетом буддийских эпистемологических интерпретаций, характерных для различных школ буддизма, нельзя не упомянуть проблематику антропологической границы, децентрализации, являющейся, по сути, одной из интерпретаций антропного принципа, которой коснулся отечественный философ С.С. Хоружий, указав, что «опыт современности ставит под сомнение, если не прямо отрицает, это наличие неизменного сущностного центра — и проблема человека не может более ставиться как проблема отыскания и изучения такого центра» [11].

Обратимся к собственно «неантропоцентрической философии» А.М. Пятигорского. Предлагая антропизм в качестве черты объекта философского мышления, Пятигорский уточняет, что если его рассматривать в качестве способа мышления, то он и должен предполагать антропоцентризм — как характер или качество интенциональности философствования: мир — антропичен, философия — антропоцентрична. Пятигорский, говоря о человеческом состоянии, человеческой природе, подчеркивает, что потеря именно «человеческой» специфики происходит тогда, когда такие категории, как мысль и сознание, перестают быть объектом рассмотрения. Какой-либо особой человеческой природы как таковой просто нет, ведь она вся конституируется в психике, где психика представляет из себя все собирательное, совокупность процессов, происходящих в мышлении, за вычетом собственно его содержания, что, собственно, и является методологическим подходом, сформированным в буддийском философском учении о человеке [8].

Американский философ Д. Деннет, изучающий проблемы философии сознания и философии науки, описывая психику человека, указывает, что «чем бы ни была психика, предполагается, что она является чем-то наподобие нашей психики; в противном случае мы не назвали бы ее психикой. Поэтому наша психика, единственная известная *нам* с самого начала, служит тем образцом, от которого мы должны отталкиваться. Без этого соглашения мы будем просто дурачить самих себя и говорить всякую чепуху, не сознавая этого.

Когда я обращаюсь к *вам*, я включаю нас обоих в класс обладателей психики. Отталкиваясь от этой неизбежной отправной точки, я создаю или допускаю обособленную группу, класс привилегированных лиц, противопоставляемых всему остальному во вселенной. Это кажется излишне очевидным, так глубоко оно укоренилось в нашем мышлении и речи, но я должен остановиться на этом подробнее. Когда есть *мы*, человек не одинок; солипсизм ложен; наличествует сообщество» [3: с. 7].

Антропологизм, безусловно, претендует на универсальность философского дискурса, захватывая в том числе и психологические процессы и собственно психику, где отсутствует разрыв между индивидом и обществом, как это было обозначено в описании природы человека в качестве онтологической реальности у З. Фрейда, который акцентировал бытие человека в его психической жизни. Поэтому, описывая «неантропоцентристскую философию», А.М. Пятигорский говорит об изменении фокуса философствования, которое, на наш взгляд, нашло свои исходные постулаты в буддийской философии: именно благодаря смещению объекта мышления в сторону понимания несодержательности «Я», нередуцируемой к понятию и представлению о человеке в психологии.

В концепции анатмана по доводам, предложенным А.М. Донец, — «это отрицание стабильности ясно выражено в доктрине отсутствия “Я”, которая находится в центре буддийской сотериологии и имеет своим следствием отрицание субстанции. Теория отсутствия “Я” индивида фактически отрицает не только личную душу, но и любой унифицирующий принцип типа субстанции или целого (ньяя), универсального субстрата (санкхья) и проч. Таким образом, здесь отрицается теория, которая в настоящее время называется персонализмом и согласно которой любой выделяемый предмет мысли (вплоть до электрона) представляет собой личность-субстанцию» [4: с. 40]. То есть в том числе и психику, которая конституируется в антропном дискурсе.

В философской концепции анатмана речь идет об описании отсутствия «Я», которое конституировано в пяти скандхах, но не его сущностное отрицание. «Принимая индивидуальность в относительном плане, буддийское учение в своей системе философских воззрений в качестве базового положения содержит идею анатман-бессамость, отсутствия “Я”, то есть разоблачение “Я-отождествления”, характерного для обыденного мышления», — подчеркивает М.Н. Кожевникова [5: с. 97].

А.М. Пятигорский исходит из следующей установки: «В этой связи я бы рискнул предположить, что мышлению средне-мыслящего человека трудно мыслить

о себе как о том, что не редуцируется к “мыслящему” и “человеческому”. Такому мышлению гораздо легче думать о себе в порядке любых других редуций — чисто психических, психофизиологических, биофизических, социокультурных, исторических, лингвистических, каких угодно еще, но не в порядке мышления о мышлении в его нередуцируемой мыслительности. Может быть, если наблюдать это явление только со стороны психики, в нем можно увидеть страх мышления себя “расчеловечить”, страх “отчуждения” от себя как человеческого и индивидуального мышления, также как и страх отделения мышлением себя от “мыслящего” как человека и индивида» [7: с. 172].

В заключение следует акцентировать внимание, что в буддийской концепции анатмана, так или иначе представляющей религиозно-философскую структуру, был сформулирован сотериологический проект, который реализуется на уровне йогических практик, направленных на работу с психикой человека путем обретения аскетического, отчужденного от психологических установок мышления относительно сущностных основ и привязок к «Я» и личности человека, в то время как у А.М. Пятигорского это «смена объекта сосредоточения мышления философствующего» [8: с. 5].

Когда Пятигорский говорит о мышлении как об опыте «неантропоцентристской философии», он предлагает, по сути, изменить положение дел, существующее в антропологизме, который в поиске тех самых «человеческих» метрик теряет возможность находить феномены и иные философские категории, в чем заключается его безусловный недостаток. Поэтому, говоря о мышлении, он подчеркивает, что «то, что мыслит, может быть чем угодно — от искусственного интеллекта до ангела, может быть любой структурой сознания» [9: с. 12]. Онтология в «неантропоцентристской философии» Пятигорского первична по отношению к антропологии, и подчеркивая это, он размышляет: «в конце концов “я” может означать что угодно, потому что “я” может быть чем угодно» [8: с. 3].

Пятигорский исходит из буддийского постулата, что все состояния сознания есть не «Я», и таким образом мыслится: онтологической единицы как человек не существует. В «неантропоцентристской философии» Пятигорского понятия о «Я» и человеке представляются помехой в философствовании, имеющейся в структуре сознания, которые предлагается исключить, «отбросив феномен человека как сброс, отработку антропоцентристских философий» [9: с. 11].

«Неантропоцентристская философия» при данном рассмотрении — особый методологический принцип философствования. При этом остается неясным, каким образом он способствует приращению научного знания в случае применения его в различных социогуманитарных дисциплинах или когда анализ понятий и представлений о человеке происходит с позиции отдельных дисциплин, в которые уже включена антропологическая парадигма. Что в данном случае первично: изучение самого человека или исходная точка философствования при анализе иных философских вопросов?

Литература

1. Бхагавадгита / пер. с санскр.; исследов. и примеч. В.С. Семенцова. М.: Вост. лит., 1999. [Электронный ресурс] // Виртуальная библиотека йоги. URL: <http://www.orlov-yoga.com/Gita/> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Датта Д., Чаттерджи С. Индийская философия / пер. с англ.; под ред. В.И. Кальянова. М.: Гаудеамус: Академический проект, 2013. 365 с.
3. Деннет Денизел С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
4. Донец А.М. Базовая система дхармических категорий буддийских философов Центральной Азии. Улан-Уде: БНЦ СО РАН, 2009. 198 с.
5. Кожевникова М.Н. Учение: книга о философии образования в буддизме: в цитатах, примерах и размышлениях. СПб.: Алетейя, 2014. 294 с.
6. Пятигорский А.М. Вкратце о философской психологии и психологической философии (методологические размышления) // Лич. собр. Л. Пятигорской. Рукопись. 15 с.
7. Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение: четыре лекции по обсервационной философии. СПб.: Азбука, 2016. 192 с.
8. Пятигорский А.М. Опыт неантропоцентристской философии / Лич. собр. Л. Пятигорской. Рукопись. 13 с.
9. Пятигорский А.М. Философскому классу: о сознании в 2009 г.: в преддверии философского романа / Лич. собр. Л. Пятигорской. Рукопись. 16 с.
10. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. Лекция 6. Классическая буддийская философия: Йогачара (Виджнянавада) и теория Татхагатагарбхи. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 92–119. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/torchinov-ea/lekcija-6-klassicheskaya-buddiyskaya-filosofiya-yogachara-vidzhnyanavada-i-teoriya> (дата обращения: 1.02.2018).
11. Хоружий С.С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта // Вопр. философии. 2003. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=223&option=com_content&task=view (дата обращения: 1.02.2018).

Literatura

1. Bhagavadgita / per. s sanskr.; issledov. i primech. V.S. Semenczova. M.: Vost. lit., 1999 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.orlov-yoga.com/Gita/> (data obrashheniya: 1.02.2018).
2. Datta D., Chatterdshi S. Indijskaya filosofiya / per. s angl.; pod red. V.I. Kal'yanova. M.: Gaudeamus: Akademicheskij proekt, 2013. 365 s.
3. Dennet Denieehl S. Vidy' psixiki: na puti k ponimaniyu soznaniya. M.: Ideya-Press, 2004. 184 s.
4. Donecz A.M. Bazovaya sistema dxarmicheskix kategorij buddijskix filosofov Central'noj Azii. Ulan-Ude: BNCZ SO RAN, 2009. 198 s.
5. Kozhevnikova M.N. Uchenie: kniga o filosofii obrazovaniya v buddizme: v czitatax, primerax i razmy'shleniyax. SPb.: Aleteya, 2014. 294 s.
6. Pyatigorskij A.M. Vkratce o filosofskoj psixologii i psixologicheskoy filosofii (metodologicheskie razmy'shleniya) // Lich. sobr. L. Pyatigorskij. Rukopis'. 15 s.
7. Pyatigorskij A.M. My'shlenie i nablyudenie: chety're lekciij po observacionnoj filosofii. SPb.: Azbuka, 2016. 192 s.
8. Pyatigorskij A.M. Opy't neantropocentristskoj filosofii / Lich. sobr. L. Pyatigorskij. Rukopis'. 13 s.

9. *Pyatigorskij A.M.* Filosofskomu klassu: o soznanii v 2009 g.: v preddverii filosofskogo romana / Lich. sobr. L. Pyatigorskoj. Rukopis'. 16 s.

10. *Torchinov E.A.* Vvedenie v buddologiyu: kurs lekcij. Lekciya 6. Klassicheskaya buddijskaya filosofiya: Jogachara (Vidzhnyanavada) i teoriya Tatxagatagarbxi. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2000. S. 92–119. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/torchinov-ea/lekcija-6-klassicheskaya-buddijskaya-filosofiya-yogachara-vidzhnyanavada-i-teoriya> (data obrashheniya: 1.02.2018).

11. *Xoruzhij S.S.* Chelovek i ego tri dal'nix udela. Novaya antropologiya na baze drevnego opy'ta // Vopr. filosofii. 2003. № 1 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=223&option=com_content&task=view (data obrashheniya: 1.02.2018).

D.A. Korablin

Interpretation of the Buddhist Concept of Anatman in A.M. Pyatigorsky's «Non-anthropocentric Philosophy»

The article analyzes the main postulates of «non-anthropocentric philosophy», which were formulated by A.M. Pyatigorsky in previously unreleased manuscripts. The anthropic principle, formulated in post-non-classical philosophy, he views from the position proposed in the Buddhist religious and philosophical concept of anthman and containing new methodological potentials in the synthesis of philosophical, scientific and religious pictures of the world.

Keywords: Buddhist philosophy; anthropic principle; the concept of anatman; psyche; «non-anthropocentric philosophy».

УДК 2-1+329

А.В. Волобуев

Религиозная и политическая грани фундаментализма

В статье анализируется генезис, эволюция и развитие фундаментализма как формы мировоззрения. Будучи узкоспециальным, термин начал обозначать широкий круг явлений сознания, характеризующий определенный тип религиозных взглядов, а в современности его значение расширилось еще больше: теперь мы можем говорить о фундаментализме в политике, культуре и других сферах общественной жизни. Статья посвящена рассмотрению религиозной и политической граней фундаментализма.

Ключевые слова: фундаментализм; религия; философия религии; религиоведение; социальная философия.

В свете политических событий последних лет на Ближнем Востоке интерес к феномену фундаментализма весьма высок и у широкой публики, и у академической науки. Но, поскольку явление воспринимается через призму СМИ, фундаментализм ассоциируется, как правило, с исламскими экстремистскими течениями, реже — с религиозным экстремизмом вообще. В данной статье мы рассмотрим и религиозную, и менее известную, но ничуть не менее значимую грань фундаментализма — политическую.

Понятие «фундаментализм» появилось в герменевтике и имело изначально сугубо специальное значение, обозначая буквальное прочтение религиозного текста. В конце XIX в. термин вышел за рамки узкоспециализированной философской и теософской литературы. Этим термином стали обозначать широкий спектр различных групп американских протестантов, защищавших, по их мнению, «фундаментальные» ценности христианской веры: буквальное понимание «сакральной» библейской правды, сотворение мира Господом, библейские чудеса, включая непорочное зачатие и воскресение Христова во плоти. Помимо противостояния религиозной модернизации и либерализму, фундаментализм американских евангелистов вскоре проявил себя и в другой области, не включенной непосредственно в доктринальные диспуты внутри религии: фундаменталисты выступили в качестве мощной оппозиции идеям эволюционной биологии и даже добились запрета на ее преподавание в 1925 г.

Американцы всегда воспринимали свою страну как носителя определенной миссии мирового масштаба. Такая активность и склонность религиозных фундаменталистов вмешиваться в общественную жизнь не должна нас удивлять, ибо именно последователи евангелических общин привили американскому обществу мессианство. «Мессианство появилось на территории современных

США с кораблями первых переселенцев-пуритан и сразу же стало оказывать серьезное духовно-нравственное, а затем и общественно-политическое воздействие на жизнь общества североамериканских колоний. Религиозный источник мессианских идей — пуританизм, особая, происходившая от учения Жана Кальвина, форма протестантизма» [1: с. 167]. Приверженцы этого вероучения быстро вошли в противоречие с феодальными порядками Европы. «Гонимые в Европе, пуритане ощущали себя в Америке силой, способной не только самоутвердиться, но и в перспективе встать над теми, пусть для начала только лишь в теологии и моральном плане, кто сделал их изгоями» [2: с. 177].

Фундаментализм быстро вырос в мощное общественно-политическое движение, опиравшееся на солидную финансовую поддержку: так, на рубеже XIX–XX вв. массированная пропагандистская кампания, призывавшая американцев вернуться к фундаментальным ценностям христианской (в понимании евангелических церквей) веры, была спонсирована братьями Мильтоном и Лайманом Стюартами — нефтяными магнатами, в те времена составлявшими серьезную конкуренцию за стремительно растущий нефтяной рынок самому Рокфеллеру [13]. Идеи фундаментализма стали настолько популярны, что известный в 1920-х гг. американский журналист Менкен писал: «Кинь яйцо из окна Пульмановского вагона — и ты попадешь в фундаменталиста практически всюду в США» [8: с. 3].

В США евангелический фундаментализм стал общественным явлением почти сразу же с момента своего появления, которое пыталось активно влиять на политику, законы и нравы. Наибольшая часть фундаменталистов вышла из баптистских церквей и связанных с ними учреждений и общественных организаций, причем весьма многочисленной среди фундаменталистов была прослойка «пре-миллениалов» (*амер.*), — сторонников новой формы весьма нередкого в христианской традиции эсхатологического течения, считавшего, что дни мира сочтены и второе тысячелетие — последнее для этого грешного мира. Движение получило институциональное оформление даже в области образования: в 1927 г. Боб Джонс основал фундаменталистский университет в Южной Каролине, быстро набравший влияние (который, к слову, является весьма влиятельным учреждением и по сей день), не говоря уже о многочисленных колледжах. В целом весьма пестрый набор общественно-политических, религиозных и образовательных организаций и движений объединяло стремление защитить веру американских протестантов от нравственно разлагающего, по их мнению, влияния модернизации, ассоциировавшегося фундаменталистами с иностранными течениями и идеями.

Широкую и печальную известность термин «фундаментализм» приобрел после революции в Иране 1979 г., когда к власти пришли фундаменталисты, а также в результате террористических атак на Всемирный торговый центр в США и становления печально знаменитой группировки «Исламское государство», запрещенной в России. Именно эти события придали понятию «фундаментализм» негативную коннотацию. В самом деле, исламский фундаментализм (*араб.* «вусулийя») — самая радикальная форма религиозного

фундаменталистского учения. Возникший в Саудовской Аравии и до сих пор поддерживаемый этим государством салафизм представляет собой тоталитарную политическую идеологию теократического государства. Широко известным и типичным для салафитских группировок является лозунг политической организации «Братья-мусульмане» (признана террористической и запрещена в России) «аль-ислам хуа аль-халь» («Ислам — вот решение», который означает, что для наведения порядка в мусульманском мире, искоренения социальной несправедливости, безнравственности и коррупции, для устранения «неправедных правителей», равно как и для защиты от пагубного воздействия чуждых культурных и поведенческих моделей Запада, необходимо прежде всего очищение самого ислама от вредных наслоений, возвращение к незамутненным истокам этой религии [3: с. 58].

Исламские фундаменталисты сами убеждены в том, что исламский мир находится в состоянии упадка, вызванного отходом от традиционных ценностей и этики ислама, отказом от исламской этико-правовой системы — исламского шариата. Фундаменталисты требуют возвращения к законам, нормам и ценностям ислама, строя таким образом социально справедливое государство. Идеология носит интернациональный характер: идеологи исламского фундаментализма считают своей целью построение халифата — государства, которое объединит всю мусульманскую общину [4: с. 3]. Идеология салафизма тотальна: ислам должен охватывать все сферы общественной жизни и даже частную, от политики до эстетики.

В научной и религиозной литературе также существует понятие «иудейский фундаментализм», которое, как правило, употребляется для обозначения ультраортодоксальных течений и учений в Израиле (реже — за его пределами), требующих от исповедующих иудаизм строго следовать букве Писания (причем имеется в виду не только Пятикнижие, но и Талмуд, и Мишна) и нетерпимо относиться к любым отклонениям от него. Например, в Израиле периодически наблюдаются случаи нападения студентов-ультраортодоксов на евреев, работающих в Шаббат. Ультраортодоксы также нетерпимо относятся к любым проявлениям религиозного либерализма и либеральным социальным изменениям, например, они агрессивны по отношению к открытым гомосексуалистам. Для этих фундаменталистов характерно жить в постоянном ожидании пришествия Мессии, которое они воспринимают буквально как нечто, что должно произойти в ближайшем будущем [7].

Также термин «фундаментализм» иногда применяется по отношению к некоторым восточным религиозным и религиозно-политическим движениям, таким как «Широмани Акали Дал» — движение сикхов, провозглашающее единство политики и религии и являющееся, таким образом, и политической партией, и религиозным движением [6], а также к некоторым индуистским течениям, к послевоенным религиозным движениям в Японии.

При всем разнообразии форм религиозного фундаментализма было бы неправильным ограничиться рассмотрением только этой грани явления. Уже

в самом описании исламского фундаментализма бросается в глаза тотальность салафизма: исламизации должны быть подвержены все стороны общественной жизни и личность самого мусульманина. Здесь вообще становится трудным отделить религию от политики. Возможно, фундаментализм не исчерпывается религиозной формой своего проявления? Действительно, помимо религиозного, в последнее время распространение получил и политический фундаментализм. Для того чтобы понять, на каком основании мы используем изначально герменевтический термин для определения светского в целом явления, приведем некоторые наиболее яркие его примеры.

Вероятно, самым ярким примером политического фундаменталистского течения можно назвать «Движение чаепития» (Tea movement), которое сложилось в политическом дискурсе США сравнительно недавно: к 2006–2009 гг. его можно назвать окончательно оформившимся, а первые упоминания о нем относятся к 1990-м гг. Название движения являет собой отсылку к историческому событию — знаменитому «Бостонскому чаепитию», ставшему точкой бифуркации в истории североамериканских колоний и спусковым крючком революции и войны за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов. Ключевым принципом, которому следовали американские граждане, выкинувшие за борт груз чая в Бостоне, был «нет налогов без представительства». Отсылкой именно к этому принципу является название современного «Движения чаепития». Другим смыслом, вложенным в название этого движения, является расшифровка акронима ТЕА как «taxed enough already!» («хватит уже налогов!»). Что же предлагают обществу сторонники этой общественно-политической организации?

Принято считать, что движение появилось и набрало силу в ответ на ряд мер, принятых администрацией вступившего в должность Б. Обамы, связанных с социальной поддержкой малоимущего населения, а именно поддержкой граждан, которые не могли расплатиться с ипотечными кредитами в результате кризиса на рынке недвижимости, а также американский «Закон о восстановлении и реинвестировании 2009 года» (American Recovery and Reinvestment Act of 2009) и «Закон о реформе здравоохранения» (Healthcare reform legislation — будущий Obamacare).

Следует упомянуть несколько весьма эксцентричных законодательных инициатив, оказавшихся в центре внимания протестующих, например совершенно феерический налог на ожирение, которым предлагалось облагать продажу еды и напитков, наиболее способствующих ожирению (а не самих ожиревших, как это пытались изобразить некоторые СМИ). В целом сторонников данного движения объединяет призыв к возвращению к фундаментальным ценностям свободного рынка, а текущие экономические проблемы и финансовые кризисы они объясняют отходом от этих самых фундаментальных ценностей и превращением государства из «ночного сторожа», как это должно было быть, в машину перераспределения доходов через высокие налоги и высокий уровень госрегулирования.

Сторонники «Движения чаепития» активно выступают против вмешательства государства в экономику и считают совершенно несправедливыми и вредными любые попытки ее субсидирования и стимулирования. Тяжелая ноша регулирования рынка является причиной медленного восстановления экономики. Приведем несколько высказываний ключевых персоналий «Движения чаепития». Вот как рассуждает на этот счет конгрессмен из Мичигана Джастин Эмэш: «Федеральные программы стимулирования совместно с попытками правительства манипулировать предложением денег приводят к стремительному ухудшению ситуации с инфляцией и госдолгом» [10: URL]. Попытки государства регулировать монетарную политику и манипулировать денежной массой были губительны для экономики. По мнению одного из сторонников движения, конгрессмена от штата Арканзас Тима Гриффина, «лучший способ обеспечить экономический рост и создавать рабочие места — дать больше денег в карманы налогоплательщиков» [10: URL].

Как мы можем заметить, требуя возврата к фундаментальным основам свободного рынка, «Движение чаепития» критикует как монетаристскую политику в духе венской школы, так и кейнсианские меры, связанные со стимулированием экономики, т. е. бьет по парадигмам и неклассической, и постнеклассической экономики, твердо выступая за возврат к идеям и принципам классической экономической теории. Именно отход от классической модели экономики является причиной экономических проблем, а возврат к ней станет залогом их решения. Что это, если не фундаментализм, пусть и не в религиозной его форме?

Понятие «рыночный фундаментализм» (free market fundamentalism) популяризировал в своей книге «Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности» широко известный олигарх Дж. Сорос: «Именно рыночный фундаментализм превратил мировую капиталистическую систему в непрочную и недолговечную» [11: с. 17].

Другие примеры использования данного термина также подтверждают негативную коннотацию: «Теории, в развитии которых я принимал участие, объясняют, почему неконтролируемый рынок часто не только не приводит к социальной справедливости, но даже не дает эффективных результатов. Любопытно, что не было никакого интеллектуального вызова концепции “невидимой руки рынка” Адама Смита: индивиды и фирмы, следующие своим интересам, совсем необязательно ведет к эффективности некая невидимая рука» [9: URL]. Обратим внимание, что в политэкономической публицистике термин приобретает ярко выраженную негативную коннотацию.

Понятие «фундаментализм» применительно к политике в последние два десятилетия часто используется СМИ, оно встречается в публицистике, а вот найти его в академических работах можно редко. Например, американские социологи Ф. Блок и М. Соммерс вынесли этот термин в заглавие своей книги «Сила рыночного фундаментализма» [12], исследовав данное явление с точки зрения социологии. Сам факт того, что академические социологи

изучают влияние идей рыночного фундаментализма на общество, по мнению автора данной статьи, говорит о признании существования этого явления научным сообществом.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что распространенное рассмотрение фундаментализма как крайней формы традиционализма в корне неверно и прямо противоречит его сути. «Фундаментализм — далеко не синоним термина “традиционализм”, это скорее один из возможных путей обновления традиции, сочетающий в себе переработанные, идеалистически представленные элементы традиции и инновации — в той степени, в которой они необходимы для установления идеала. Фундаментализм родствен Традиции, но он не исчерпывается ею, а всегда является ответом мифологизированной Традиции на вызов со стороны Современности», — утверждает профессор МГУ А.И. Яковлев [5: с. 18].

Природа фундаментализма носит иррациональный характер, апеллируя к тревожности, страху, потребности в защищенности и вполне естественному для живого существа страху перед неизвестным. Фундаментализм — это форма мировоззрения, поэтому он не ограничивается только религией, а может проявлять себя во многих сферах общественной жизни, и в первую очередь в политике. Вследствие этого фрагментированное изучение отдельных его форм не может представить полноценной картины данного общественного явления: например, мы вряд ли сможем понять, что движет сторонниками исламских радикальных течений, сконцентрировавшись лишь на религиозной части учения. Для адекватного понимания данного явления необходимо изучать фундаментализм как форму мировоззрения в целом.

Литература

1. Алхименков М.А. Роль протестантского мессианизма в историческом развитии США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2014. № 2. С. 166–175.
2. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 255 с.
3. Волобуев А.В. Религиозный фундаментализм в глобализованном мире // Век глобализации. 2017. № 1 (21). С. 56–62.
4. Волобуев А.В. Становление и развитие религиозного фундаментализма: социально-философские аспекты // Гуманитарный вестник. 2016. № 11 (49). С. 1–14.
5. Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 4–37.
6. Harjinder Singh Dilgeer. Shiromani Akali Dal (1920–2000). Sikh University Press, Belgium, 2001. 280 p.
7. Israel Shahak. Jewish Fundamentalism in Israel. London, Pluto Press, 2004. 210 p.
8. Malise Ruthven. Fundamentalism: The Search For Meaning. Oxford University Press, 2006. 260 p.

9. *Stiglitz Joseph E.* The pact with the devil. Beppe Grillo's Friends interview. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.beppegrillo.it/eng/2007/01/stiglitz.html> (дата обращения: 25.01.2018).

10. The 10 Fiscal Commandments of the Tea Party. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huffingtonpost.com/> (дата обращения: 25.01.2018).

11. *The Crisis Of Global Capitalism: Open Society Endangered.* NY, 1998. 288 p.

12. *The Power of Market Fundamentalism. Karl Polanyi's Critique.* Harvard University Press Cambridge, MA, 2014. 312 p.

13. *Waterman A.M.C.* Fundamentalism in Religion, Politics and Science. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c2cjournal.ca/2009/06/fundamentalism-in-religion-politics-and-science/> (дата обращения: 25.01.2018).

Literatura

1. *Alximenkov M.A.* Rol' protestantskogo messianizma v istoricheskom razvitii SShA // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodny'e otnosheniya.* 2014. № 2. S. 166–175.

2. *Batalov E'.Ya.* Politicheskaya kul'tura sovremennogo amerikanskogo obshhestva. M.: Nauka, 1990. 255 s.

3. *Volobuev A.V.* Religiozny'j fundamentalizm v globalizovannom mire // *Vek globalizacii.* 2017. № 1 (21). S. 56–62.

4. *Volobuev A.V.* Stanovlenie i razvitie religioznogo fundamentalizma: social'no-filosofskie aspekty' // *Gumanitarny'j vestnik.* 2016. № 11 (49). S. 1–14.

5. *Yakovlev A.I.* Religiozny'j faktor v mirovoj politike v e'pohu globalizacii: ot seku lyarizacii k fundamentalizmu // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodny'e otnosheniya i mirovaya politika.* 2013. № 4. S. 4–37.

6. *Harjinder Singh Dilgeer.* Shiromani Akali Dal (1920–2000). Sikh University Press, Belgium, 2001. 280 p.

7. *Israel Shahak.* Jewish Fundamentalism in Israel. London, Pluto Press, 2004. 210 p.

8. *Malise Ruthven.* Fundamentalism: The Search For Meaning. Oxford University Press, 2006. 260 p.

9. *Stiglitz Joseph E.* The pact with the devil. Beppe Grillo's Friends interview. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.beppegrillo.it/eng/2007/01/stiglitz.html> (data obrashheniya: 25.01.18).

10. The 10 Fiscal Commandments of the Tea Party. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.huffingtonpost.com/> (data obrashheniya: 25.01.18).

11. *The Crisis Of Global Capitalism: Open Society Endangered.* NY, 1998. 288 p.

12. *The Power of Market Fundamentalism. Karl Polanyi's Critique.* Harvard University Press Cambridge, MA, 2014. 312 p.

13. *Waterman A.M.C.* Fundamentalism in Religion, Politics and Science. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.c2cjournal.ca/2009/06/fundamentalism-in-religion-politics-and-science/> (data obrashheniya: 25.01.18).

A.V. Volobuev

Religious and Political Aspects of Fundamentalism

The article analyses genesis, evolution and development of fundamentalism as a form of world outlook. Being initially narrow-specialized, the term began to denote a wide range of phenomena of consciousness, characterizing a certain type of religious views, and in modern times its meaning has expanded even more: now we can talk about fundamentalism in politics, culture and other spheres of public life. The article is devoted to the consideration of the religious and political aspects of fundamentalism.

Keywords: fundamentalism; religion; philosophy of religion; religious studies; social philosophy.

**И.А. Бирич,
Н.М. Твердынин**

Первый Белорусский философский конгресс — впечатления участников

Говоря о Первом Белорусском национальном философском конгрессе «Национальная философия в глобальном мире», проходившем в Минске осенью прошлого года, хотелось бы отметить множество интереснейших в научном плане моментов. Но изначально следует сказать о двух вещах, которые к науке вроде бы и не имеют непосредственного отношения. Первое — великолепная организация конгресса: внимательное отношение к участникам, их размещение, питание, решение транспортных проблем, четкая и согласованная организация работы всех пленарных заседаний и секций, большая, насыщенная и интересная культурная программа. Второе — касается того, что само название «Первый» отнюдь не свидетельствует об отсутствии до этого масштабных научных мероприятий, которые бы осуществлялись с участием представителей белорусской философской школы. Множество конференций как собственно философской, так и междисциплинарной направленности, имеющих значительную философскую составляющую, постоянно проводятся в Минске и других белорусских научно-культурных центрах, в этих мероприятиях участвуют десятки стран, публикуются соответствующие материалы, вызывающие безусловный интерес философского сообщества, о чем можно судить, в частности, по индексам цитирования.

Дело в том, что проведение конгресса обозначило качественно новый этап развития философии на постсоветском пространстве. Впервые с 1991 г. вне России состоялся философский форум, на котором, не взирая на сложности в отношениях ряда стран бывшего СССР, собрались философы практически всего постсоветского пространства. Помимо этого, было обеспечено широкое участие представителей ведущих философских школ Европы, Азии и Северной Америки. Дискуссия велась практически по всем разделам философского знания. На данном конгрессе все пленарные доклады отличало значительное научное содержание; при этом они служили своеобразной «затравкой»

к дискуссиям, которые далее происходили на форумах, секциях и круглых столах, чья тематика коррелировалась с тематикой соответствующего доклада. Перейдем к конкретным примерам.

Первый день философского конгресса, пленарное заседание в Президиуме Национальной академии наук Беларуси. Академик Российской академии наук В.С. Стёпин, который в 1970-е гг. участвовал в становлении белорусской философии, в докладе «Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей» поставил вопросы, которые касались тематики по меньшей мере пяти – шести секций конгресса. Проблема соотношения взглядов на понятие «устойчивое развитие» в контексте развития социума в условиях техногенной цивилизации является актуальной для многих философских направлений, поскольку обосновывает практическую ценность прогностической функции современной философии.

Эту проблему развил в докладе «Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня» директор Института философии РАН академик А.В. Смирнов. Он дал мощный импульс для современной социальной философии в целом, вскрыл современные противоречия многополярного мира, обосновал переход к концепции многоцивилизационного мира. При этом Андрей Вадимович четко обозначил всю глубину данной социально-политической проблематики, ее сложность и одновременно перспективность для философского анализа: «Разработка проекта многоцивилизационного мира по сути еще не началась. Безудбые проекты, такие как “диалог цивилизаций”, “альянс цивилизаций”, могут рассматриваться лишь как паллиативы в текущей политической конъюнктуре... Такого рода проекты лишены главного — теоретического обоснования много-, а не моноцивилизационного устройства». Таким теоретическим обоснованием, аргументировал это утверждение А.В. Смирнов, «может выступать только положение о логике культуры и ее определяющей роли в развитии цивилизационного проекта, развиваемого данной культурой или группой культур, сопряженное с принципиальным тезисом о множественности, равноправии и взаимной несводимости этих логик» [1: с. 251]. Именно в этом ключе решается далее успешность развития надгосударственных структур, включая перспективы разворачивания «Евразийского процесса».

Доклад профессора кафедры геопространственных наук Рэдфордского университета (США) Г. Иоффе может быть в определенной степени рассмотрен как парный (в некоторых отношениях даже зеркальный) докладу А.В. Смирнова, поскольку, пусть и в неявной форме, отразил глобалистско-монополярные взгляды на социум, хотя и с попытками найти некий путь позитивного развития.

А вот доклад заместителя директора Института философии Китайской академии общественных наук профессора Цуй Вэйхана (Пекин) «Состояние и задачи исследования философии в современном Китае» перекликался как с выступлением В.С. Стёпина, так и с выступлением А.В. Смирнова. Одновре-

менно в нем было показано, что планируемый подход к решению философских проблем в стране является вполне взвешенным для путей их практического решения. Такое традиционалистское восприятие научного развития прозвучало достаточно непривычно в контексте европейской философской мысли, особенно ее социально-философского сегмента.

Переходя к анализу работы отдельных секций, форумов, круглых столов, которых за три дня было более 100, естественно, что обсудить, да и то весьма кратко, мы будем только те из них, тематика которых оказалась близкой авторам.

Весьма интересно проходила работа секции «Философия и современная научная картина мира: эпистемологические основания, трансдисциплинарные принципы». Глубоко логичный как в философском, так и в общенаучном понимании доклад доктора философских наук главного научного сотрудника Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск) В.К. Лукашевича «Модусы трансдисциплинарных исследований в праксеологическом измерении» позволяет судить о принципиально новом подходе, предложенном автором, к осмыслению преимуществ и недостатков, выявляемых при сравнительном анализе успешности монодисциплинарных, междисциплинарных и трансдисциплинарных научных разработок. Данная проблематика была затронута и в другом, не менее интересном докладе доктора философских наук, профессора кафедры философских учений Белорусского технического университета В.П. Старжинского и кандидата юридических наук В.В. Цепкало (Минск) «Трансдисциплинарность как новация постнеклассической науки». В нем привлекла внимание инновационность подхода к понятию проектирования, соотносимо ли это с научно-техническими реалиями или же с процессами, происходящими в социальных системах.

В докладе одной из наиболее заслуженных представительниц белорусской философской школы, доктора философских наук, зав. кафедрой социальной коммуникации Белорусского государственного университета Я.С. Яскевич (Минск) «“Жизнь в Сети” и коммуникационные барьеры сетевого человека в условиях виртуальной реальности» были затронуты противоречия Интернета, приводящие как к позитивным, так и к негативным результатам, возникающим при всё большем погружении человека в порождаемое компьютерными технологиями пространство виртуальной реальности.

Весьма высок уровень других докладов, представленных хозяевами конгресса. Хотелось бы отметить два из них, которые в определенной степени оттеняют успехи белорусской философии в сфере философии науки и техники. На секции «Научная и техническая рациональность в перспективе информационной цивилизации», где Н.М. Твердынину довелось быть ее модератором, прозвучали доклады кандидата философских наук, научного сотрудника Института философии НАН (Минск) А.С. Червинского «Роль философии в формировании социоэкологических представлений» и кандидата философских наук, доцента кафедры экономики Белорусского государственного

университета (БГУ, Минск) И.А. Барсук «Теоретико-методологические проблемы экономической науки: история и современность».

Во второй день конгресса заседания проходили в основном на факультете философии и социальных наук БГУ. На пленарном заседании Международной научной конференции «Философия и цивилизационные перспективы постсовременности» с докладами выступили научный руководитель Института философии РАН А.А. Гусейнов, ректор БГУ, доктор педагогических наук А.Д. Король, заведующий кафедрой философии и методологии науки БГУ А.И. Зеленков, директор Университета г. Щецин (Польша) О.Н. Козлова, профессор Университета языков и коммуникации г. Милана (Италия) А. Супаквади и др.

Дискуссионную интонацию конференции задал в своем докладе «На каком языке говорит философия?» А.А. Гусейнов, который предложил вернуться к национальным истокам философствования и уйти от однополярности мышления всяческих конференций, где рабочим языком является английский, продолжающий традицию Средневековья с его общим для науки латинским языком. Все-таки философия связана с естественным национальным языком, поэтому ее, в отличие от науки, нельзя формализовать. Перед любой национальной философией стоит задача поднять ментальность своего народа с обыденного уровня на рефлексивный. Есть и обратная зависимость: судьба самой нации во многом связана с судьбой национальной философии, передающей и хранящей пафос ее создателей.

Ректор БГУ А.Д. Король выступил с интригующим докладом «“Логос” и “Дао” образования: куда идет педагогическая наука? (Философско-методологический аспект)». Докладчик сравнил две образовательные модели Запада и Востока, объяснив их различие разными целями самореализации человека. Если на Западе человек — это «чистый лист», что заполняется опытом человечества и чужой информацией, когда «флешка убивает ее смысл и мораль», то на Востоке человек — внутренне богат, только надо найти «путь к себе», что и есть осуществление Дао: в молчании и сосредоточенности. Ректор предложил обратиться к концепции М.М. Бахтина о диалоговой природе человека и выстроить на ее основе путь к себе как «дидактику молчания и эвристики».

А.И. Зеленков рассказал о философии как атрибуте классического университета и поделился социокультурным опытом БГУ, который охватывает 100-летний период: от становления марксизма в 1920–1930 гг., через постпозитивизм 1970–1980-х гг., когда на факультете философии работал В.С. Стёпин, до формирования современной минской школы в философии с ее эколого-аксиологическими матрицами гуманизации знания.

Л.А. Шашкова (Киев), О.Н. Козлова (Щецин), И.Ф. Лисеев (Москва) говорили об условиях реализации в мире концепции устойчивого развития, связывая ее с программой выхода из социокультурного кризиса и экологизацией сознания человечества.

В ходе конференции работало шесть форумов: «Философия в публичном пространстве социума», «Устойчивое развитие и высокие технологии как актуальные приоритеты социодинамики», «Современные общества на путях модернизации: проблемы и перспективы», «Многообразие и диалог культур в ракурсе философского анализа», «Человек в рискогенном обществе», посвященный памяти члена-корреспондента РАН Б.Г. Юдина, и «Философия образования и социальные инновации».

На анализе последнего форума, где И.А. Бирич была модератором, мы остановимся более подробно.

На нем присутствовало 16 человек из 10 городов Беларуси, России, Узбекистана, а тезисы на данную тему прислали около 50 человек (см.: [1: с. 559–621]). Это свидетельствует о животрепещущей актуальности заявленной проблематики. Все выступающие отметили отсутствие в образовании любой ступени целей развития мировоззренческого кругозора учащихся. Если заведующий кафедрой философии Могилевского университета М.И. Вишневецкий отметил утрату целостности и аксиологического ракурса предмета «Обществознание», а также неразвитость междисциплинарной методологии в преподавании философии, то заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского медицинского университета С.П. Кулик заявил о глобальных вызовах постписьменной культуры, которые стоят сегодня перед образованием. Он перечислил антиномии данного глобального кризиса, в которые включил не менее восьми признаков: от преобладания эмоционального сознания над рациональным до преобладания явления над сущностью, виртуального над реальным.

Все выступающие подтвердили необходимость гуманитаризации образования как альтернативы его технократизации. Во многом это зависит от качества личности преподавателя социально-гуманитарных дисциплин, особенно в подготовке будущих специалистов педагогического профиля. Недаром в Министерстве образования и науки РФ разрабатывается модель «Университета X», о чем рассказал коллегам научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, доцент кафедры гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского университета В.В. Петров.

В завершение насыщенного дня на факультете философии и социальных наук БГУ прошли два круглых стола: «Актуальные проблемы философии религии и религиоведения» и «Парадоксы и риски глобализации».

Безусловно, было бы невозможно описать в относительно небольшом обзоре всё многообразие сделанных на конгрессе сообщений. Остается сказать, что материалы конгресса опубликованы в сборнике тезисов выступлений [1] и доступны на сайте Института философии НАН Республики Беларусь. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что конгресс отличал высокий уровень не только представленных материалов, но и прекрасно организованной дискуссии. Организаторы сделали все возможное, чтобы участники одних секций могли включиться в работу других, материалы которых оказывались им тематически близки или же вызвали значительный научный интерес.

Практически все участники конгресса смогли реализовать свои пожелания и остались довольны его организацией. Все доклады показывают весьма высокий уровень белорусской философской школы и ее соответствие как уровню ведущих философских центров на постсоветском пространстве, так и обще-европейскому уровню.

На заключительном пленарном заседании конгресса были подведены итоги: всего участвовало 500 человек, в БГУ — 237 человек (37 из других стран). Отмечена оригинальность проблемы, прозвучавшей в названии конгресса, его евразийский разворот. Решение конгресса, принятое на заседании, носило не только актуальный, но и побуждающий характер, обращено ко всем общественным структурам политической, научной, культурной жизни Беларуси.

Литература

1. Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого Белорусского философского конгресса / Нац. академия наук Беларуси, Ин-т философии. Минск: Беларуская навука, 2017. 765 с.

Literatura

1. Nacional'naya filosofiya v global'nom mire: tezisy' Pervogo Belorusskogo filosofskogo kongressa / Nacz. akademiya nauk Belarusi, In-t filosofii. Minsk: Belaruskaya navuka, 2017. 765 s.

М.И. Фролова

Мир человека: неопределенность как вызов. XVII Фроловские чтения

В ноябре 2017 г. в Институте философии РАН прошли ежегодные Фроловские чтения, приуроченные к 90-летию Германа Хакена и 100-летию Ильи Пригожина — известных ученых XX в., разработавших синергетический метод в естественных науках. Настал момент обратить потенциал этого метода и к гуманитарным исследованиям. Об этом еще в 70-х гг. XX в. в своих работах «О причинности и целесообразности в живой природе», «Детерминизм и телеология» и др. писал наш выдающийся философ, академик И.Т. Фролов, памяти которого и посвящены Фроловские чтения. Академик И.Т. Фролов стал основоположником многих философских направлений в нашей стране; исследование развития его идей в XXI в. — задача Фроловских чтений.

Нынешние чтения были названы «Мир человека: неопределенность как вызов». Именно так определил сегодняшний мир в своем приветственном слове участникам конференции Герман Хакен, которым и открылись чтения. Назвав центральной темой синергетики принцип самоорганизации, Хакен подтвердил, что и в сфере гуманитарных наук, таких как социология, психология, лингвистика, экономика, этот принцип, связанный с постоянным взаимодействием индивида и общности, тоже является очень важным. И личность, и общество в условиях неопределенности постоянно ищут новый параметр порядка, которым становится, как правило, новая модель мышления. Немецкий ученый пожелал участникам в поисках фундаментального метода мышления «осмеливаться проявлять гибкость» в образовании аналогий!

В конференции приняли участие 20 известных философов, пять физиков. Их выступления можно условно разделить на три группы. В первую вошли доклады, раскрывающие саму суть синергетической методологии, ее историю (В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Г. Борзенков, П.Д. Тищенко и др.). Для докладчиков важно было подчеркнуть междисциплинарный потенциал данной методологии, который уже востребован в гуманитарных исследованиях, вставших на путь синтеза различных дисциплин вокруг решения системных проблем. По мнению Аршинова, важно преодолеть понятийный разрыв между синергетикой и социологией.

Ко второй группе можно отнести доклады, в которых дается характеристика современного состояния общества, можно сказать, его диагностика с применением понятийного аппарата синергетики (В.В. Василькова, В.А. Лекторский, Д.А. Леонтьев, Петер Плат, О.В. Плебаник, Ю.М. Романовский, Ёити Фудзии,

Е.И. Ярославцева и др.). Так, Лекторский и Плебаник констатируют, что в ситуации эпохи постмодерна с его плюрализмом и текучестью ценностных ориентаций, когда культура теряет свою гуманистическую форму, происходит когнитивный сдвиг с западной рациональности в сторону восточного мистицизма или усиления религиозного сознания. Теряет свою определенность и сам человек, распадается личность, в «Я-концепции» присутствует ошибка. В обществе возникает проблема страха и тревоги, рождающая дилемму, какой вызов более актуален для человека: неопределенности и свободы или определенности и несвободы ради безопасности.

Доклад доктора физико-математических наук Ю.М. Романовского о человеческом капитале России послужил убедительной иллюстрацией к этим идеям. Пока человеческий капитал стремится к отрицательным величинам. Вывод докладчика парадоксален: чтобы оживить человеческий потенциал, необходимо вернуться к культу высокого искусства, прославляющего красоту и подвиг духа.

Ученый-психолог в третьем поколении Д.А. Леонтьев подтвердил, что в современной психологии ключевое слово есть «вызов», означающее глубокое противоречие между возможностью и необходимостью. Если до XX в. человеческий путь развития демонстрировал стремление человека к свободе и, значит, неопределенности, то во второй половине XX в. появилась альтернативная модель его поведения — «энергосберегающая» — как ответ на вызов неопределенности. Она сопровождается развитием способности человека к внутреннему диалогу, саморефлексии, надстройке над собой.

В выступлениях В.В. Васильковой и Е.И. Ярославцевой была отмечена сложность инструментария познания в междисциплинарных гуманитарных исследованиях, когда необходимо переходить, как это было сделано в естественных науках, от классической научной парадигмы к неклассической. По мнению Васильковой, признаком нового знания становится метод метафоризации, ведущий к образованию новых аналогий и новых научных категорий. Обе отметили, что современное образование не готовит людей с новым уровнем мышления, так как само использует старую классическую методологию.

В третью группу вошли доклады, авторы которых попытались дать прогноз общественного развития, опираясь на метод синергетики (И.И. Ашмарин, И.А. Бирич, В.П. Веряскина, П.С. Гуревич, А.Л. Журавлев, Е.Н. Князева, Г.Г. Малинецкий и др.). Ситуация неопределенности тесно увязывается с прогнозами будущего, напоминают доктора физико-математических наук Малинецкий и Ашмарин. Что значит «вызов неопределенности»? Это значит оказаться лицом к лицу с историей. По Г. Хакену, у синергетики как научной методологии две задачи: с одной стороны, описать условия синтеза междисциплинарных исследований, а с другой — удержать целостность изучаемого объекта. И здесь надо задать себе вопрос, какой будет ожидаемая четвертая научно-техническая революция, какая «матрица» выживания нас ждет? Если динамический хаос в гуманитарной сфере основан на кризисе культурных

смыслов и ценностей, как об этом предупреждал еще И.Т. Фролов, то, по мнению Г.Г. Малинецкого, парадигма сложности выживает за счет альтруистов, берущих на себя борьбу с хаосом с более высоких целевых позиций. И потому нас ждет гуманитарно-технологическая революция, обращенная к процессу самообучения людей.

Обращение к процессу самообучения — это, конечно, для молодежи, которая сейчас находится под пристальным вниманием социологов.

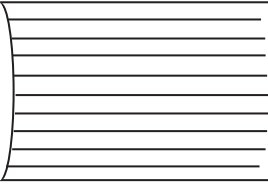
В.П. Веряскина констатирует: цифры печальные — треть молодежи (70 млн) безработна («лишние люди»), сфера труда приходит в упадок, многие молодые уходят в криминальные области. Выход — в формировании у молодых холистического, а значит, позитивного сознания, когда два полушария мозга работают синхронно. Однако технология формирования такого сознания и образования еще не разработана.

И.А. Бирич предложила свое видение будущего образования с точки зрения синергетической парадигмы. Оно выявляется и делается зримым на пересечении нескольких образовательных пространств: социального, культурологического, антропологического и онтологического. Каждое пространство и его измерение предполагает выявление своей цели образования, которая, в свою очередь, выражается через целый веер задач и методов. Только их совокупность может дать целостную картину целей и ценностей образования, их гармоничную сборку, направленную как раз на развитие творческой личности.

Академик А.Л. Журавлев и содокладчик Т.Л. Нестик предложили результаты их исследования «Коллективный образ будущего в сетевом сообществе». Выяснилось, что ориентация на будущее, а также совместное целеполагание гораздо важнее точных прогнозов, например, в экономике. Чем больше коллективные перспективы, тем дальше видим будущее. В сетевых сообществах обнаружился феномен «самосбывающихся пророчеств». Вывод: поиск позитивных целей опирается на творческие способности людей, необходимо развивать воображение как «воспоминание о будущем».

Закончить отчет хочется упоминанием доклада доктора философских наук Е.Н. Князевой. Выступление она начала с призыва Ильи Пригожина к будущим поколениям: «Кость еще не брошена», еще не выбрана траектория разветвления в точке бифуркации развития планеты, которая коснется всего человечества. То есть будущее пока открыто или в сторону стабилизации ситуации, или в сторону ее развития. Креативность природы и креативность человека сопоставимы в поле неопределенности и случайности. Разнообразие надо выращивать, а случайность — лелеять. «Неурядица» в жизни есть символ прихода нового. Междисциплинарность всегда возникала на краю хаоса. Мы должны преодолеть узкий путь между глобализацией и традиционной культурой, между культом разума и культом плюрализма.

По материалам конференции готовится издание в 2018 г. сборника научных статей «Мир человека: неопределенность как вызов».

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2018, № 1 (25)**

Бирич Инна Алексеевна — доктор философских наук, доцент, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ.

E-mail: ebirich@yandex.ru

Волобуев Алексей Викторович — кандидат философских наук, доцент департамента «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ.

E-mail: urticaferox@yandex.ru

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Капков Сергей Александрович — глава научно-учебной лаборатории «Центр экономики культуры, городского развития и креативных индустрий» экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: S.A.Kapkov@gmail.com

Кармова Марьяна Ризановна — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук МГПУ.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Ключко Ольга Ивановна — доктор философских наук, доцент, профессор департамента психологии Московского городского педагогического университета.

E-mail: olga_klioutchko@rambler.ru

Кораблин Денис Александрович — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук МГПУ.

E-mail: urist1363@mail.ru

Кочеткова Людмила Николаевна — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Московского технологического университета.

E-mail: kochetkova@mirea.ru

Ксенофонт Владимир Владимирович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и религиоведения Военного университета МО РФ.

E-mail: kvvmvoky173@mail.ru

Овчинников Дмитрий Евгеньевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры управления персоналом и социологии МГПУ (Самарский филиал).

E-mail: ovchinnikovde1971@yandex.ru

Поваляев Виталий Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения МГПУ (Самарский филиал).

E-mail: jin-vincent@mail.ru

Соколова Ирина Геннадьевна — начальник отдела регионального маркетинга Дирекции по связям с общественностью и международным связям телеканала «ТВ Центр».

E-mail: Iriha19@yandex.ru

Твердынин Николай Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления МГПУ, почетный работник высшего образования РФ.

E-mail: tvernick@mail.ru

Фоминых Мария Владимировна — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук МГПУ, международный гроссмейстер.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Фролова Мария Ивановна — научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

E-mail: frolova1@yandex.ru

Фурсов Валентин Владимирович — кандидат философских наук, магистр права, доцент кафедры общей психологии и педагогики Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова.

E-mail: vfursov@mail.ru

AUTHORS

of «MCU Vestnik», Series «Philosophical Sciences», 2018, № 1 (25)

Birich Inna Alekseevna — Doctor of Philosophy, docent, professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management, Moscow City University.

E-mail: ebirich@yandex.ru

Volobuev Alexey Viktorovich — PhD (Philosophy), docent, docent of the department «Sociology», Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: urticaferox@yandex.ru

Zhukotskaya Alexandra Vasilievna — Doctor of Philosophy, full professor, professor of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management, Moscow City University.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Kapkov Sergey Alexandrovich — head of the scientific and educational laboratory «Centre for the Economy of Culture, Urban Development and Creative Industries» of Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: S.A.Kapkov@gmail.com

Karmova Maryana Rizanovna — a postgraduate student of the department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Klyuchko Olga Ivanovna — Doctor of Philosophy, docent, professor of the department of Psychology, Moscow City University.

E-mail: olga_klioutchko@rambler.ru

Korablin Denis Alexandrovich — a post-graduate student of the department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University.

E-mail: urist1363@mail.ru

Kochetkova Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Philosophy, docent, head of the department of Philosophy, Sociology and Political Science, Moscow Technological University.

E-mail: kochetkova@mirea.ru

Ksenofontov Vladimir Vladimirovich — PhD (Philosophy), lecturer of the department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation of Moscow.

E-mail: kvvmvoky173@mail.ru

Ovchinnikov Dmitry Evgenievich — PhD (Sociology), senior lecturer of the department of Personnel Management and Sociology, Moscow City University (Samara branch).

E-mail: ovchinnikovde1971@yandex.ru

Povalyaev Vitaliy Gennadievich — PhD (Philosophy), docent of the all-university department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Moscow City University (Samara branch).

E-mail: jin-vincent@mail.ru

Sokolova Irina Gennadievna — head of the department of Regional Marketing of the Directorate for Public Relations and International Relations of the TV channel «TV Tsentr».

E-mail: Iriha19@yandex.ru

Tverdynin Nikolai Mikhailovich — Doctor of Philosophy, full professor, professor of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management, Moscow City University, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation.

E-mail: tvernick@mail.ru

Fominykh Maria Vladimirovna — a post-graduate student of the department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, International grand-master in chess.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Frolova Maria Ivanovna — a researcher in the Humanitarian Expertise and Bioethics Sector at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: froloval@yandex.ru

Fursov Valentin Vladimirovich — PhD (Philosophy), Master of Law, docent of the department of General Psychology and Pedagogy, Pirogov Russian National Research Medical University.

E-mail: vfursov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи, слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются: название статьи, автор, аннотация (Resume), ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись сдается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Инне Алексеевне Бирич*.

Телефон редакции: (499) 181-52-35, доб. 135

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
2018, № 1 (25)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62498 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А.В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Е.С. Терновскова
Корректор:
К.М. Музамилова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 16.04.2018 г. Формат 70 × 108¹/₁₆.
Бумага офсетная.
Объем 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.